

олетарии всех стран, соединяйтесь!

398

ОРЬБА

КЛАССОВ

№ 2 ФЕВРАЛЬ
1934

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4-й год издания

A. Панкратова

Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР

1

Семнадцатый съезд партии войдет в историю как съезд величайших побед социализма в нашей стране. XVII съезд завершил целое десятилетие трандиозных классовых битв, целую эпоху всемирно-исторических побед ленинизма. Съезд явился настоящим триумфом учения Ленина — Сталина о возможности построения социализма в одной стране. С громадной силой и убедительностью съезд демонстрировал блестящие достижения и практические итоги победоносного социалистического строительства, теоретическая возможность которого была ранее предвидена и обоснована Лениным и продолжателем его учения и дела Сталиным.

Социализм благодаря учению и борьбе Маркса и Энгельса из утопии превратился в науку. Ленин, продолжая развивать учение Маркса в условиях эпохи империализма, привел пролетариат к завоеванию диктатуры пролетариата и теоретически обосновал возможность построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Stalin, продолжая Маркса и Ленина, развивая ленинское учение о неравномерности развития капитализма как предпосылки учения о возможности построения социализма в одной стране, конкретно разработал ленинский стратегический план борьбы за победу социализма и в великих исторических боях реализовал его в жизни, приближая тем самым международную победу социализма.

Ленин учил, что другого пути к социализму кроме классовой борьбы нет и нет другой силы, которая могла бы достигнуть победы социализма, кроме пролетариата, руководимого самой революционной партией, вооруженной передовой теорией.

Орудием пролетариата в его борьбе за построение социализма является диктатура пролетариата, то есть классовая борьба в самых жесточенных ее формах и на фронте военном, и на фронте организационно-хозяйственном, и на фронте идеологическом.

Победа партии и рабочего класса на всех этих фронтах означала победу социализма в нашей стране.

В. И. Ленин

Рис. Дени

Октябрьская победа пролетариата лишила буржуазию господства. Его победы на фронтах гражданской войны отбили вооруженное сопротивление буржуазии, поддержанной мировым капиталом. Наступление пролетариата на капиталистические элементы в городе и деревне принесло ему победу и на хозяйственных фронтах. Первые годы после смерти Ленина (1924 — 1929) были периодом наступления социализма на отдельных участках хозяйственного строительства.

Борьба за генеральную линию партии, взявшей курс на индустриализацию, обеспечила превращение СССР в страну индустриальную.

После 1929 г. — «года великого перелома» — социалистическое наступление развернулось по всему фронту, ликвидируя кулачество как класс и обеспечив победу колхозного строя. В итоге первой пятилетки был построен экономический фундамент социализма. Исторической задачей 2-й пятилетки стала борьба за построение бесклассового, социалистического общества.

В своем историческом отчете XVII съезду партии о боях и победах социализма т. Сталин не только нарисовал итоги гигантской борьбы партии за построение социализма в нашей стране, но дал глубочайший марксистско-ленинский анализ того, как

И. В. Сталин

Рис. Дени

партия этого достигла, и одновременно развернула программу дальнейшей борьбы за расширение и укрепление завоеванных позиций социализма в нашей стране как базы победы пролетариата во всемирном масштабе.

Величайший документ нашей эпохи — доклад т. Сталина — стал новым теоретическим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, на изучении которого должна повышать свой политический и теоретический уровень вся многомиллионная армия строителей социализма. Задачи партии в области идеино-политического руководства т. Stalin в своем докладе формулировал с исключительной четкостью:

«Наши задачи в области идеино-политической работы:

- 1) поднять теоретический уровень партии на должную высоту;
- 2) усилить идеологическую работу во всех звеньях партии;
- 3) вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии;
- 4) воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма;
- 5) не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищес от марксизма-ленинизма;
- 6) систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений»¹.

¹ «Правда» от 28 января 1934 г.

Эти задачи целиком вытекают из основной политической задачи 2-й пятилетки, которая состоит в «преодолении пережитков капитализма в экономике и сознании людей». XVII съезд демонстрировал небывалое еще в истории нашей партии сплоченность и единство своих рядов, полнейшее крушение всех ранее боровшихся против ленинизма течений и групп, принесших на съезд свое покаяние и заявивших о своем полном разоружении. Но остатки идеологии разбитых антиленинских групп, как указывал в заключении Т. Сталин, не потеряли своей живучести. Остатки разбитых капиталистических классов внутри страны и кольцо капиталистического окружения, что нашей страны представляют совершенно реальную опасность и питательную среду для живучести в тех или иных формах идеологии враждебных ленинским течениям. Капиталистические пережитки и традиции довольно долго живут в сознании трудящихся и требуют упорной борьбы с ними.

Задачей, обязанностью и делом части каждого коммуниста, поставленного партией на борьбу на теоретическом фронте, является дальнейшая и усиленная мобилизация своих сил на основе боевой программы, сформулированной Т. Сталиным на XVII съезде: дальнейшее повышение своей идейной вооруженности и классовой бдительности в деле борьбы с капиталистическими пережитками в сознании людей, в деле выявления и разоблачения остатков враждебных идеологий. Эти остатки идеологии разбитых в СССР капиталистических классов ищут опоры и пытаются поддержкой со стороны капиталистического окружения.

Две системы — капитализм и социализм — вступили в новый этап враждебного соревнования. Отношение к ним разделило весь мир на два не-примиримо враждующих лагеря. «Борьба этих двух лагерей составляет ядро всей современной жизни» (Сталин). Она стала содержанием новой исторической эпохи и вызвала величайшее, какого не знала история, размежевание классов и партий, а следовательно, и величайшее размежевание идеологического фронта.

Идеологический фронт капитализма и идеологический фронт социализма никогда еще так остро не скреивали свое теоретическое оружие. И никогда еще теоретическая борьба не была такой активной формой классовой борьбы вообще.

Опыт послеоктябрьской эпохи показал, что в той ожесточенной классовой борьбе за социализм, какая кипит сейчас во всем мире, все более отбрасываются все условности и «приличия» старого академизма с его лозунгом «объективной», «apolитичной» и «надклассовой» науки. Осужденные историей эксплоататорские классы поднимают сейчас на щит «теорию», которая открыто обосновывает боевую политическую программу фашистской буржуазии.

«Наука, искусство, культура должны быть подчинены требованиям политики», — заявил об этом с полнейшей откровенностью Геббельс — министр просвещения и пропаганды германского фашистского государства. «Нам не нужна либеральная, объективная наука, критерием науки должна быть полезность или вредность государству».

Виднейшие фашистские «теоретики»: Федер, Штрассер, Шпенгер, Зомбарт, Шпанн — откровенно и поспешно выполняют своими «научными» трудами «социальный заказ» фашистской буржуазии.

В качестве основы всех наук: социологии, истории, философии, искусства — кладутся вообще несовместимые с наукой расовые теории.

На происходившем в Варшаве в августе 1933 г. Международном конгрессе историков во многих докладах развивались открыто империалистические теории, служащие современным политическим целям фашизма.

В докладе проф. Барбагалло о причинах упадка античной цивилизации на современный итальянский фашизм возлагалась миссия завоевания мира, не удивляясь римским завоевателям.

Теоретическим и историческим оправданием и обоснованием нынешних завоевательных планов германского фашизма был доклад немецкого историка проф. Бранденбурга о понятии и истории империализма. Той же цели служил доклад румынского проф. Иорга о происхождении и развитии идей национальности в Западной Европе, который рекомендовал насаждать всеми средствами «волю к национальности» среди насильственно присоединенных народностей.

Примеры можно было бы умножить. Ими особенно полна вся современная литература самого оголтелого и разнужданного германского фашизма. Весьма типичным, например, является факт чрезвычайной активности немецких фашистских ученых, политиков и историков, написавших ряд книг, статей и материалов, «обосновывающих» «историческое право» германского фашизма на захват Украины.

Достойный ответ этим «брояющим оружием» фашистско-литературным политикам, мечтающим о лаврах римских завоевателей, дал т. Сталин в своем докладе на XVII съезде партии.

Вспоминая историю падения «Великого Рима», претендовавшего в качестве «высшей расы» держать в вечном рабстве «варваров» и погибшего от обединенных усилий этих варваров, т. Stalin поставил вопрос прямо:

«Спрашивается, где гарантия, что претензии нынешней «высшей расы» не приведут к тем же плачевным результатам? Где гарантия, что фашистско-литературным политикам посчастливится больше, чем старым и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?»

Здесь нет надобности подробно анализировать политическую роль и программу современной социал-фашистской историографии. Презренно-жалкая роль социал-фашистов в деле идеологической и практическо-политической подготовки прихода фашизма к власти в ряде стран, как и их бешеная ненависть к стране победоносного социализма, слишком хорошо всем известны.

В арсенале борьбы фашистской буржуазии против социалистического пролетариата долгое время имели хождение и использовались «теоретические» рассуждения и «исторические схемы» всех этих Каутских, Отто Бауэров, Реннеров, Зейдевицев и прочих пособников фашистских палачей, имена которых во главе с Троцким войдут в историю борьбы пролетариата за победу социализма как самые ненавистные и презренные имена ренегатов и предателей пролетариата на протяжении всей мировой истории. При этом центральной теоретической проблемой послевоенной социал-демократии являлась социал-фашистская теория переходного периода, которая пыталась доказать, что переходный период—это мирное превращение капитализма в социализм, что государственной формой переходного периода является не диктатура пролетариата, а демократия и что переход к социализму осуществляется не СССР, а капиталистические страны с «демократическим режимом».

Эта теория послужила идеологическим обоснованием для полного отказа от борьбы за диктатуру пролетариата и за социализм и для того открытого перехода лидеров социал-демократии в лагерь фашизма, который происходил и происходит на наших глазах.

Известно, с какой услугливой готовностью социал-фашисты отказываются сейчас даже от последних остатков своей недавней социалистической фразеологии, полностью принимая фашистские теории и характеристики рабочего класса, третируемого ими как «низшая раса», или определения пролетарской революции и диктатуры пролетариата как «пролетарского деспотизма» и «деспотического социализма» (терминология Отто Бауэра, нашедшая свое применение у фашистов) и т. п.

В. И. Ленин

Гравюра на дереве
П. Староносова

Наконец, стоит напомнить программные заявления социал-фашистов, которые ими неоднократно делались, особенно в связи с фашистским «днем национального труда», 1 мая 1933 г. В них они открыто заявляли, что осуществляемая национал-социалистами «программа национального социализма»—это и есть тот «идеал социализма, за который всегда боролась социал-демократия» (декларация Лейпарта и других бывших вождей германских с.-д. профсоюзов). С аналогичным верноподданническим заявлением выступил недавно и бывший председатель с.-д. фракции рейхстага Лебе.

Октябрьская революция и особенно победа социализма в СССР с еще небывалой отчетливостью размежевала идеологические граници двух борющихся классов, заставляя «самоопределяться» даже тех мелкобуржуазных ученых, которые еще пытались жить иллюзиями «об'ективного» служения науке.

Такие представители исторической науки, как Матьез, который однажды заявлял, что он не желает делать из истории «низкую прислужницу политики, тем более политики настоящего, не могли удержаться на позиции об'ективного и аполитического свидетеля происходящей вокруг них классовой борьбы. «Пусть люди действия—красного, черного или белого,— писал Матьез,— стараются использовать мои книги для своего дела: это неприятность, которую я должен переносить спокойно».

Этому «об'ективному» служителю науки пришлось однако открыто примкнуть и к «черным» и к «белым», подписав совместно с ними в 1930 г. протест против расстрела 48 вредителей, контрреволюционеров и организаторов голода в СССР. И это судьба далеко не одного Матьеза.

Кризис капитализма, обострение классовых противоречий, нарастание революционной борьбы во всем мире, торжество социализма в СССР—все эти политические события и явления слишком грандиозны, чтобы увести от них массы за ширму «аполитичной» науки, чтобы так легко обмануть массы потерявшими кредит «демократическими» и пацифистскими лозунгами

В. И. Ленин

Рис. Рабичева

А так как массы требуют ясных ответов и решительного указания перспектив, то буржуазия сознательно фабрикует эти ответы, открыто прибегая к фальсификации науки.

Возврат к самым пошлым идеалистическим, мистическим системам, полнейший методологический разброд, вульгарно-апологетический характер «теории» и истории применительно к политическим требованиям фашистской буржуазии — вот что характеризует науку в капиталистических странах, повсюду, кроме СССР, переживающую распад и разложение.

И глубоко прав был покойный М. Н. Покровский, который, констатируя переход буржуазной науки на рельсы открытого признания своего классового назначения, писал: «Разница между нами и буржуазными учеными заключается в классовом аспекте: те представляют, в лучшем случае, боевую контрреволюционную науку, а мы представляем боевую революционную науку»¹.

2

Спасение капитализма или победа социализма — вот та линия, по которой углублялся и рос во всем мире в течение всей послеоктябрьской эпохи и особенно за последнее десятилетие водораздел между буржуазной и пролетарской идеологией во всех областях науки.

Особенно очевиден этот водораздел в области исторической науки. Нельзя сказать, что история просто «отражает» классовую борьбу. Историческая наука сама является оружием классовой борьбы. Известно, как часто буржуазия для идеологического подкрепления своих классовых позиций прибегала к использованию истории, фальсифицируя ее в своих политических интересах.

¹ «Историк-марксист» № 16, стр. 7, 1930 г.

Историческая наука в СССР за истекшие 10 лет, которые партия прошла без Ленина, но под ленинским знаменем и под непосредственным руководством Сталина, не могла стоять в стороне от широкого фронта классовой борьбы, какую вел пролетариат за построение социализма в нашей стране.

Построить социализм — это означало прежде всего преодолеть в ходе борьбы собственную буржуазию, а следовательно, разбить и ее идеологический фронт, который подкреплялся мелкобуржуазными идеологическими штаниями, находившими свое отражение в различных оппортунистических теориях в партии.

Перед партией стояла задача: в жесточайшей классовой борьбе, в борьбе с пережитками и влияниями буржуазной идеологии, в преодолении всяких уклонов от ленинизма обеспечить победоносное строительство социализма. Эта общая и решающая задача всей партии определяла и задачу большевистских историков как борцов за победу учения и дела Ленина. Ленинизм в истории стал нашим знаменем, ленинское наследство по вопросам истории — неисчерпаемым источником знания и вернейшим методологическим вооружением каждого историка-большевика. Ленин оставил историческому фронту твердые и ясные директивы. Исходить из них и руководствоваться ими обязывал и обязывает каждого большевистского историка ленинский этап развития исторической науки. Исходя из определения теории как одной из форм классовой борьбы, Ленин так определял боевые задачи историков-марксистов:

«Мы должны... писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действия,— писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты»¹.

Ленин, как и Маркс, требовал от боевой исторической науки изучать классы и классовые противоречия, вскрывая корни идей и различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Он особенно настойчиво предлагал изучать борьбу масс, их роль и исторические действия. Подчеркивая, что «всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата», что «вопрос о диктатуре пролетариата есть коренной вопрос современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах»², Ленин считал учение о диктатуре пролетариата и историю диктатуры различных классов центральной проблемой, подлежащей нашему изучению. Эта проблема определяет круг той тематики, какую Ленин считал особенно важной: это прежде всего история социализма и массовых революционных движений, и особенно история всех революций.

«История всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров» — вот источник наших знаний о диктатуре, говорил Ленин.

Находясь подобно Марксу и Энгельсу в самом центре революционной борьбы, возглавляя практически боевые действия масс, Ленин являлся одновременно величайшим теоретиком и историком этой революционной борьбы. В свете новой исторической эпохи он сумел обобщить исторический опыт борьбы классов во всем мире и революционный опыт рабочего класса всех стран с точки зрения путей его борьбы за диктатуру пролетариата и за победу социализма.

Изучение чрезвычайно глубоких ленинских указаний о том, что и как должны изучать большевистские историки, если они хотят быть ак-

¹ Ленин «Революционные дни». Т. VII, стр. 83.

² Ленин «К истории вопроса о диктатуре». Т. XXV, стр. 431 и др.

бившими борцами за дело социализма, должно было стать во главу угла научно-исследовательской работы наших историков.

Первым, кто поднял нас на борьбу за ленинский этап в нашей науке, кто потребовал изучения всех работ Ленина как руководства для теоретического фронта, был Сталин. Сталин является неизрвзойденым теоретиком ленинизма. Его лекции об основах ленинизма, читанные в Свердловском университете в апреле 1924 г., сыграли исключительную роль в деле изучения ленинизма и впервые на огромную принципиальную высоту поставили вопрос о ленинском этапе в развитии нашей науки.

Сталин с исключительной четкостью поставил вопрос о сущности ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарских революций и показал то новое, что внес Ленин в сокровищницу марксизма. Сталин особенно настойчиво подчеркивал, что на современном этапе нельзя правильно понимать марксизм, не разрабатывая ленинского наследства, поднявшего марксизм на высшую ступень.

Теоретические работы Сталина непосредственно связаны с задачами социалистического строительства и революционной борьбы, они насквозь проникнуты духом ленинской партийности и непримиримости ко всяkim искажениям, извращениям и уклонам от ленинизма. Теоретически обобщая опыт революционной борьбы за победу социализма, развивая дальше ленинское учение, особенно ставшее фундаментом новой эпохи учение о возможности построения социализма в одной стране, Сталин является непосредственным продолжателем марксизма-ленинизма, а его «Вопросы ленинизма» стоят рядом с величайшими произведениями классиков марксизма.

Исключительное значение для исторического фронта имеют также статьи Сталина против «исторических» фальсификаций Троцкого (см. сборник «Об оппозиции»). В них роль Ленина как историка выявлена особенно ярко и конкретно.

Принципиальные указания т. Сталина в отношении ленинского этапа были восприняты и проводились в жизнь в области исторической науки М. Н. Покровским¹.

Заслуга М. Н. Покровского как большевистского историка заключалась прежде всего в том, что ленинизм в истории он сделал своим исходным методологическим оружием в борьбе с враждебной марксизму историографией. Покровский посвятил Ленину как историку — ленинскому историческому методу и ленинским оценкам отдельных вопросов истории — ряд статей, в которых он подверг пересмотру, изменению и уточнению на основе ленинского анализа и свои собственные взгляды на отдельные вопросы истории (см. «Ленин в русской революции», «Ленин как тип революционного вождя», «Ленин и русская история», «Ленин и внешняя политика» и др.).

Следуя за Сталиным, М. Н. Покровскийставил перед нашей исторической наукой задачу большевистского подхода и применения ленинизма в истории, четко формулируя связь истории с политикой. Исходя из этого, М. Н. Покровский дает следующее определение истории.

«Суть истории, — писал М. Н. Покровский, — в том, как неоднократно говорилось, что это самая политическая из всех наук и ее увязка теории с практикой заключается в том, что история должна непосредственно и неустанно разъяснять массам происходящую классовую борьбу, вскрывать корни иногда глубоко скрытых классовых противоречий, словом, обнажать и подвергать беспощадному марксистско-ленинскому анализу все политические конфликты, ко-

¹ Смешными и странными поэтому являются утверждения т. Ломакина, будто задачи ленинского этапа в исторической науке сформулированы некоторыми молодыми историками только в последнее время, особенно странно появление таких утверждений на страницах руководящего органа исторического фронта (см. «Историк-марксист» № 1 за 1934 г., ст. Ломакина «О ленинском этапе исторической науки»).

торые перед нами происходят, что совершенно невозможно без исторического подхода к этим конфликтам» («Историк-марксист» № 21 за 1931 г.).

Михаил Николаевич требовал от историка-большевика самой тесной и непосредственной увязки его научно-исследовательской работы в области истории с задачами борьбы пролетариата за социализм на том или ином этапе. «Там, где этой увязки нет, нет и настоящей ленинской истории», — делал он свой основной вывод.

«Только тот, — писал М. Н. Покровский, — кто в истории борется за интересы пролетариата, в соответствии с этим выбирает темы, выбирает противника, выбирает то или иное оружие борьбы с этим противником, — только тот является настоящим историком-ленинцем» («Историк-марксист» № 21).

М. Н. Покровский как историк-большевик особенно заострил оружие исторической науки в условиях борьбы за пролетарскую диктатуру и за победу социализма в нашей стране под самым активным и непосредственным влиянием Ленина и Сталина, работы которых стали основой его методологии. Его «Русская история в самом сжатом очерке», которую Ленин предлагал сделать обязательным учебником, чтобы по нему «учились сравнивать старую науку и новую», его работы по истории революции 1905 и 1917 гг., выросшие из полемики с теми, кто искажал учение Маркса и Ленина о революции, его работы по истории войны и внешней политике, наконец, его статьи по историографии характеризуют М. Н. Покровского как ученика Ленина и Сталина и как воинствующего историка-большевика.

М. Н. Покровский поставил вопрос о подготовке новых кадров марксистско-ленинской исторической молодежи. Он заботливо воспитывал эти кадры в созданном им (по декрету Ленина в 1921 г.) Институте красной профессуры, готовя их к борьбе за ленинизм.

Атаки на ленинизм усиливались по мере роста и обострения классовой борьбы пролетариата, переходящего в социалистическое наступление. Теоретическая борьба смыкалась непосредственно с политической борьбой, отражая то обострение классовой борьбы, которое происходило в стране. В этих условиях общественные науки вообще, а историческая наука в особенности нередко использовались врагами пролетариата как прямое оружие борьбы с ленинизмом.

К фальсификации исторической науки прибегали эпоптунисты всех мастей также и для непосредственных атак против руководства партии, в особенности против т. Сталина как наиболее непримиримого и бесстрашного борца за незыблемость ленинской теории. В основе всех атак на ленинизм, на генеральную линию партии, на стalinское руководство партии лежал центральный вопрос всей исторической эпохи после смерти В. И. Ленина — вопрос о возможности победоносного строительства социализма в нашей стране.

3

В первые годы после Октябрьской революции рост марксистских кадров шел недостаточно быстрыми темпами: Научно-исследовательские учреждения, университетские кафедры, средняя школа почти целиком находились в руках старых, буржуазных историков, весьма нередко активных антимарксистов, боровшихся против социализма в теории и на практике.

Занятые борьбой с буржуазной контрреволюцией на фронтах гражданской войны, марксистски подготовленные кадры нашей партии не могли в этот период широко развернуть борьбу на теоретическом и в частности на историческом фронте. Вот почему и в годы гражданской войны и в первые годы нэпа, пока не определилась военная победа пролетариата и пока не окрепли молодые кадры новых историков-марксистов, буржуазная историография не находила достаточно серьезного отпора.

Буржуазные историки в этот период в своих трудах открыто атаковали пролетариат на фронте идеологии почти одновременно с атаками на фронтах гражданской войны. Целью атаки и ее главной военно-стратегической задачей было ослабить позиции и энергию масс в борьбе за пролетарскую диктатуру, внушить им, что социализм невозможен и что диктатура пролетариата должна уступить дорогу господству буржуазии. Если попытаться проанализировать тематику и содержание исторических исследований, написанных буржуазными учеными в СССР после Октября и примерно до смерти Ленина, то мы без труда вскроем определенную политическую программу разбитой революцией буржуазии, сводящуюся к открытому историческому обоснованию необходимости буржуазного реставраторства.

В годы гражданской войны, 1918—1920, буржуазные исторические работы откровенно направлялись против пролетарской революции, стремясь обосновать необходимость вооруженной борьбы с пролетарской диктатурой.

Октябрьская революция и гражданская война чаще всего сопоставлялись буржуазными историками со «смутным временем». Наиболее значительные работы крупнейших буржуазных историков — Платонова, Готье и Кизеветтера — посвящены «смутному времени» и «русскому Северу». В своих трудах они обрекали Октябрьскую революцию («смуту») на исторически обусловленную гибель и слагали гимны буржуазным отношениям собственности, образцом которых они считали «прошлое русского Севера».

В книжке Готье «Смутное время» развивалась целая «философия» революции. Революция именно и есть «смута», и она является «одной из тех болезней, которые пришлось перенести русскому народу и тому государству, которое он создал в течение его многовековой исторической жизни».

Платонов не только доказывал вслед за Готье неизбежность реставрации, но и показывал, какие классы способны на нее и в какой политической форме они принесут спасение от «смуты». «Низы, — писал он, — не принесли с собой взамен нарушенного ими строя жизни ничего нового ни в илее, ни в практической форме». Весь свой анализ «смуты» Кизеветтер и Готье сводили к характеристике «низов» как разбойников и грабителей. Смута — это «протест обиженных низов против сытых верхов», вырождающийся очень быстро в «обыкновенный, ничем не прикрытый разбой».

Буржуазия и, следовательно, буржуазные историки после Октября ставили свою политическую ставку на кулачество, считая его носителем идеи буржуазного реставраторства. В целом ряде других исторических работ этого периода (Платонов — о Борисе Годунове, Виннер — «Иоанн Грозный» и другие) буржуазные историки «подсказывали» «исторически наиболее обоснованную» политическую форму буржуазного реставраторства, идеализируя бонапартистского типа монархию. Так в форме исторических исследований буржуазия, схватившаяся с пролетариатом в смертельной схватке на фронтах гражданской войны, продолжала губить борьбу с Октябрьской революцией и диктатурой пролетариата и на фронте идеологическом.

После окончания гражданской войны, с переходом к нэпу (в 1921—1922 гг.), когда ставка буржуазии на вооруженную победу над революцией оказалась битой, буржуазная историография резко изменила свою тематику. Она старается теперь исторически «обосновать» неизбежность мирного, эволюционного буржуазного перерождения нашей страны на рельсах нэпа.

Такие органы буржуазной исторической науки, как «Русский исторический журнал», «Известия археографической комиссии Академии наук», «Известия Академии наук», затем сборники Института истории (РАНИОН — Москва), концентрировали теперь свое внимание на боевых для данного периода проблемах истории: на вопросах о роли государства, на истории и тенденциях развития хозяйства и т. п. В работах буржуазных историков этого

периода особенно остро вскрываются основные политические тенденции контрреволюционной буржуазии. Все многочисленные исторические работы этого периода, посвященные истории торговых отношений, истории крестьянского хозяйства и т. п., являлись открытой апологией буржуазной собственности. Вождем буржуазной исторической науки и ее идейным вдохновителем (даже после своей смерти) оставался Ключевский. Его общеисторическая схема и особенно политическая концепция и взгляды на характер и роль государства в истории народов были в буржуазной историографии этого периода господствующими. В 1922 г. был даже выпущен настоящий политический манифест буржуазной исторической науки в виде статьи Голубкова о Ключевском. Статья эта была напечатана в официальном журнале Академии наук. В ней автор откровенно призывал историков следовать за Ключевским в его борьбе с историческим материализмом. Эту борьбу буржуазная историография переносила прежде всего в область изучения истории хозяйственных отношений, стремясь доказать историческую невозможность социалистических «экспериментов» в области хозяйства и необходимость создания прочной буржуазной системы хозяйственных отношений. В исторических исследованиях Юровского «Саратовские вотчины», Вулиха «Из мира торговых отношений в Москве XVII в.», Бахрушина «Очерк по колонизации Сибири», Бартольда «Очерки культурной жизни Туркестана» и в ряде других работ представителей школы Ключевского обосновывалась проблема экономического перерождения советского государства и доказывалась историческая неизбежность развития хозяйства в Советской России по пути капитализма.

«Сменовеховство» становится политическим знаменем, а Устрялов — виднейшим идеологом буржуазии на данном этапе. Буржуазные историки пытались подновить и приспособить методологию струвизма, особенно при изучении ставшей популярной проблемы истории капитализма в России, его происхождения и развития. НЭП воскрешал надежды на возврат капитализма, и буржуазная историческая наука стремилась изо всех сил расчистить ему дорогу, подготовляя сознание к неизбежности его прихода. Отсюда вырастали в исторических работах всякие теории «вотчинного капитализма», описания ряда поместий, истории торговых путей и т. д. и т. п. Внимание буржуазных историков направлялось в этот период на изучение экономики и истории отдельных районов. Буржуазная историография стремилась показать на истории отдельных районов исторически им присущие отношения и традиции буржуазной собственности и крепкие корни исторически в них сложившегося купечества как опоры капитализма. Ставка на кулацкую контрреволюцию (в формах хозяйственного перерождения) становилась актуальной проблемой буржуазной историографии. В завуалированной форме она пропагандировалась буржуазными учеными в СССР и совсем открыто в политических выступлениях белоэмигрантских историков за границей (например «Распад России» Милкова и др.).

Но по мере роста хозяйственных и политических успехов пролетариата и его партии, по мере сплочения марксистско-ленинских кадров на историческом фронте отступала и сдавалась на «кладбище идеологии» старая, буржуазная историческая наука. Менялась тематика, выдвигались новые проблемы, все более активно и непосредственно связанные с развивающейся классовой борьбой пролетариата за социализм, расширялось влияние марксизма-ленинизма в исторических работах и организациях.

В марте 1925 г. было создано, по инициативе М. Н. Покровского, Общество историков-марксистов. Оно стало центром мобилизации новых научных кадров историков, которые по указаниям Ленина и Сталина и под непосредственным руководством М. Н. Покровского подготовили организованный отпор враждебным идеологиям, распространяемым буржуазными историками.

Большевистский
историк проф.
М. Н. Покровский

Еще в 1923 г. М. Н. Покровский выпустил отдельной книжкой свои лекции на тему «Борьба классов и русская историческая литература». В ней он с большой политической остротой, применяя марксистскую диалектику, развернул критику и расширил классовые типы различных исторических школ, начиная с Карамзина, Чичерина, Щапова, Соловьева, Ключевского и кончая Плехановым и Рожковым.

При этом М. Н. Покровский особенно резко нападал на «экономический материализм», поскольку он оставался теоретическим обоснованием политических позиций меньшевизма и поэтому представлял наибольшую опасность для пролетариата и его социалистических позиций. Эта борьба М. Н. Покровского с буржуазной методологией и с буржуазной историографией, как и создание организационного центра марксистско-ленинской исторической науки, были значительным этапом в ходе оформления боевой политической роли марксистско-ленинской исторической науки как идеологического оружия партии и пролетариата в борьбе с врагами социализма. После смерти В. И. Ленина историки положили начало более широкому и серьезному изучению ленинского исторического наследства. В 1924 г. появилась знаменитая работа т. Сталина «Об основах ленинизма», давшая историкам-большевикам исключительное богатство идей и указаний в области исторической методологии и конкретной истории вообще и истории большевизма в частности.

Целый ряд исторических юбилеев (1905 год, декабристы, пугачевщина, Бакунин, Чернышевский, Октябрьская революция и другие) также заставляли историков-марксистов работать в новом направлении, пересматривать старые схемы и выдвигать новые проблемы в большем чем до сих пор соответствии с задачами классовой борьбы пролетариата на данном этапе. Эти новые проблемы своим стержнем имели тему о революции и диктатуре пролетариата, главным об'ектом изучения по завету Ленина все больше стали выдвигать рабочие и крестьянские массы и их роль в революциях различных эпох и стран. Но в полном об'еме проблемы истории и перспективы пролетарской революции были поставлены на историческом фронте лишь тогда, когда он активно включился в борьбу партии с троцкизмом, когда ему пришлось под руководством партии организовать в области истории отпор оппортунистической ревизии ленинского учения — о возможности построения социализма в нашей стране.

4

В борьбе против ленинской теории о возможности построения социализма в одной стране мелкобуржуазная агентура внутри партии — оппортунисты всех мастей — обычно начинали свои атаки с аргументов и ссылок на историю.

Борьбу на новом этапе после смерти Ленина они начали «историческим» спором о движущих силах, характере и перспективах Октябрьской революции. «Связь между неверием в Октябрь и непризнанием социалистических возможностей в нашей стране была полная» (Сталин).

Тогда Сталин при этом подчеркивал, что именно история революции в России, вся историческая борьба российского пролетариата, шедшего в авангарде международного рабочего класса и руководимого самой революционной в мире партией, вся история экономического развития России, особенно в эпоху империализма, при обострении неравномерности развития капитализма, доказывают не только возможность, но и неизбежность победы социализма в нашей стране.

Троцкий, исходя из своей контрреволюционной теории перманентной революции, пытался также в свидетели брать историю и особенно историю революций 1905 и 1917 гг. Но для того, чтобы «история» заговорила языком, нужным Троцкому, он должен был ее непрерывно фальсифицировать.

Не чем иным, как фальсификацией истории, были все статьи и работы Троцкого («1905 год», «Уроки Октября» и другие), в которых он отрицал социалистический характер Октябрьской революции и протаскивал контрреволюционную клевету на партию и Ленина о «перевооружении» большевизма. Его позднейшие заграничные историко-литературные упражнения («Перманентная революция», «Февральская революция» и другие) по существу являлись белогвардейскими документами, которые довершили его фальсификаторскую работу в области истории и которые давали духовное оружие в руки мировой контрреволюции.

Вся историческая концепция Троцкого заимствована им из арсенала буржуазной историографии, политически приводившей к программе буржуазной реставрации, о которой мы говорили раньше.

Историческая схема Троцкого, как с большой яркостью и остротой показал М. Н. Покровский во время дискуссии с Троцким, стояла в непосредственной преемственности от буржуазной общеисторической схемы Соловьева и Чичерина, от их представлений о путях развития и особенностях исторического процесса в России. Вслед за буржуазной историографией Троцкий считал, что Россия развивалась под непосредственным воздействием государства как неклассовой силы, что в ней отсутствовали внутренние предпосылки для развития капитализма на собственной основе (например отсутствовали города и городские цехи), что в силу своей исторической

хозяйственной отсталости Россия превратилась в колонию иностранного капитала. Отсюда вырастало у Троцкого экономическое обоснование для его утверждений об отсутствии внутренних сил для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Из этого же выросли его теория перманентной революции и его отрицание возможности построения социализма в нашей стране. Наконец этот же экономический анализ заставлял Троцкого утверждать, что союз пролетариата с крестьянством привел бы к «преступному приспособлению нашей политики к национально-патриотической ограниченности деревни» и был бы «самоубийством для русского рабочего, который оплатил бы свою связь с крестьянином ценой разрыва своей связи с европейским пролетариатом». Подобная оценка взаимоотношений и перспектив союза рабочего класса и крестьянства привели Троцкого к полному отрицанию наличия внутренних сил для победы социализма в СССР и к прямой и открытой сухановщине, как подчеркивал т. Сталин на VII расширенном пленуме ИККИ в декабре 1926 г., анализируя взгляды Троцкого на нашу революцию.

Троцкизм в течение довольно продолжительного времени оказывал непосредственное влияние на исторические взгляды отдельных историков, работавших в СССР (Красный, Кунисский, Ладоха и др.).

Но марксистско-ленинская историческая наука не могла бы включиться в борьбу за построение социализма, если бы она самым беспощадным образом не провела борьбы с троцкистскими схемами или с ошибками троцкистского порядка в исторических работах некоторых историков.

В первую очередь ей пришлось, как мы говорили, разоблачить троцкистскую схему революций 1905 — 1917 гг. и одновременно установить идеино-политическое единство этой схемы с буржуазными и мелкобуржуазными концепциями Октябрьской революции. Борясь против троцкизма, большевистские историки проводили борьбу и с историческими схемами буржуазных реставраторов и мелкобуржуазных ликвидаторов.

В этот период Общество историков-марксистов и его орган «Историк-марксист» провели большую работу, разоблачив политическую программу буржуазных реставраторов (Устрилов, Милюков) и мелкобуржуазных ликвидаторов (Суханов, Рожков), показав методологическое единство и политическую общность с ними троцкизма. Все эти историки рисовали Октябрьскую революцию как типичную буржуазную революцию, которая должна обеспечить развитие в России «нормального» буржуазно-демократического общества.

Октябрьская революция, вкорне подорвавшая существование буржуазии, заставила даже таких буржуазных идеологов, как Милюков, пересмотреть свои прежние «надклассовые» схемы.

Вот почему Милюков в своей книге «Распад России», изданной в 1926 г., пытается ориентироваться на кулачество, ожидая от него возрождения буржуазной России. К тем же выводам приходят в этот период и мелкобуржуазные ликвидаторы типа Суханова и Рожкова, также разоблаченные историками-марксистами. «Записки о революции» Суханова, которые Ленин в своей заметке «О нашей революции» определил как «учебник по Каутскому», исходили из того, что в нашей стране нет об'ективных предпосылок для построения социализма и что вне буржуазной демократии нет спасения для России. В сборнике, изданном в 1927 г. Комакадемией, Суханов развивал идею врастания социализма в буржуазный строй, заявляя, что после Октября «этот идея стала лозунгом социалистического строительства». Нечего и говорить, что на самом деле она означала контрреволюционную защиту кулака.

Говоря о мелкобуржуазных концепциях пролетарской революции выступавших в качестве боевого оружия остатков буржуазных классов против построения социализма в СССР, следует остановиться еще и на Рожкове. Для него Октябрьская революция была лишь наиболее развернутой буржу-

азной революцией, а социалистические преобразования являлись лишь побочным продуктом этой буржуазно-демократической революции.

Вокруг проблемы характера и движущих сил Октябрьской революции, без правильного понимания которой невозможно было и правильное отношение к ленинской теории построения социализма в нашей стране, марксистско-ленинская историческая наука развернула широкую критическую работу и борьбу в своих собственных рядах. Она разоблачила механистическую методологию Крицмана, видевшего в Октябрьской революции «историческое совпадение антикапиталистической и антифеодальной революций». В то же время она подвергла критике схему Пионтковского, утверждавшего, что в Октябре происходили две революции: буржуазная и социалистическая, «совпадающие во времени и пространстве» и «толкающие друг друга вперед».

Разоблачена была и фальсифицированная история Октябрьской революции Шляпникова, давшего троцкистскую схему движущих сил Октябрьской революции, с полным игнорированием роли крестьянства, с меньшевистско-синдикалистским изображением пролетариата и со злостной клеветой на партию и ее роль в 1917 г.

Разоблачая все эти антиленинские концепции Октябрьской революции, вскрывая их отношение к кардинальному вопросу о возможности построения социализма в нашей стране, М. Н. Покровский подчеркивал, что во всех этих дискуссиях мы вели не просто научную дискуссию о двух схемах революции (да и подлинная ленинская схема революции могла быть только одна), но здесь шел более общий спор: о двух линиях политики, о двух методах руководства революцией.

«Исторически эти две схемы боролись, — писал Покровский, — как два метода руководства революцией. Этот спор кончен, кончен в жизни: но то, что умерло как движущая сила исторического процесса, иногда, очень часто, продолжает жить в идеологии как теория, претендующая на признание» («Историк-марксист» № 5, стр. 4. 1927 г.).

Задачей исторической науки, поставленной на боевые позиции борьбы за социализм, было прежде всего показать, что спор кончен не только в жизни, но и в идеологии, ибо победила подлинная ленинская схема революции, и в жизни и в идеологии победил единый метод руководства: тот, который обеспечил победоносное строительство социализма.

Объединенная оппозиция (Троцкий, Зиновьев, Каменев) в своей борьбе против построения социализма в нашей стране выдвигала возражения не только с точки зрения внутренних противоречий между пролетариатом и крестьянством, но и подчеркивала противоречия в нешние между нашей системой хозяйства и мировым капиталистическим хозяйством.

Оппозиция пыталась воскресить старую меньшевистскую теорию слабого развития производительных сил и отсутствия «объективных предпосылок» для построения социалистического хозяйства. Историческая отсталость России возводилась в такую степень, которая превращала Россию в простую колонию мирового финансового капитала.

Вот почему историческая дискуссия по вопросу о характере финансового капитала и особенностях русского империализма, развернувшаяся в связи с книгой Ванага «Финансовый капитал в России», сразу приобрела большое политическое значение.

Схема Ванага об исключительном господстве иностранного капитала и о зависимости русского финансового капитала от антантовского была подвергнута серьезной критике, так как она объективно приводила к троцкистской трактовке России как колонии иностранного капитала и к политическому выводу Троцкого о невозможности построения социализма в нашей стране. Было подвергнуто критике и другое положение Ванага — его отрижение возможности сращивания между финансовым капиталом и самодержавием.

Это отрицание означало непонимание роли самодержавия в системе империализма и, следовательно, непонимание ленинской идеи военно-феодального империализма.

Оно означало и непонимание того, что так остро подчеркивал т. Сталин, что в России интересы царизма и капитального империализма сливались в един общий клубок и создавали обстановку чрезвычайного революционного напряжения и политической остроты, ставившей на очередь для революции не только против самодержавия, но и против буржуазии.

Троцкистское отрицание возможности построения социализма в нашей стране приводило оппозицию к новой клеветнической теории о неизбежности термидорианского перерождения советской власти и большевистской партии. В качестве «доказательства» снова привлекалась история, вернее, вульгарное аналогизирование Великой французской революции и Октября в России.

Разработкой истории 9-го термидора и показом научной абсурдности этого представления событий и перспектив буржуазной и пролетарской революций историки оказали помощь партии, которая с презрением отшвырнула гниущую троцкистскую клеветническую «теорию» термидора.

В идеином и организационном разгроме троцкизма решающую роль сыграло твердое и мудрое руководство Сталина. Сталин требовал неустанного и повседневного разоблачения буржуазной идеологии троцкизма и с громадной силой, решимостью и последовательностью возглавлял эту борьбу и разоблачение.

Сталин как и Ленин проявлял беспощадность, неизменимость и последовательность в принципиальной борьбе. «Всякая непоследовательность или слабость,— говорил Ленин,— в разоблачении тех, кто проявляет себя как реформист или «центровик», означает прямое увеличение опасности свержения власти пролетариата буржуазией, которая использует завтра для контрреволюции то, что кажется близоруким людям лишь «теоретическим» разномыслием сегодня»¹.

Сталин с неподражаемым мастерством вскрывал в теоретических разногласиях сегодня то, что могло стать делом прямой контрреволюции завтра.

Именно это руководство обеспечило партии, в том числе и ее теоретическому фронту, решительную ликвидацию троцкизма, превратившегося в авангард мировой буржуазной контрреволюции, и именно эта теоретическая и политическая победа партии обусловила ее дальнейшие успехи в борьбе за построение социализма.

5

Со второй половины 1929 г. партия, руководимая своим вождем т. Сталиным, развернула социалистическое наступление по всему фронту. Отражая сопротивление гибнущих классов все расширяющемуся и победоносному наступлению социализма, в этот период особенно усилились и активизировались в стране враждебные пролетариату идеологические течения и буржуазные теории.

Активизировался и стал главной опасностью правый уклон — эта кулацкая агентура в партии. Продолжали свою контрреволюционную борьбу с партией троцкистские элементы. Менялись и обострялись формы классовой борьбы в стране. Отражая растущее сопротивление гибнущих классов, участились вылазки классового врага на идеологическом фронте. Нередко выступления буржуазных ученых принимали форму открытых выпадов против марксизма или даже идеологического вредительства и прямой контрреволюции, смыкаясь и входя в контакт с заговорщиками и интервенционистскими планами мировой буржуазии против СССР.

¹ Ленин. Т. XXV, стр. 317.

«Люди, которых еще вчера мы считали только своими идеяными противниками, — указывала на этот новый факт резолюция Общества историков-марксистов от 19 марта 1930 г., — сегодня оказываются активными участниками антисоветских организаций. Где кончается «несогласие с марксизмом» и начинается прямое вредительство, различить становится все менее и менее возможным» («Историк-марксист» № 15, 1930 г.).

Усиление борьбы с враждебными марксизму историческими концепциями, с пережитками и прямым протаскиванием буржуазной идеологии, с фальсификацией истории в пользу гибнущих капиталистических классов становилось актуальнейшей политической задачей историков-большевиков. В 1928 г. и затем в 1930 г. были разоблачены враждебные выступления Петрушевского, Тарле и других буржуазных историков Запада и СССР. С полной очевидностью вскрылась связь между их историческими работами и борьбой против СССР международной буржуазии, вступившей в условиях кризиса в полосу новых ожесточенных боев с революционным пролетариатом во всех странах. Буржуазные историки Западной Европы активно включались в антисоветскую кампанию и стремились создать общий фронт против марксистской исторической науки совместно с буржуазными историками, работавшими в СССР.

В этом отношении типичен был пример с проф. Тарле, который написал в 1927 г. книгу «Европа в эпоху империализма», заняв в ней империалистическую антантофильскую позицию. В этой и других работах Тарле были разоблачены историками-марксистами буржуазно-реставраторские политические тенденции автора и его ученое лакейство перед антантовским империализмом. Тарле был немедленно взят под защиту буржуазными и белогвардейскими историками за границей (например Востоковым в журнале «Mond slave», Матьеzem во Франции и др.). Рост мирового кризиса в капиталистических странах и успехи социализма в СССР приводили к дальнейшей дифференциации среди западноевропейских историков, толкая значительную часть из них на сторону антисоветских сил. Мы уже упоминали известный протест против расстрела 48 вредителей в СССР, помещенный в «Фоссише цайтунг» осенью 1930 г. и подписанный в числе других ученых и немецкими историками. Присоединившийся к «протесту» французский историк Матьеэз выступил в то же время на страницах своего журнала «Annales historiques» против советских историков-марксистов, обвиняя их в том, что они свои научные выводы подчиняют задачам текущей политики. Процесс Промпартии вскрыл переход ряда буржуазных ученых СССР на службу интервенции и их вредительский контакт с антисоветскими буржуазными кругами Западной Европы. Буржуазная историческая наука Западной Европы проводила свои враждебные пролетарскому социализму цели и через другой канал, который помогал ей устанавливать единый анти-марксистский и антисоветский фронт с буржуазными историками в СССР. Мы имеем в виду различные идеалистические исторические теории (например теории Риккерта, Макса Вебера, Допша, Трельча и др.), на которых базировалась методология не только историков Западной Европы, но и тех буржуазных историков в СССР, которые занимались вопросами так называемой всеобщей или западной истории. Появившиеся в 1928 г. «Очерки из экономической истории средневековой Европы» проф. Петрушевского подверглись критике в исторических дискуссиях и в 1928 и в 1930 гг. именно потому, что они представляли образец активной пропаганды и популяризации идеалистической методологии Риккерта и Макса Вебера и были заострены против марксизма.

Проф. Петрушевский долгое время является главой целой исторической школы западников, в частности историков средних веков. Вот почему его открытый переход в наступление на марксизм был особенно знаменателен. Его идеи находили широкий резонанс, и распространение при помощи его

учеников, что, между прочим, нашло свое подтверждение и во время дискуссии с Петрушевским (выступления Неусыхина, Косьминского и др.).

Решительный поворот ученых на сторону советской власти начался примерно с 1931—1932 гг. на основе успехов пятилетки, когда вопрос «кто кого» был бесповоротно решен в пользу социализма. Лучшие умы ученого мира (особенно в области техники) стали идти за партией и отдавать свои знания и силы социалистическому строительству.

Проведенные в декабре 1930 г. и в мае 1931 г. дискуссии на западном участке исторического фронта несомненно способствовали разоблачению классовой сущности и политических взглядов ряда буржуазных и мелкобуржуазных историков, а также и тех из них, которые свои контрреволюционные концепции прикрывали маскировкой под марксизм.

Однако исторические дискуссии по вопросам западной истории показали, что этот участок еще не стоял во всеоружии против врагов социализма. Он отставал от задач классовой борьбы в СССР и на Западе и по темпам и по тематике. Он не поставил в порядок дня актуальнейших проблем международного рабочего движения и особенно вопроса о роли большевизма на международной арене. Он очень слабо выдвигал проблемы истории империализма до войны и почти не занимался вопросами послевоенной истории. Западная дискуссия, несмотря на известные положительные результаты, не подняла поставленных ею вопросов на должную высоту и не обнаружила троцкистской контрабанды выступавшего в дискуссии Слуцкого и других историков, разоблаченных позже в письме т. Сталина в «Пролетарскую революцию». Дискуссия не разоблачила теоретических корней рязановщины, брандлерианства, социал-фашистских исторических концепций, а также не поставила на необходимую научную и принципиальную высоту критику люксембургианства. Наконец, не было в дискуссии развернуто и настоящей самокритики и анализа ошибок в работах самих историков-марксистов, на какую толкнуло историков также только письмо т. Сталина, о чем будет сказано дальше.

Подводя итоги роли борьбы за социализм на западном участке исторического фронта в этот период, необходимо сказать, что наши историки не учили еще в полной мере указания вождя партии т. Сталина о том, что «без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории, невозможно добиться полной победы над классовыми врагами».

То же отставание и отсутствие обдительности характеризовало и работу историков-марксистов в отдельных национальных районах и республиках СССР. Между тем в них как раз положение было особенно сложно. Классовая борьба на научно-теоретическом фронте в национальных республиках протекала остро и в своеобразных формах, так как она осложнялась проявлением великодержавного шовинизма и активизацией местного национализма.

Находила она свое непосредственное отражение и в исторической литературе. Буржуазная историография не изучала в истории России национального вопроса. Она вся была проникнута великодержавными тенденциями. История России изучалась только как история Великороссии. Борьба с великодержавным шовинизмом буржуазной историографии, разоблачение пережитков великодержавничества в работах марксистских авторов являлись актуальной задачей и помогали изживать пережитки великодержавничества в общеполитической жизни.

Борьба с местным национализмом в области истории развивалась сложнее и медленнее. Здесь марксистская историческая наука делала свои первые шаги. На Украине марксисты стали специально работать в области истории Украины лишь после Октябрьской революции. Научная работа, как и подготовка кадров историков Украины, находилась в руках таких враждебных марксизму националистов, как Грушевский и его школа.

Академик Грушевский, в прошлом вождь буржуазно-националистического движения, идеолог немецкой ориентации, председатель украинской Центральной рады, возвратившись в 1924 г. в качестве «сменовеховца» из эмиграции, организовал вокруг себя значительные кадры националистических историков. Сделав украинскую Академию наук и свой журнал «Украина» центром контрреволюционного буржуазного национализма, он развернул широкую пропаганду контрреволюционных исторических теорий и схем, приводивших к отрицанию закономерности диктатуры пролетариата на Украине, в которой якобы не было коренных рабочих, а «пришлый» рабочий класс не играл никакой роли; «трудовое» же крестьянство, фактически кулачество, по его схеме основная движущая сила революции,— стремилось к созданию «самостоятельного» национального буржуазного государства на Украине.

Выдвигая национальный вопрос как стержень всего исторического процесса, Грушевский и его школа беззастенчиво противопоставляли Украину как «европейскую» страну Великороссии как представительнице Азии и обосновывали необходимость тесных связей Украины с Германией. Сподвижники Грушевского—социал-фашистские историки Гермайзе, Слабченко и другие — руководили кафедрами в Киевском и Одесской университетах. Их прямая связь с контрреволюцией была разоблачена на процессе «Союза освобождения Украины», видными деятелями которого они состояли.

Позиции украинской буржуазной историографии подкреплялись еще и тем, что во главе историков-марксистов на Украине ряд лет стоял прямой агент фашизма и вредитель Яворский, еще в 1920 г. пробравшийся в партию, скрыв свою службу в австровенгерской жандармерии и свою работу при гетмане Скоропадском. Его контрреволюционная система взглядов об украинской буржуазии как движущей силе революции на Украине, о гегемонии кулачества, о подчинении классовой борьбы идеи национальной борьбы за создание самостоятельного украинского государства, о мелкой буржуазии и мелкобуржуазных партиях как носителях революционности и предшественниках большевизма и т. п. находила почти беспрепятственное распространение в журналах, книгах и учебниках, передавших всю украинскую историческую науку в монопольное распоряжение Яворскому и его контрреволюционной и вредительской группе, разоблаченной впоследствии как активная агентура иностранной буржуазии.

Историки-марксисты Украины при помощи Общества историков-марксистов и М. Н. Покровского разоблачили кулацкую, контрреволюционную сущность исторической схемы Яворского, хотя провели эту работу с опозданием и не до конца раскрыли учеников и помощников Яворского.

Затруднялась эта борьба историков-марксистов и той поддержкой, которую украинским националистам, в частности в области историографии, оказывал Скрыпник. За широкой спиной попавшего в плен националистической идеологии Скрыпника постепенно вербовались кадры для ряда контрреволюционных организаций, подготавливавших выступление против советской власти.

Таким образом оживление уклонов в национальном вопросе в связи с развертыванием наступления социализма по всему фронту приводило к прямому стыку с активизировавшейся буржуазной националистической контрреволюцией.

В лагерь открытой контрреволюции перешла и часть историков Белоруссии, служивших своими историческими работами политическим целям всякого рода национал-демократических групп, связанных с буржуазными и белогвардейскими кругами за границей.

Наиболее ярко проявился буржуазный национализм в работах академика Игнатовского, вступившего в связь с контрреволюционным национализмом, в работах белорусского националиста Пичета и т. п.

Большевистские историки в Белоруссии (хотя их кадры были крайне малочисленны) провели большую работу по разоблачению нацдемовских теорий. Была разоблачена идеализация в исторической литературе мелко-

буржуазной «Белорусской социалистической громады», которая изображалась предшественницей коммунистической партии в Белоруссии, а также буржуазная националистическая теория «западноруссизма». Книга Цвикевича «Западноруссизм» являлась политическим документом нацидемовщины в Белоруссии, что и было вскрыто белорусскими историками-марксистами.

Свободно—до последнего времени—гуляли буржуазно-националистические схемы и на фронте востоковедения. Выступая иногда под маской марксизма, буржуазные и мелкобуржуазные «востоковеды» (Гурко-Кряжин и др.) по существу искали марксистско-ленинское понимание вопросов революционного движения в колониальных и полуколониальных странах. Они отрицали революционные возможности крестьянства, не брали в расчет пролетариат, хотя бы и немногочисленный, идеализировали национальную буржуазию как гегемона революции. Некоторые историки даже договаривались, как это было на востоковедческой дискуссии в ИКП, до теории «мирного врастания феодализма в социализм».

Борьба с противниками большевистской национальной политики, с представителями великодержавного и национального шовинизма на фронте истории имела и имеет сейчас большое политическое значение для победы социализма, особенно в настоящее время, когда националистические теории находят прямую поддержку в лагере фашизма.

Переход к ликвидации кулачества как класса и к проведению в жизнь сплошной коллективизации, вызывавший бешеное сопротивление капиталистических элементов, требовал усиления классовой бдительности и борьбы с правооппортунистическими идеями в области теории.

Как раз в этот период широкое распространение получили механистические и идеалистические теории (Богданов, Бухарин, Рубин, Деборин), а также открыто проводилась меньшевистская разработка вопросов истории марксизма (Рязанов). Активизировались и правооппортунистические элементы на историческом фронте.

Актуально политический характер приобрела на этом этапе, когда силы партии были мобилизованы на борьбу за ликвидацию кулачества как класса, критика неонароднической трактовки «Народной воли». Идеализация народнического «социализма» в условиях форсированного наступления на кулака обективно приводила к усилению идейных позиций кулачества. Теодорович искал ленинское учение о положении и роли мелкого производителя в условиях борьбы за социализм. Он не только не подчеркивал резкого отличия пролетарского социализма от крестьянского, утопического, народнического социализма, но устанавливал между ними органическую преемственность, ревизуя таким образом ленинскую проблему «наследства». Теодорович утверждал, что идея пролетарского социализма, идеи ленинизма были предвосхищены «Народной волей». От нее же он видел происхождение идей некапиталистической эволюции крестьянства, коллективизации и индустриализации. Такой исторический экскурс Теодоровича приводил его к полному стиранию границ между партией пролетариата, стоящей в условиях диктатуры социализма, и мелкобуржуазной организацией, историческая заслуга которой была в ее борьбе за демократизм, а не социализм.

Правооппортунистические исторические взгляды Теодоровича на историческое значение «Народной воли» вытекали из того же известного нам корня: антиленинского понимания вопроса о крестьянстве, его роли и отношении к пролетариату на разных этапах буржуазной и социалистической революции, следовательно, из непонимания ленинского учения о диктатуре пролетариата.

Отступления от ленинизма в этом вопросе приводили к правооппортунистическим и троцкистским ошибкам и уклонам при постановке целого ряда исторических проблем. Отсюда исходили правооппортунистические схемы Слепкова о «крестьянской революции 1905 года» как шаблонно буржуазной революции без возможности ее перерастания в социалистическую.

Этим отступлением от ленинизма об'яснялись теоретические ошибки К. А. Попова и других в постановке проблемы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и ошибки Ванага в понимании двух путей капиталистического развития России.

Отсюда происходили правые и троцкистские ошибки в понимании движущих сил, характера и перспектив революции 1905 г., какие были допущены коллективом авторов четырехтомника по истории партии под редакцией Ярославского.

Подобного рода ошибки в исторических работах — в свете борьбы пролетариата за социализм — становились серьезными принципиальными и политическими ошибками, а при настаивании на них приводили к антипартийным уклонам и к такой системе взглядов, какая была несовместима с ленинизмом.

Необходимо особенно отметить значительное засилье либерально-меньшевистских схем в истории рабочего и профессионального движения. Тредионионистское представление о роли профсоюзов, полное искажение вопроса о руководящей роли партии в профдвижении, утверждения, будто не существует никакой марксистско-ленинской схемы истории профдвижения (Яроцкий), — все эти теории совершенно безраздельно господствовали на этом участке исторического фронта. Правооппортунистическое руководство РЦСПС было крайне беззаботно в вопросах теории. А на деле эта «беззаботность» означала сдачу теоретических и политических позиций большевизма классовому врагу, стремившемуся использовать отсутствие бдительности большевистских теоретиков на любом участке для своих политических целей.

Грандиозная революционная ломка капиталистических отношений и построение социализма в нашей стране активизировали интерес историков к проблеме смены общественных формаций. Вызвавшая дискуссию на эту тему книга Дубровского об азиатском способе производства была подвергнута критике за ее попытку отойти от марксизма в этом важном вопросе. Исходя из богдановской методологии, Дубровский правооппортунистически изображал смену формаций, представляя ее в виде эволюционного процесса, без классовой борьбы и революционной ломки. К этому выводу приводила его антиленинская теория о крепостничестве и феодализме как двух различных общественных формациях.

Ревизия марксистско-ленинского учения о феодализме и крепостничестве, а также путаница в вопросе об азиатском способе производства, какую обнаружил ряд историков в дискуссии с Дубровским, поставили вопрос о серьезном марксистско-ленинском изучении этой проблемы, весьма актуальной и политически острой, несмотря на удаленность эпохи, подлежащей изучению. Она приобрела боевой политический характер, поскольку ставилась в связь с проблемой некапиталистического пути развития — при известных условиях — отдельных, экономически отсталых стран.

Таким образом почти все крупнейшие проблемы истории последнего десятилетия были самым непосредственным и самым активным образом связаны с одной решающей проблемой, за разрешение которой боролись вся партия, весь рабочий класс, вся страна, руководимая гением своего великого вождя — с проблемой построения социализма в нашей стране.

6

Стояла ли, однако, историческая наука СССР на уровне грандиозных задач своей эпохи? Удовлетворяли ли ее творческая положительная работа и ее критика практическим потребностям партии и рабочего класса, развернувших целую цепь фронтов, на которых решалась победа социализма?

И. В. Сталин на трибуне XVIII съезда партии

В борьбе партии за победу социализма теоретический фронт отставал. Успехи его не соответствовали грандиозным успехам социалистического строительства. Этот факт вызывал решительные указания и сигналы со стороны партии и непосредственно от т. Сталина.

В декабре 1929 г. в своей речи на конференции аграрников-марксистов т. Stalin сделал работникам в области теории серьезное указание.

«Надо признать,— говорил он,— что за наими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма».

Через год теоретический фронт получил новое указание партии. Резолюция ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. по докладу Комакадемии обязывала всех научных работников сконцентрировать свои силы «на разработку узловых проблем, связанных с текущими задачами партии и с классовой борьбой мирового пролетариата».

Осенью 1931 г. было опубликовано письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», которое явилось целой вехой неизмеримой политической и научной важности для всего теоретического и непосредственно для исторического фронта.

Stalin, как известно, давал и раньше непосредственные и прямые указания по всем основным участкам теоретической работы и борьбы. По инициативе т. Сталина были вскрыты контрреволюционные корни рубиницы и политэкономии. Разбиты меньшевистский идеализм (деборинщина) и механицизм в области философии.

Письмо т. Сталина заострило внимание всей партии и основных кадров большевистских историков на борьбе с протаскиванием через ворота истории троцкистской контрабанды, на борьбе с грубейшими ошибками большевистских историков, а также на борьбе с гнилым либерализмом. Этот вопрос в связи с новыми методами классового врага, стремившегося «тихой сапой» проникнуть и разложить ряды строителей социализма, имел огромное политическое значение. Он—как никогда раньше—призывал к революционной, большевистской бдительности на теоретическом фронте и к непримиримости в борьбе со всякими фальсификаторами и контрабандистами, извращающими подлинный смысл и исторические задачи борьбы пролетариата и его партии за победу социализма.

Stalin требовал своим письмом решительной перестройки содержания, методов и темпов научной работы в соответствии с задачами социалистического строительства. Он требовал такого поворота на всех участках идеологического фронта, который обеспечил бы активное участие и помощь партии в борьбе за построение бесклассового, социалистического общества.

Обсуждение письма т. Сталина вызвало большой подъем активности и мобилизовало силы историков-ленинцев для решительного разоблачения всех еще неразоблаченных исторических теорий и взглядов, враждебных ленинизму, а также тех, в работах которых имелись троцкистские или право-либеруристические ошибки. Широкая самокритика среди историков выявила троцкистские и полутроцкистские трактовки вопроса о роли большевизма на международной арене, о центризме и люксембургионстве, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и по ряду других важнейших вопросов истории партии, истории рабочего движения и классовой борьбы в России и на Западе.

Письмо т. Сталина заставило особенно радикально поставить вопрос об изучении истории партии и Коминтерна. Критическому пересмотру подверглась и учебная литература, на которой воспитывались наши новые

кадры. Учебники по истории партии, а также учебники по истории России и Запада (Пионтковского, Фризенцида, Лукина и др.) были подвергнуты решительной, большевистской критике, которая дала возможность впоследствии большинству авторов пересмотреть и радикально их переработать.

Письмо т. Сталина имело огромнейшее влияние на дальнейшее положение и направление работы исторического фронта. Повысилась качество и теоретический уровень исторических работ. Усилились темы издания сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, ставших базой для каждого большевистского историка. В результате перестройки и слияния Института Маркса—Энгельса с Институтом Ленина была успешно проведена борьба с рязановщиной и марксово наследство стало более широким и доступным состоянием масс. Совершенно по-новому был поставлен вопрос об исторических учебниках. В результате усиленной работы в этой области появился ряд стабильных учебников и хрестоматий. На гораздо большую высоту поставлено изучение истории партии, научно-исследовательская разработка которой проходит под непосредственным контролем Центрального комитета. В частности Институт Маркса—Энгельса—Ленина стал отделом ЦК. Создано для издания историко-партийной литературы специально партийное издательство. Улучшилась и работа исторических журналов. Но отставание исторического фронта все еще продолжается. Еще нет решительных сдвигов и темпов в реализации директив партии и т. Сталина. Нет значительной исторической продукции, не развернута борьба за качество продукции.

На очереди стала задача развернутой положительной работы над теми актуальными проблемами, какие выдвигают задачи социалистического строительства у нас и борьбы за пролетарскую революцию на Западе.

Партия и т. Сталин и здесь пришли на помощь историкам самым активным и непосредственным образом. Историкам были предложены для научной разработки громадной важности проблемы: 1) создание научной истории партии, 2) создание истории Коминтерна и революционного движения после войны, 3) создание истории гражданской войны, 4) создание истории фабрик и заводов.

Эти мероприятия могут и должны сплотить все наличные кадры большевистских историков и воспитать и подготовить новые кадры.

Исторические учреждения и организации, однако, перестраиваются крайне медленно. Институт истории Комакадемии все еще является одним из отсталых участков, не выполняя своей роли научного исторического центра. Исторический фронт недостаточно организован. Самотек и кустарничество далеко не изжиты и по настоящий день.

А между тем никогда еще не стояли перед партией на идеологическом фронте столь ответственные и обнирные задачи как сейчас. Историческая наука СССР становится орудием интернациональной пропаганды и воспитания масс в борьбе за победу социализма во всем мире.

Боевая задача настоящего дня — поднять темпы научно-исследовательской работы и поставить ее на уровень великих задач нового этапа борьбы за социализм.

Советская страна вступила в период социализма, но борьба за социалистическое, бесклассовое общество еще далеко не кончена. Исторический XVII съезд нашей партии потребовал от всей партии, рабочего класса и колхозного крестьянства дальнейшего напряжения сил и их мобилизации на всех участках социалистического строительства.

Борьба продолжается. Она обостряется и в идеологической области, хотя и в новых условиях и формах.

Опыт исторической борьбы пролетариата СССР за социализм надонести в массы всего капиталистического мира, надо сделать его достоянием каждого нового борца за социализм, каждого нового рабочего, служащего и крестьянина во всех странах капитала. Наше участие в мировых конгрессах

историков (в Осло и в Варшаве) показало, с каким воодушевлением встречают западноевропейские массы новое и живое для них слово марксизма-ленинизма.

Историческая наука должна все более становиться непосредственным и массовым орудием борьбы партии и пролетариата за социалистическое, бесклассовое общество. Она должна развиваться на основе постоянного, неустанного, серьезного и глубокого изучения исторического наследства Маркса, Энгельса и Ленина, на основе изучения огромной теоретической ценности работ т. Сталина.

Именно эта основа даст историкам возможность по-новому понять и поднять проблемы, которые ставит перед нами практика строительства социализма. Мы должны дать историю нашего Советского союза, историю эпохи, по богатству опыта классовой борьбы превосходящую все другие исторические эпохи. Можно и нужно создать историю колхозного движения, чтобы колхозный строй победил и изучение путей борьбы за его победу дает понимание необходимости его дальнейшего укрепления.

На этом опыте надо воспитывать новые кадры пролетариата, нашу смену — миллионные кадры комсомола и юных пионеров. История — наука, все более превращающаяся в непосредственное орудие пропаганды ленинизма. Огромные массы строителей социализма могут быть сознательными и активными участниками борьбы за его победу, если они понимают, почему и за что они идут под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина на эту всемирно-историческую борьбу. Рабочий класс должен знать свой исторический путь к социализму. Изучение истории партии и истории рабочего класса должно быть поднято на небывалую высоту. Этому помогут такие грандиозные исторические мероприятия, как создание «Истории фабрик и заводов» и «Истории гражданской войны», ставшие под непосредственным руководством ЦК нашей партии огромным резервуаром творческой энергии широчайших масс, непосредственно включившихся в эту работу и превратившихся в широкое движение пролетарских масс.

Необходимо в кратчайший срок так мобилизовать и организовать силы исторического фронта, чтобы он был весь включен в общий поток гигантской строительной работы социализма в нашей стране.

Борьба за полную победу социализма в СССР на настоящем этапе больше чем когда-либо связана с успехами борьбы рабочего класса и широких трудовых масс капиталистических стран за пролетарскую революцию.

Назревание революционного кризиса идет во всех странах. С величайшим энтузиазмом защищают советский строй от атак международного империализма советы в Китае. Бурными волнами поднимаются крестьянские восстания и национально-освободительные движения в странах Востока. С изумительным героизмом отбивают атаки фашизма пролетарии в западноевропейских капиталистических странах. Как показали события в Австрии и во Франции, рабочий класс с небывалой решимостью вступает в уличные бои с фашизмом, приближая время последнего, решительного боя за победу социализма в странах капитала. Особенно активно пролетарии всех стран, под руководством компартий, разоблачают поджигателей войны и мешают империалистическим планам организовать новую интервенцию против СССР.

Историки не могут оставаться вне тематики, подсказываемой этими важнейшими явлениями классовой борьбы во всем мире. Они должны выбором и постановкой новых исторических проблем помогать массам на историческом материале понимать развертывающуюся сейчас вокруг них классовую борьбу во всех странах.

Известно, как часто Маркс, Ленин и Сталин, анализируя политические события, обращались к истории, ища в ней не простых аналогий, как это делают вульгаризаторы и фальсификаторы истории, а понимания и объяснения тех или иных ситуаций классовой борьбы. Интерес к истории среди буржуазии, как это показал Варшавский конгресс, за последнее время

чрезвычайно возрос и «спрос» на историков, полезных ей, небывало усилился. Во время недавнего торжественного празднования германскими фашистами годовщины установления фашистского режима Гитлер свою речь построил из исторических упражнениях, пытаясь провести параллель между «национальной революцией» немецкого фашизма и между революциями в различных странах в XIX и XX веках. Бесномощно барабанясь в невежественных исторических аналогиях, Гитлер пришел к выводу, что время «полезных», созидающих революций (вроде Великой французской революции) прошло и что только «национальная революция», устанавливающая фашистскую диктатуру, может спасти мир от разрушительного урагана коммунистической революции.

Большевистские историки СССР должны учесть этот повышенный интерес к истории со стороны врагов пролетарской революции и встретить во всеоружии всякие попытки фальсифицировать историю в интересах фашистской буржуазии, активно разоблачая их в глазах масс.

Они должны развернуть в громадном масштабе и темпах изучение таких актуальнейших исторических проблем, как проблемы истории империализма, истории фашизма, истории национальных и колониальных революций, проблемы крестьянских движений, истории всех этапов и эпизодов борьбы пролетариата за власть и т. п.

В связи с нарастающей угрозой новой войны и двадцатилетием первой империалистической войны должна быть заострена проблема исторического анализа войны 1914—1918 гг. и истории всех войн в империалистическую эпоху. Решающую роль в классовых столкновениях сейчас и в будущем будет играть Восток. Изучение истории Японии, Китая, Индии, а также истории Ближнего Востока должно быть гораздо более активным и значительным чем до сих пор. Перед историческим фронтом встают громадной важности и политического значения новые проблемы.

Сейчас, когда вся страна поднимается на призыв XVII съезда и вождя партии т. Сталина «За деловую работу!», «За победу ленинизма во всем мире», большевистские историки не могут и не должны плестись в хвосте великого движения масс за победу социализма.

Историческая наука должна ликвидировать продолжающееся отставание и стать мощным оружием партии в борьбе за победу социализма в нашей стране и во всем мире.

В. И. Ленин

Скульптура Н. Андреева

ЛЕННИН

И ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 Г.

Несколько слов и оценка характера ноябрьской революции в Германии

Ленин всю тактику и стратегию революционного пролетариата в Германии в революции 1918 г. основывал на оценке германской революции как революции пролетарской, как революции социалистической. Все высказывания Ленина и его деятельность на международной арене в предреволюционный период, непосредственно накануне ноябрьской революции, в самый момент революции, на различных ее этапах и после ее поражения с несомненностью говорят об этом. Мы не будем здесь излагать эту проблему как отдельную, самостоятельную, методологическую проблему во всей ее глубине, ибо это должно составить предмет специальной статьи, но ограничимся отдельными замечаниями как введением для освещения вопроса о непосредственном руководстве Лениным борьбой германского пролетариата.

В письме к Степанову-Скворцову Ленин 16 декабря 1909 г. писал:

«... 1848—1871 годы в Германии были эпокой революционной и контрреволюционной борьбы двух путей об'единения (— решения национальной проблемы буржуазного развития Германии), пути через великогерманскую республику и пути через прусскую монархию. Только к 1871 году второй путь окончательно победил.

И тогда Либкнехт отказался от бойкота парламента. И тогда умер спор лассалианцев с эйзенахнами. И тогда умер вопрос об обще демократической революции в Германии»¹.

¹ Ленин. Т. XIV, стр. 215. Разрядка Ленина.

Итак, с 1871 г. Германия сложилась как буржуазная страна, быстрым темпом развивающаяся к началу XX в. в крупнейшую империалистическую державу.

При рассмотрении всех вопросов международного революционного движения уже в конце 90-х годов прошлого столетия и в начале 900-х годов Ленин исходил из того, что перед Европой и Америкой об'ективно стояла задача социалистической революции, что буржуазно-демократическая, парламентарийская в социалистическую революцию в России — ироды социалистической революции на Западе.

Фраза Ленина о том, что «Запад с буржуазными революциями покончил», наиболее четко выражает эту мысль. В статье «Новейшие данные о партиях в Германии» Владимир Ильич, многократно подчеркивая, что «в последние десятилетия... Германия стала государством вполне капиталистическим, сравнительно свободным, имеющим прочную конституцию и всеобщее избирательное право»², называл Германию «современной буржуазной Германией», страной «особенно быстро развивающегося капитализма».

Таким образом Владимир Ильич подчеркивал многократно, что в Германии утвердился буржуазный политический строй, что германская буржуазия — это тот класс, в руках которого находится политическая власть, несмотря на то, что в силу специфических исторических условий Германии буржуазия там «извернулась к лакейству перед помешниками и клерикалами»³ и буржуазный политический строй Германии носил печать гегемонии южнокардера.

«Коренное вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве»⁴, — писал Владимир Ильич в 1917 г. В руках каких классов была в Германии власть до ноября 1918 г.? В руках обуржуазившихся помешников (онкеров), в руках империалистической буржуазии.

В чьих руках оказалась власть в Германии после ноябрьской революции? В руках тех же классов. Ноябрьская революция в Германии — неудавшаяся пролетарская революция, и этим об'ясняются все ее особенности, этим об'ясняется и то, что декорации господства буржуазии в результате этой революции несколько в итоге

² Ленин. Т. XVI, стр. 524. Рядка Ленина. — Б. Н.

³ Там же.

⁴ Ленин. Т. XX, стр. 194.

изменились. Таким образом свержение Вильгельма и других наиболее бывших в гла-ва атрибутов и пережитков феодализма ни в коем случае нельзя считать признаком бур-жуазной революции, ибо и Виль-гельм-то ведь был в сущности приказчиком империалистической буржуазии и обуржуа-зившейся императрицы. Свержение Вильгельма было совершено руками рабочих. Бур-жуазия виновата была согласиться на свержение Вильгельма именно для того, чтобы послужить и обезвредить, перемешав декорации успокоить рабочих, стремившихся к власти. И буржуазия провела это руками социал-демократии.

В Германии того времени не было крепкой большевистской партии. Социал-демо-кратия, эксплуатируя в интересах буржуа-зии демократические изволения масс, предала революцию и в конце концов приве-тила рабочих к режиму фашизма, еще бо-льше ужасному, чем режим Гогенцоль-лернов.

Таким образом основной вопрос каждой революции — вопрос о власти — был решен новоябрьской революцией так, что классовая структура власти в сущности не изменилась. Внешнеизменились лишь формы, атрибу-ты этой власти.

Какое колossalное значение придавал Владимир Ильич абсолютной точности в оценке того, в руках какого класса на-ходится власть в государстве, говоря все его высказывания о классовой сущности Временного правительства, его рассуждения об этапах русской революции.

«В чем же состоит первый этап? — писал Владимир Ильич.— В переходе государствен-ной власти к буржуазии. До февральско-мартовской революции 1917 г. государствен-ная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-~~льянско~~-поменичьяго, возглавляемого Ни-колаем Романовым. После этой революции власть в руках другого, нового класса, именно: буржуазии. Постольку буржу-азная или буржуазно-демократическая ре-волюция в России закончена»¹.

И отсюда, поскольку осуществившаяся в виде советов рабочих и крестьянских депу-татов революционно-демократическая дик-татура пролетариата и крестьянства доб-ровольно превращалась в придаток этой власти буржуазии, Ленин и делал свой основной стратегический вывод о том, что формула «революционно-демократическая

диктатура пролетариата и крестьянства» «уже устарела»².

Итак, и по типу своего экономиче-ского развития Германия конца XIX и нача-ла XX вв., где уже победил так называемый «прусский» путь буржуазного разви-тия, и по характеру классовой структуры политической власти³ была буржуазной страной, и новоябрьская ре-волюция явилась неудавшейся про-летарской революцией.

Для Германии, как и для других основных стран Западной Европы, покончивших с бур-жуазными революциями, конечно, не могла стоять проблема перехода бур-жуазно-демократической революции в соци-алистическую. Программа Коминтерна в разделе «Основные типы революции» фор-мулирует: «Страны высокого капитализма (Соединенные штаты Америки, Германия, Англия и т. д.) с могущественными произво-дительными силами, централизованным в вы-сокой степени производством, с относитель-но малым значением мелкого хозяйства, с явно уже сложившимся буржу-азно-демократическим политиче-ским строем».

В этих странах в области политической основным требованием программы является прямой переход к диктатуре пролетариата⁴.

Таким образом совершение неправильно заявление, сделанное в свое время Зиновьевым на XIV партконференции: «Мы жили в Германии пролетарской революции... Ре-волюция в Германии пришла гораздо позже, но не та, не пролетарская, а лишь револю-ция, склонившая Вильгельма. С известными оговорками мы можем сказать, что в Гер-мании произошла буржуазно-демократиче-ская революция»⁵.

Но Зиновьев, к сожалению, видимо, и по-ныне (с известными изменениями) остается на этой своей позиции в оценке характера новоябрьской революции. В недавно вышед-шей его монографии о К. Либкнехте этот вопрос трактуется так:

² Там же, стр. 101. Разрядка Ленина.

³ «Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции как в строго научном, так и в практически-политиче-ском значении этого понятия», — писал Ле-нина (Т. XX, стр. 100. Разрядка Ленина).

⁴ Программа Коминтерна, стр. 104. Издатель-ство «Московский рабочий». 1923. Разрядка мои. — Б. Н.

⁵ XIV партконференция. Стенографический отчет, стр. 227.

¹ Ленин. Т. XX, стр. 100. Разрядка Ленина.

«Социалистической революции на данной стадии не было. Но революция в Германии, как она родилась в ноябре 1918 года, не была и шаблонной буржуазной революцией типа 1848 года, она могла перерости в пролетарскую революцию, если бы рабочий класс в Германии имел тогда сильную большевистскую партию»¹.

Выходит снова, что революция была буржуазная, но, правда, имела возможности перерости в пролетарскую. О методологической ошибочности такой трактовки мы говорили выше, ибо эта оценка характера ноябряской революции мало чем отличается от оценки, данной Зиновьевым же в его докладе на XIV партконференции. И это не взирая на то, что сам Зиновьев в работе о Либкнехте неоднократно призывает высказывания Ленина, которые как раз подтверждают пролетарский характер революции 1918 г. в Германии. Вопрос о характере ноябряской революции имеет актуальнейшее значение, так как с ним связана тактика германской компартии на различных этапах борьбы. Руководящие работники Коминтерна и германской компартии в ряде своих высказываний характеризовали ноябряскую революцию как «неудавшуюся пролетарскую революцию». XIII пленум ИККИ характеризовал германскую революцию 1918 г. как пролетарскую (см. подпункт 3-й I раздела резолюций XIII пленума). Вся тактика германской компартии, тактика Коминтерна в Германии обуславливалась именно такой оценкой ноябряской революции.

Ленин о германской революции накануне империалистической войны

Уже в ноябре 1910 г., в связи с Магдебургским съездом германской социал-демократической партии, Ленин в своей работе «Два мира» указывал на то, что «эпоха использования созданной буржуазией законности сменяется эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти, по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя...»².

О близости германской пролетарской революции Ленин писал и в 1911 г. в некрологе о Пауле Зингере.

В 1913 г. Ленин, указывая на то, что «за Азией стала шевелиться — только не по-азиатски — Европа», утверждал:

¹ Г. Зиновьев «К. Либкнехт», стр. 189. Серия «Жизнь замечательных людей».

² Ленин. Т. XIV, стр. 381. Разрядка Ленина.

«На наших глазах зреет политический кризис даже в самой «твердокаменной» буржуазно-юнкерской стране — Германии»³.

Рост конфликтов на предприятиях, манифестные демонстрации пролетариата в связи с борьбой за избирательную реформу в феврале и марте 1910 г. и стачка рурских углеродоплавильщиков 1912 г., в которой рабочие выдвигали требования введения 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты, упразднения предпринимательских бирж труда, являлись подтверждением этих ленинских положений.

Напутанный мощным ростом пролетарского движения, консервативно-либеральный буржуазно-юнкерский блок упорно сопротивлялся расширению избирательного права. Ленин констатировал, что революционные битвы в Германии «по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей немыслимой законности!»⁴.

Таким образом Ленин уже в период 1910—1913 гг. 1) констатировал нарастание революционной ситуации в Германии; 2) предстоящую революцию определил как революцию, разрушающую всю буржуазную законность, весь буржуазный строй, т. е. как революцию пролетарскую; 3) своеобразие предреволюционной ситуации видел именно в том, что «враг вынужден «стрелять первым», вынужден рвать свою собственную законность».

И тогда же Ленин выдвигает вопрос о необходимости создания в Германии революционной пролетарской партии, ибо без такой партии победа пролетариата немыслима.

Основной задачей немецкой партии в связи с подготовкой революции Владимир Ильин считал задачу разрыва, раскола с оппортунистами. Об этом писал он в ряде статей того периода. На III конгрессе Коминтерна, бросая ретроспективный взгляд в прошлое, Владимир Ильин говорил:

«Разве мы не знаем, что величайшее несчастье рабочего движения в Германии в том, что им не был произведен разрыв еще до войны? И от того факта, что германская партия не порвала с меньшевиками, страдает весь германский рабочий класс в течение долгого и утомительного послевоенного периода в истории германи-

³ Ленин. Т. XIV, стр. 333.

⁴ Там же, стр. 381.

Ноябрьская революция в Германии. Автомобиль совета рабочих депутатов на улицах Берлина в 1918 г.

ской революции»¹. Но германские левые представляли группу, колеблющуюся между большевизмом и меньшевизмом, и не были способны осуществить разрыв с оппортунистами и центристами.

Борьба Ленина за пролетарскую революцию в Германии в 1914—1918 гг.

Большевики под руководством Ленина были единственной революционной партией, совершенно четко определившей характер войны и задачи пролетариата — превратить империалистическую войну в войну гражданскую.

Ленин в своих «Тезисах» констатировал крах II интернационала и с особой силой подчеркивал важность разрыва с оппортунизмом, утверждая, что без разрыва «нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время».

Вожди германской социал-демократии, как известно, с самого начала войны окончательно перешли на службу империалистической буржуазии.

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 437. Разрядка моя.—Б. Н.

Германские левые, хотя и заявившие устами Р. Люксембург, что социал-демократия стала смердающим трупом, были настолько сильно опутаны сетями «единства», что 4 августа подчинились партийной дисциплине. К. Либкнехт проголосовал за кредиты. Однако слабость эта была вскоре исправлена. 2 декабря того же, 1914 г., К. Либкнехт открыто голосовал против военных кредитов. Организованная левыми группа «Интернационал» (затем «Спартак») развернула борьбу с империализмом и социал-империализмом. Революционное движение в Германии разрасталось. В условиях военного времени и неслыханного полицейского террора уже с начала 1915 г. начались большие демонстрации и массовые политические стачки. Эти выступления пролетариата стали особенно мощными с 1916 г. «Спартаку» удалось 1 мая 1916 г. вывести на улицы Берлина около 10 тыс. пролетариев. В связи с арестом Либкнехта и судом над ним 28 июня 1916 г. началась всеобщая стачка, охватившая 55 тыс. рабочих, главным образом металлистов. Началось движение и в армии. Уже 29 декабря 1914 г. гер-

миское командование издало по армии приказ, запрещавший братанье и всякое сближение с неприятельскими войсками в траншеях. За братаньем в траншеях началось движение во флоте.

Так, на основе созданноговойной кризиса и обострения классовой борьбы, в определенном предательству официальной социал-демократии, при активной работе, развернутой «Спартаком», в Германии во времена империалистической войны нарастала революционная ситуация.

Ленин зорко следил за борьбой отдельных групп внутри германской социал-демократии. Он писал: «У немцев картина ясна: оппортунисты победили, они ликуют, они «в своей тарелке». «Центр» с Каутским во главе скатился к оппортунизму и защищает его особенно лицемерными, пошлыми и самодовольными софизмами. Из среды революционных социал-демократов раздаются протесты Меринга, Паннекука, К. Либкнехта, ряда безименных голосов в Германии и в немецкой Швейцарии»¹.

Владимир Ильич категорически настаивал на немедленном расколе, но левые, ведя немалую революционную работу, вместе с тем благодаря своей непоследовательности оставались в рядах ГСД.

«Раскол немецкой социал-демократии, — писал Ленин, — кажется мыслью, которая слишком пугает многих своей «необычайностью». Но обективное положение ручается за то, что либо произойдет это необычайное, либо мы будем свидетелями мучительного гниения того, что было некогда немецкой социал-демократией»².

Ленин в общем положительно отзывался о «Lichtstrahlen» («Лучи света», орган бременской оппозиции) и о «Die Internationale» (орган Р. Люксембург и К. Либкнехта), вокруг которых группировались наиболее стойкие революционные элементы германской социал-демократии. Ленин считал журналы этих групп «действительно интернационалистскими» и подчеркивал, что они начали размежевание.

«Больше всего нас, естественно, интересует положение дел в среде немецкой левой. Мы видим в ней (в немецкой левой.—Б. Н.) наших товарищей, надежду всех интернационалистских элементов»³.

Вместе с тем Ленин подчеркивал, что немецкая левая «...все еще находится в процессе брожения, что предстоит еще большие

перегруппировки, что в лоне ее есть более решительные и менее решительные элементы»⁴.

Владимир Ильич, давая оценку «центру», указывал, что между открытыми оппортунистами и центристами в сущности нет различия, что «центр» во главе с Каутским скатился к полному оппортунизму, «прикрывая его особо вредными лицемерными фразами и фальсификацией марксизма под империализм»⁵. Мимо революционные действия «центра» Ленин категорически расценивал как тактику одурманивания масс, как «словесные уступки» (Ленин) под влиянием энтузиазма масс снизу. Такую оценку давал Ленин «центру», когда 18 марта 1915 г. 30 членов социал-демократической фракции рейхстага (центристы) высказались на фракции против кредитов, а при голосовании бюджета в рейхстаге только 18 из них открыто голосовали за. Такую же оценку «центру» во главе с Каутским давал Владимир Ильич, когда в июне 1915 г. в «Лейпцигской народной газете» появилось заявление этой группы о том, что с марта 1915 г. война для Германии превратилась из оборонительной в завоевательную, а всякую завоевательную войну они (центристы) осуждают.

Владимир Ильич указывал, что никто не должен винить в заблуждении в связи с этой новой позицией Каутского—Гаазе, ибо разногласия между ними и Шейдеманом ни в коем случае не принципиальные разногласия. Владимир Ильич предупреждал германских левых, что для истинного революционера обязательно резко отрицательное отношение к этому «неокаутскианству». «Лишь тот действительно интернационалист, — писал Ленин, — кто борется против каутскианства, кто понимает, что «центр» и после минимого поворота его вождей остается в принципиальном отношении союзником шовинистов и оппортунистов»⁶.

Целиком и полностью сохраняя Ленин свое отношение к «центру» и после того, как Ледебур—Гаазе—Каутский образовали в марте 1916 г. в рейхстаге «Arbeitsgemeinschaft» (рабочее, или трудовое, содружество), и после того, как это «трудовое содружество» 6 апреля 1917 г. превратилось в «Независимую социал-демократическую партию Германии».

Все настойчивее предлагал Ленин левым

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 68.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 214.

⁴ Ленин. Т. XVIII, стр. 214.

⁵ Там же, стр. 127.

⁶ Там же, стр. 215.

рвать со всем оппортунистическим лагерем и выдвигал следующую практическую программу действий:

«Укрепление, развитие, расширение, обострение массовых революционных действий, создание нелегальных организаций, вне которых даже в «свободных» странах нет возможности сказать народным массам правду: вот вся практическая программа социал-демократии в этой войне»¹.

Владимир Ильин ясно видел всю бесполезность германских левых и беспощадно критиковал их.

Так, когда Роза Люксембург — «Юниус» — в своей брошюре «Кризис социал-демократии» допустила ряд ошибочных рассуждений и аналогий, ряд умолчаний, в частности о связи социал-шовинизма с оппортунизмом, Ленин эти места брошюры подверг жесткой критике.

Главным недостатком брошюры Ленин считал то, что в ней «не говорится ни об оппортунизме, ни о каутскианстве!»².

Критикуя предложение Розы о том, чтобы противопоставить империалистической программе войны «старую истинно национальную программу патриотов и демократов 1848 года», Ленин утверждал, что это предложение означало поворот к прошлому. Приведем это его высказывание, ибо оно чрезвычайно важно для оценки характера революции в Германии.

«В 1793 и 1848 гг. и во Франции, и в Германии, и во всей Европе,— писал Ленин,— об'ективно стояла на очереди буржуазно-демократическая революция... Теперь для передовых, крупнейших государств Европы об'ективное положение иное. Развитие вперед—если не иметь в виду возможных временных шагов назад—осуществимо лишь к социалистическому обществу, к социалистической революции»³.

Ленин неустанно подчеркивал всю важность концентрации внимания широких масс на задачах пролетарской, социалистической революции. Он подчеркивал, что всякая неясность в этом вопросе льет воду на мельницу социал-патриотов, которые «софистически смешивают

эпоху империализма... с эпохой буржуазно-демократических национальных движений... по ходу наревшего уже разрушения буржуазных отечеств интранациональной революцией пролетариата с эпохой их зарождения и сплочения»⁴.

Вскрывая ошибки Розы Люксембург, Ленин еще и еще раз наставлял на необходимости для подлинных революционеров в Германии создать сплоченную нелегальную организацию, которая могла бы воспитать массы в духе новых задач. «...Такая организация должна была бы занимать определенную позицию и по отношению к оппортунизму и по отношению к каутскианству»⁵. Но «Юниус», во-первых,—отмечал дальше Ленин,— не избавился еще от «среды» немецких даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги»⁶.

И перед войной и в годы войны Ленин тесно увязывал вопрос о борьбе за пролетарскую революцию в Германии с вопросом о необходимости создания сплоченной последовательно-революционно-нелегальной организации, совершенно свободной от всяких пережитков оппортунизма и каутскианства, способной повести рабочий класс на социалистическую революцию в Германии.

Ленин и нарастание в Германии непосредственной революционной ситуации

Уже 8 апреля 1917 г., прощаюсь со швейцарскими рабочими, Ленин писал:

«В Германии уже кипит настроение пролетарской массы»⁷.

Революционное движение в Германии к моменту Февральской революции в России достигло уже значительного подъема.

С весны 1917 г. классовая борьба в Германии особенно обострилась. Как известно, в апреле 1917 г. развернулась всеобщая стачка в Берлине, Галле, Брауншвейге, Магдебурге, носившая резко выраженный политический характер. В августе было восстание во флоте.

Ленин в интервью, данном Э. Трониайнену для финской социал-демократической газеты «Тюомиес», 6 мая 1917 г. отмечал, что пролетарская революция («революция мирового пролетариата») «без сомнения ра-

¹ Ленин. Т. XIX, стр. 14.

² Здесь, а также всюду, где приводятся ленинские высказывания по поводу этой брошюры Розы Люксембург, цитируем по работе Ленина «О брошюре «Юниус»».

³ Ленин. Т. XIX, стр. 187.

⁴ Ленин. Т. XVIII, стр. 91.

⁵ Ленин. Т. XIX, стр. 180 и след.

⁶ Там же, стр. 189.

⁷ Ленин. Т. XX, стр. 69 и след.

стет и в Германии (массовые стачки, братание)¹. А в статье «Фактическое перемирие» («Правда» от 22 мая того же года) прямо ставил вопрос о том, что «революция в Германии явно нарастает»².

В своей работе «Кризис назрел» Владимир Ильич писал:

«Теперь пришел третий этап, который можно назвать кануном революции. Массовые аресты вождей партии в свободной Италии и особенно начало военных восстаний в Германии — вот несомненные признаки великого перелома, признаки кануна революций в мировом масштабе... Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции»³.

И в своем знаменитом письме в Петроградский и Московский комитеты партии о необходимости «взять власть тотчас» Владимир Ильич указывал как на благоприятный момент на то обстоятельство, что в Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов»⁴.

Октябрьская победа русского пролетариата окрылила германских рабочих. В январе 1918 г. в Берлине вспыхнула грандиозная всеобщая стачка. Рабочие требовали мира без аннексий и контрибуций, участия рабочих представителей в мирных переговорах с Советской Россией в Бресте, немедленного освобождения всех арестованных и осужденных по политическим делам и т. д.

Социал-империалистам предательскими маневрами удалось предотвратить перерастание всеобщей стачки в вооруженное восстание, в революцию. «Спартак» констатировал, что эта стачка — стремление масс к решительным боям, и призывал рабочий класс «разговаривать» с реакцией «по-русски». Однако благодаря своей организационной слабости и недостаточно четкому представлению о руководстве революцией не смог взять руководства в свои руки.

Ленин придавал огромное значение ячейкой массовой стачке.

«Мы должны сказать, ни капли не пренебрегая, никак не обольщаясь, что это означает момент наступления революции»⁵, — писал он.

Ленин видел во всех этих событиях

«большую заслугу русской Октябрьской революции».

Между тем германская армия все больше революционизировалась.

После поражения на Марне (в июле 1918 г.), когда немецкие войска, теснимые войсками Антанты и главным образом Америки, стали панически отступать, Владимир Ильич (28 августа 1918 г. в своей речи на I всероссийском съезде по народному образованию) предсказал неизбежность скорого падения «самого правительства» Германии.

В связи с неудачами на фронтах и ростом революционного движения в армии и внутри страны германское правительство приняло меры к самодемократизации, введя 1 октября 1918 г. в состав правительства социал-демократов и назначив имперским канцлером принца Макса Баденского, слывшего либералом. Владимир Ильич немедленно написал Свердлову: «Дела так ускорились» в Германии, что нельзя отставать и нам. А сегодня мы уже отстали». В этом письме Владимир Ильич предложил созвать обединенное заседание ЦИК, Московского совета, райсоветов, профсоюзов и прочих организаций, специально посвященное германской революции.

Владимир Ильич сам набросал основные мысли проекта резолюции для этого обединенного заседания:

«Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием дней ближайших

Никаких союзов на с проклятии Вильгельма II — Эберт и прочие мерзавцы.

Но немецким рабочим массам, немецким трудящимся миллионам, когда они начали своим духом возмущения (пока еще только духом), мы братский союз, хлеб, помочь военную начинаем готовить.

Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции.

Бывод: 1) вдесятеро большие усадьи на ло-бычу хлеба (запасы в селе очистить и для нас и для немецких рабочих).

2) Вдесятеро большие запасы в войске. Армия в 3 миллиона должна быть у нас к весне для помощи международной рабочей революции»⁶.

Намеченное Лениным об'единенное заседание ВЦИК с другими организациями состоялось 3 октября. Владимир Ильич по болезни

¹ Ленин. Т. XX, стр. 233.

² Там же, стр. 355.

³ Ленин. Т. XXI, стр. 235—236.

⁴ Там же, стр. 293.

⁵ Ленин. Т. XXIII, стр. 95 и след.

⁶ Лен. соб. XXI, стр. 252.

Заседание совета рабочих и солдатских депутатов в Берлине. 1919 год.

на заседании присутствовать не мог, но прислал на заседание письмо, в котором писал:

«В Германии разразился политический кризис. Паническая растерянность и правительства и всех эксплуататорских классов в целом обнаружилась перед всем народом... Этот кризис означает либо начало революции, либо во всяком случае то, что ее неизбежность и близость стали видны теперь массам воочию... Привлечение же в кабинет Шейдеманов и К° только ускорит революционный взрыв... Кризис в Германии только начался. Он кончится неизбежно переходом политической власти в руки германского пролетариата»¹.

Намеченные Лениным в письме к Свердлову основные положения были целиком отражены в резолюции, принятой на этом обединенном заседании и в тот же день переданной по телеграфу «всему миру».

Владимир Ильич выступил против брошюры Каутского «Диктатура пролетариата», считая, что актуальность вопроса о взятии

власти германским пролетариатом требует срочнейшего, подробнейшего разъяснения широчайшим массам немецких рабочих вопроса о диктатуре пролетариата. Ознакомившись с брошюрой, он немедленно поместил в «Правде» статью под названием «Пролетарская революция и ренегат Каутский», в которой в сжатой форме изложил положения, разбитые им впоследствии в брошюре того же названия.

«Поэтому всячески надо разоблачать ренегатов, вроде Каутского, поддерживающих эти революционные группы действительного интернационалистских пролетариев, которые есть во всех странах»²— писал он в этой статье.

События в Германии развивались дальше. Под давлением революционного движения внутри страны правительство Макса Баденского вступило в переговоры о мире с Антанто.

В своей речи о международном положении на заседании ВЦИК от 23 октября Владимир Ильич заявил:

¹ Ленин. Т. XXIII, стр. 215. Разрядка моя.—Б. Н.

² Ленин. Т. XXIII, стр. 224. Разрядка моя.—Б. Н.

«... Германская печать говорит уже об отставке кайзера, о партии независимых демократов; печать получила уже от кандидата разрешение говорить о германской республике. Это что-нибудь да значит... Поэтому с полной определенностью можно говорить, что революция назревает не по дням, а по часам»¹.

В резюмии по своему докладу Ленин указывал, что немецкие империалисты по прямому или молчаливому соглашению с англо-французскими империалистами станут уводить свои войска лишь по мере того, как придут англо-французские войска, чтобы не допустить создания в оккупированных Германией местностях рабоче-крестьянских правительства.

Ленин пророчески предсказал поведение германской буржуазии, руками социал-демократии произошедшей в ноябре и декабре 1918 г. тактику «защиты от большевиков», списывая себе этим «милость победителей».

Именно из этих побуждений и была проведена по инициативе Штейдемана провокация с багажом русского посольства в Берлине для создания повода к разрыву отношений с Советской Россией. О назревании пролетарской революции и необходимости встретить ее во всеоружии писал Владимир Ильин и «Спартаку» в октябре того же года (18 октября): «Теперь наступает решительный час: быстро назревающая германская революция призывает группу «Спартак» к выполнению важнейших задач, и мы все твердо надеемся, что скоро германская социалистическая пролетарская республика нанесет решительный удар мировому империализму»².

Ленин, как известно, был против революционной войны в период Бреста и всячески доказывал необходимость заключения мира с немцами.

Как сочетал Ленин свою позицию в вопросе о Брестском мире с расчетом своим на близкую революцию в Германии? Почему Ленин, убежденный, как это выше доказано, в близости германской революции, все же настаивал на необходимости немедленного мира?

Ленин боролся за немедленное заключение сепаратного мира с Германией потому, что на том этапе самым важным было «с международно-социалистической точки зрения сохранение этой

(советской.—Б.Н.) республики, уже начавшей социалистическую революцию...»³

«...Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок—социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну»⁴, — писал Владимир Ильин.

Ленин указывал на то, что тактика левых привела бы к гибели Советского союза, что германская реакция использовала бы это, чтобы оттолкнуть от революции широкие массы трудящихся Германии, недостаточно осознавшие необходимость борьбы за социалистическую революцию.

«Пример социалистической советской республики в России, — говорил Ленин, — будет живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским»⁵.

И на I конференции фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы Ленин, сказав январской 1918 года всеобщей стачки в Берлине, заявил:

«Если теперь в Германии с каждым днем растет число рабочих, которые старые предрассудки о большевиках отбрасывают и понимают правильность нашей политики, то в этом заслуга той тактики, которую мы ведем, начиная с Брестского договора»⁶.

Ленин и коябрьская революция в Германии

Радиограмма кильского совета матросских депутатов, обращенная к международному пролетариату и сообщавшая, что Вильгельм отрекся от престола и власть перешла к рабочим и солдатам, была получена в Москве 9 ноября. Ленин немедленно обратился к орловскому и курскому губисполкомам и губкомам партии с секретной телеграммой, в которой поставил их в известность о революции в Германии и предлагал им «натягнуть все усилия для того, чтобы как можно скорее сообщить это немецким солдатам на Украине и посодействовать им ударить на красновские войска, ибо тогда мы вместе завоюем десятки миллионов пудов хлеба для немецких рабочих и отразим нашествие англичан, которые теперь подходит эскадрой к Новороссийску»⁷.

А 10 ноября в 7^{1/2} час. утра Ленин телеграммой «Всем советам, всем, всем» сообщал:

¹ Лен. сб. XI, стр. 47.

² Ленин. Т. XXIII, стр. 201.

³ Там же, стр. 198.

⁴ Ленин. Т. XXIII, стр. 98.

⁵ Лен. сб. XXI, стр. 255.

«Сегодня ночью получены известия из Германии о победе революции в Германии... Прошу принять все меры для немедленного извещения об этом всего населения.

Предсвнаркома Ленин»¹.

Ленин подчеркивал, что вокруг советов разгорается наиболее ожесточенная борьба. Именно потому, что советы — форма власти пролетариата.

В телеграмме, посланной от имени советского правительства всем рабочим, солдатским и матросским советам Германии Ленин писал о том, что необходимо с оружием в руках захватить повсюду действительную власть, образовать рабочее, солдатское, матросское правительство во главе с Либкнехтом и не поддаваться на обман.

Социал-демократы во главе с «Форвертсом» немедленно высказались против советов, за учредительное собрание. Уже 14 ноября Эберт заявил представителям печати о твердом решении правительства созвать учредительное собрание в кратчайший срок.

На съезде советов Шейдеман выступал против советов, заявляя, что рабочие и солдатские советы выражают волю «лишь одной части народа», что советы приведут к крушению единства Германии и к «неизбежным бедствиям всего немецкого народа».

«Независимые», как известно, соединяли идею советов с идеей созыва учредительного собрания.

Спартаковцы выдвигали лозунг советов. Надо отметить, однако, что у спартаковцев не было и тогда еще четкости в понимании вопроса об организации диктатуры пролетариата, о чем свидетельствует хотя бы речь Розы Люксембург на учредительном съезде КПГ.

Владимир Ильич внимательно следил за борьбой вокруг советов. 23 декабря 1918 г. он посвятил этому вопросу специальную статью, в которой писал:

«Немногочисленные номера берлинского «Красного знамени» («Роте фане») и венского «Клича»... показывают нам, что... все эти Шейдеманы и Эберты, Аустерлицы и Рениеры встречают достойный отпор от истинных представителей революционных пролетариев Германии и Австрии. Мы горячо приветствуем оба органа... Повидимому, главным вопросом революции Германии и Австрии является теперь вопрос: учредительное собрание или власть советов. Представители обанкротившегося II интернацио-

народного правительства
государственная
депутатская
советы
«Большой конгресс»

10. 12. 18

Сегодня началось заседание парламента в Берлине, подавлено рабочими и солдатами. Советы были созданы только в Берлине и Бреслау. Рабочие и солдаты в Берлине и Бреслау, поднявшись на улицы, забрали из рук офицеров и генералов парламент, парламентарии покинули здание.

«Продолжаю сражаться за демократию. Берлинцы и солдаты отбирают у офицеров и генералов парламент, парламентарии покидают здание. Альфред Гарднер, депутат в составе парламента, и некоторые парламентарии покидают здание».

«Продолжаю сражаться за демократию. Берлинцы и солдаты отбирают у офицеров и генералов парламент, парламентарии покидают здание. Альфред Гарднер, депутат в составе парламента, и некоторые парламентарии покидают здание».

«Продолжаю сражаться за демократию. Берлинцы и солдаты отбирают у офицеров и генералов парламент, парламентарии покидают здание. Альфред Гарднер, депутат в составе парламента, и некоторые парламентарии покидают здание».

Телефонограмма Ленина о революции в Германии.

нала, все от Шейдемана до Каутского, стоят за первое и называют свою точку зрения «защитой демократии» в противоположность диктатуре².

На факте убийства К. Либкнехта и Розы Люксембург Ленин вскрывал сущность буржуазной демократии как формы диктатуры буржуазии и еще раз подчеркивал, что возможна или диктатура пролетариата или диктатура буржуазии. Середины быть не может.

Ленин писал:

«Смехотворная попытка соединить систему советов, т. е. диктатуру пролетариата, с Национальным собранием, т. е. диктатурой буржуазии, разоблачает до конца и убожество мысли желтых социалистов и социал-демократов, и политическую реакционность мелких буржуа, и их трусливые уступки неудержанно растущей силе новой пролетарской демократии»³.

Владимир Ильич считал «независимых» наиболее опасными врагами революции, задерживающими процесс действительного революционирования широких пролетарских масс, играющими роль тормоза революционной энергии пролетариата. Поэтому Ленин

¹ Лен. сб. XXI, стр. 257.

² Ленин, Т. XXIII, стр. 440.

³ Ленин, Т. XXIV, стр. 15.

чрезвычайно большое внимание уделял разоблачению этих мнимых «левых».

«Масса покидает шейдемановцев,—писал Владимир Ильич,—и переходит к каутскианцам ради их левого крыла, а это левое крыло соединяет безыдейно, трусливо старые предрассудки мелкой буржуазии и исключает парламентарной демократии с коммунистическим признанием пролетарской революции, диктатуры пролетариата, советской власти»¹.

В то же время Ленин отделял «независимых» каутскианских и австро-марксистских вождей от той пролетарской массы, которая еще шла за ними. Он высказывал уверенность, что масса, разочаровавшись в своих вождях, пойдет на борьбу за пролетарскую революцию, а «вожди» останутся тогда контрреволюционерами. Его слова оправдались. После съезда «независимых» в Галле в 1920 г. пролетарская часть этой партии (300 тыс. ее членов) перешла в коммунистическую партию, а «вожди» вернулись в лоно контрреволюционной социал-демократии.

Вопрос об участии в выборах в созываемом социал-демократическим правительством учредительном собрании вызвал, как известно, большие споры внутри только что созданной коммунистической партии Германии. Первый съезд КПГ большинством голосов

высказался против участия в выборах. Мечты о главе с Розой Люксембург и К. Либкнехтом стояло за использование выборов для мобилизации масс вокруг коммунистической партии. Владимир Ильич поддержал позицию Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Ленин помог молодой коммунистической партии усвоить и применять правильную большевистскую тактику.

Он реагировал на все основные вопросы, встававшие в ходе германской революции. Он поддержал позицию «Спартака» по вопросу о создании в деревнях советов, обедняющих батрачество и крестьянскую бедноту, в противовес тем советам из «всех живущих на селе», включая и предпринимателей, к созданию которых приступило шейдемановское правительство. Ленин разяснил также и то значение, которое имело включение в веймарскую конституцию пункта о советах, лишенных права обсуждать политические вопросы.

По каждому новоду Ленин не уставал вскрывать перед массами буржуазную сущность социал-демократического правительства Германии.

Ленин пророчески предсказал значение Версальского мира как мира, который является важнейшим фактором в деле краха всей империалистической системы.

На примере Версальского мира Ленин учил германских коммунистов большевистскому маневрированию в интересах пролетарской революции. Так, позже, уже в 1920 г., когда обстановка изменилась, Владимир Ильич писал:

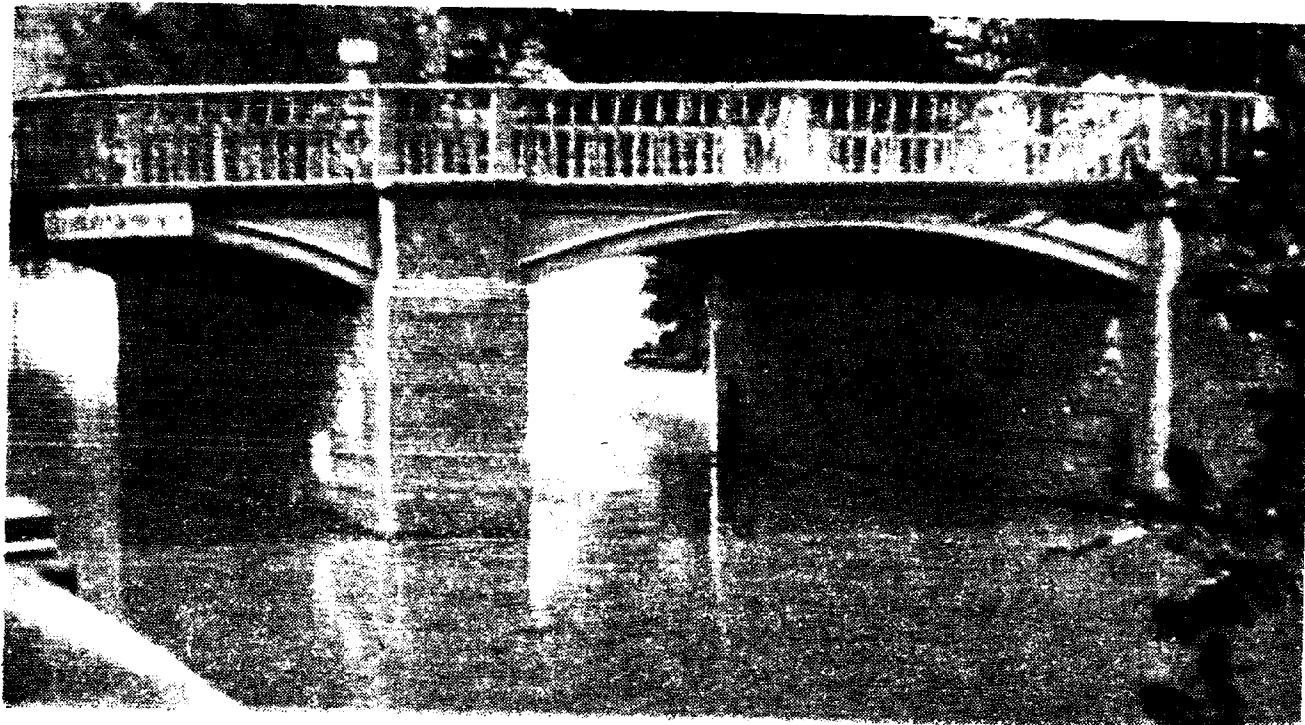
«...Одной из несомненных ошибок «левых» в Германии является их прямолинейное настаивание на непризнании Версальского мира... Надо понять, что в корне ошибочна тактика, не допускающая обязательности для советской Германии (если бы вскоре возникла советская германская республика) признать на известное время Версальский мир и подчиниться ему. Из этого не следует, что «независимые» были правы, выдвигая, когда в правительстве сидели Шейдеманы, когда еще не была свергнута советская власть в Венгрии, когда еще не исключена была возможность помочи со стороны советской революции в Вене для поддержки советской Венгрии, — выдвигая при тогдашних условиях требование подписать Версальский мир...

Свержение буржуазии в любой из крупных европейских стран, в том числе и в Германии, есть такой плюс международной революции, что ради него можно и должно

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 477.

Карл Либкнехт в армии (второй слева).

Мост через канал Ландвер, с которого белогвардейские убийцы бросили в воду труп Розы Люксембург.

найти — если это будет нужно — на более продолжительное существование Версальского мира. Если Россия одна могла с пользой для революции вынести несколько месяцев Брестского мира, то нет ничего невозможного в том, что советская Германия в союзе с Советской Россией вынесет с пользой для революции более долгое существование Версальского мира»¹.

Когда в Баварии была организована под руководством коммунистической партии советская республика, установившая связь с Москвой, Ленин немедленно использовал эту связь для идейного руководства советами в Баварии. Его приветствие баварской советской республике — это конкретная программа действий, необходимых для укрепления диктатуры пролетариата в Баварии.

«...Создали ли советы рабочих и прислуши по участкам города,— спрашивал Владимир Ильин,— вооружили ли рабочих, разоружили ли буржуазию, использовали ли склады одежды и других продуктов для немедленной и широкой помощи рабочим, а особенно батракам и мелким крестьянам, экспроприировали ли фабрики и богатства капиталистов в Мюнхене, а равно капиталистические земледельческие хозяйства в его окрестностях, отменили ли

гипотеки и арендную плату для мелких крестьян, удвоили или утроили плату батракам и чернорабочим, конфисковали ли всю бумагу и все типографии для печатания популярных листовок и газет для массы, ввели ли 6-часовой рабочий день с двух или трехчасовым занятием по управлению государством, уплотнили ли буржуазию в Мюнхене для немедленного вселения рабочих в богатые квартиры, взяли ли в свои руки все банки, взяли ли заложников из буржуазии, ввели ли более высокий продовольственный паек для рабочих, чем для буржуазии, мобилизовали ли рабочих поголовно и для обороны и для идейной пропаганды в окрестных деревнях. Самое спешное и широкое проведение таких и подобных мер при самодеятельности рабочих, батраков и особо от них мелкокрестьянских советов должно укрепить ваше положение. Необходимо обложить буржуазию чрезвычайным налогом и дать рабочим, батракам и мелким крестьянам сразу и во что бы то ни стало фактическое улучшение их положения»².

Правительство пролетарской диктатуры в Баварии учло ряд указаний Владимира Ильинча. Оно провело вооружение пролетариата и разоружение буржуазии, создало красную армию, национализировало промышленность,

¹ Ленин. Т. XXV, стр. 215—216.

² Ленин. Т. XXIV, стр. 264. Разрядка моя.—Б. Н.

Демонстрация под лозунгом „Вся власть советам“ перед рейхстагом, где заседал совет рабочих и солдатских депутатов. Берлин. 1919 г.

железные дороги, банки, создало ЧК по борьбе с контрреволюцией.

Но груз люксембургианства мешал баварским коммунистам последовательно и до конца проводить указания Ленина. Основываясь на теории стихийности, они не закрепили организационно своего влияния на предприятиях и в красной армии. Но наибольшие ошибки совершили они в крестьянском вопросе — и здесь больше всего сказалось традиции люксембургианства. Они не учли указаний Ленина в вопросе о среднем и мелком крестьянстве. Не создав никакой программы конкретного разрешения крестьянского вопроса в Баварии, они поставили среднее и мелкое крестьянство перед фактом, что советская власть Баварии им, в сущности, ничего не дала, что и tolknulo баварское крестьянство на сторону контрреволюции.

С необычайной четкостью вскрывал Ленин причины поражения ноябрьской революции.

Ленин указывал на то, что острый революционный кризис толкнул авангард германского пролетариата на непосредствен-

ную борьбу за власть. «А действительно революционной партии и у немецких рабочих ко времени кризиса не оказалось вследствие опоздания с расколом, вследствие гнета проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдемачы, Легины, Давиды и К°) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и К°) бандой лакеев капитала¹. Благодаря этому буржуазии удалось руками социал-демократов подавить революцию.

Ленин выдвигал перед революционными элементами социал-демократии задачу решительного разрыва с оппортунистами еще задолго до империалистической войны. С особой силой и страстью настаивал он на этом расколе накануне и в момент империалистической войны. Мы знаем, что благодаря слабости левых радикалов, благодаря силе социал-демократических традиций раскол был осуществлен лишь тогда, когда германский пролетариат уже поднялся на борьбу за власть. И ко времени решительных боев его с буржуазией революционная партия его представляла небольшую группу.

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 485.

иу, правда, самоотверженную, способную на героическую борьбу в лице ряда ее руководящих товарищей, но еще слабо связанную с массами и часто поддававшую под влияние независимцев и шейдемановцев, продолжая политику союза с ними и в дни революционных боев за власть. Это опоздание с расколом было решающей причиной поражения германского пролетариата. Благодаря этому запозданию задержался процесс диференциации германского пролетариата от буржуазии. Германский пролетариат в своем подавляющем большинстве пошел за агентами буржуазии. Люксембургийский взгляд на партию не как на авангард, организующий борьбу рабочего класса, а как на пропагандиста определял ошибочную тактику левых радикалов по отношению к шейдемановцам.

Уже в момент революции Роза Люксембург писала:

«Союз «Спартак» — только наиболее сознательная часть пролетариата, которая на каждом шагу указывает всей широкой массе рабочего класса на его исторические задачи и представляет на отдельных этапах революции социалистическую конечную цель и интересы мировой пролетарской революции»¹.

Ни слова о партии ни как об организующей силе, ни как о штабе революционной борьбы за диктатуру!

Наряду с этим молодая компартия Германии страдала и «детской» болезнью левизны. Это была так же одна из причин, которую учитывал Ленин, обясняя корни влияния «независимцев» на рабочих. Критикуя отрицательную позицию спартаковцев по отношению к использованию буржуазного парламентаризма, к работе в реакционных профсоюзах и ряд других «левых» ошибок «Спартака», изолировавших его от масс,

¹ «Was will der Spartakusbund?», S. 22. Разрядка моя.—Б. Н.

Спартакисты захватывают редакцию „Форвэртс“. Справа—революционный номер „Форвэртс“, выпущенный спартаковцами. 1919 г.

Ленин указывал, что эти «левые» установки молодой компартии привели к тому, что «вполне однородная тяга рабочих справа налево привела к усилению не сразу коммунистов, а сначала промежуточной партии «независимцев»².

На ошибках германской компартии Ленин учил, как надо относиться к таким партиям, как Независимая, к партиям «левых меньшевиков и утонченного обмана рабочих масс»³, пытающимся отвлечь левые массы от революционной борьбы за диктатуру пролетариата.

Ленин об уронах германской революции

На опыте германской революции Ленин сделал ряд выводов, подтвердивших нравильность и международное значение тактики большевизма. Он писал, что германская революция прежде всего подтвердила международное значение советов как формы диктатуры пролетариата.

«Германская революция дала эту проверку. Передовая капиталистическая страна — после одной из самых от-

² Ленин. Т. XXV, стр. 213.

³ Там же, стр. 214.

Arbeiter! Genossen!

Alle Männer auf die Straße! Die Revolution ist in Gefahr!

Wir fordern jetzt, dass Ihr bereit seid zu jedem Opfer.

Wir fordern jetzt, dass Ihr bereit seid, die ganze Arbeiterschaft Groß-Berlins bewaffnet mit Waffen, Munition und Alimenten für die Revolution!

сталих — показала всему миру за короткий срок, за какую-нибудь сотню с небольшим дней, не только те же основные силы революции, не только то же основное направление ее, но и ту же основную форму новой пролетарской демократии: советы¹.

В ходе германской революции большевизм также получил подтверждение и своей характеристики основных «направлений во всемирном социализме», данной им во время и перед империалистической войной.

«Три направления во всемирном социализме, о которых с 1915 года неустанно говорят большевистская печать, стоят теперь перед нами в свете кровавой борьбы и гражданской войны в Германии с особенной отчетливостью»².

Но главный вывод, который подчеркивал Ленин, — это вывод о роли партии в пролетарской революции.

На основе опыта германской революции Владимир Ильин учил коммунистов всех передовых капиталистических стран:

«Не терять хладнокровия и выдержанки; систематически исправлять ошибки прошлого; не уклонно завоевывать большинство среди рабочих масс и в

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 25. Разрядка моя.—Б. Н.

² Ленин. Т. XXIII, стр. 497.

профсоюзах и вне их; — терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию, способную действительно руководить массами при всех и всяких поворотах событий; — вырабатывать себе стратегию, стоящую на уровне наилучшей международной стратегии самой «просвещенной» (вековым опытом вообще, «русским опытом», в особенностях) передовой буржуазии, — вот что надо делать и вот что будет делать немецкий пролетариат, вот что гарантирует ему победу»³.

Героическая борьба германской компартии, ее растущее влияние в широких массах пролетариата, в катаржных условиях миллеровской «империи» — доказательства того, что партия восприняла уроки Ленина и большевиковилась, отказавшись от люксембургийского груза, приобретая все больший опыт подпольной работы. Эта героическая борьба — доказательство того, что германская компартия ведет рабочий класс и трудящиеся массы Германии к окончательному уничтожению капитализма, к «свержению диктатуры эксплуататорских классов» (XIII пленум ИККИ).

³ Ленин. Т. XXVI, стр. 486. Разрядка моя.—Б. Н.

«Каждый завод — наша крепость». Обложка немецкого журнала «Красная звезда» № 5, посвященного 11 партейтагу в Эссене. Тень Ленина над заводами Круппа.

Л Е Н И Н И СУНЯТСЕНИЗМ

1

Развитие китайской революции и геройская борьба советского Китая становятся вторым после СССР решающим фактором мировой революции. Огромное значение китайских событий для развития международной революции совершенно очевидно. Вот почему вопросы китайской революции, история ее развития и ее перспективы привлекают самое пристальное внимание и вызывают самый жгучий интерес трудящихся масс не только в СССР, но и во всем мире.

Каковы движущие силы китайской революции и их соотношение на разных этапах? Какова стратегия и тактика китайской компартии и Коминтерна в различные периоды китайской революции? Что такое Гоминдан и кто такой Сун Ят-сен и какова была их роль на определенных этапах развития революции в Китае? Эти и многие другие важнейшие проблемы китайской революции требуют самого серьезного изучения и освещения, необходимых для понимания особенностей и характера развивающейся революции в Китае. Настоящая статья является попыткой осветить одну из таких проблем, связанную с начальным этапом развития китайской революции,—«сунятсенизм», его содержание, историческое значение и оценку его Лениным.

Сун Ят-сен стал вождем китайского национально-освободительного движения после поражения Китая в китайско-японской войне и после полного провала попыток китайской буржуазии добиться реформ сверху и получить некоторые возможности для капиталистического развития страны. Еще в конце XIX в. Сун Ят-сен надеялся, что путем реформ, без свержения династии, можно добиться индустриализации, постройки железных дорог, развития капиталистической торговли и т. п. Пролетариата как

самостоятельной классовой силы в Китае еще не было. Сун Ят-сен в этот период выражал стремления зарождавшейся китайской буржуазии к развитию Китая на путях капитализма.

Переломным пунктом в политическом развитии Сун Ят-сена и в формировании его идей явились 1905 год и возникновение «Союзной лиги» (Тунмынхуй). В программе «Лиги» были уже такие лозунги, как свержение манчжурской династии, учреждение республики, «земельное равноправие», осуществляемое «национализацией» путем выкупа, и т. п. Эти лозунги выражали стремления революционного авангарда китайской национальной буржуазии осуществить свою гегемонию над многомиллионным, задавленным феодальными пережитками крестьянством Китая.

В июле 1912 г., после свержения монархии, Сун Ят-сен стал временным президентом Китайской республики.

Ленин, с огромным вниманием относившийся к вопросам национально-освободительного движения во всем мире, с самого начала с активным интересом стал следить за развитием китайской революции. Естественно, что сунятсенизм, его социальная сущность и его идеино-политическое содержание должны были сильно заинтересовать Ленина, и он посвящает анализу сунятсенизма ряд статей, написанных в 1910—1912 гг. в связи с развитием китайской революции.

Ленин подчеркивал в этом своем анализе основное достоинство высказываний Сун Ят-сена: его демократизм, его антифеодальные взгляды. Но уже тогда, как мы покажем далее, Ленин отмечал и реакционную сторону учения Сун Ят-сена, которую сумела использовать впоследствии и положить в основу своей борьбы китайская буржуазно-чонецкая контрреволюция.

Из каких политических оснований исходил Ленин в своих оценках роли и значения Сун Ят-сена?

Еще в № 1 «Искры» в 1900 г., в статье «Китайская война», Ленин обрушился на царское правительство и холопствующие перед ним газеты, ликовавшие по поводу «поражения китайской дикости европейской культурою», по поводу «цивилизаторской» миссии на Дальнем Востоке. Уже в этой статье Ленин поставил китайский вопрос в плоскость пролетарского интернационализма, в плоскость революции.

«Не европейские народы ненавидят китайцы, — писал он, — с ними у них не было

столкновений, — а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства... Пресмыкающиеся перед правительством и перед денежным мешком журналисты из кожи лезут вон, чтобы разжечь ненависть в народе к Китаю. Но китайский народ ничем и никогда не притеснял русского народа: китайский народ сам страдает от тех же зол, от которых изнемогает и русский. — от азиатского правительства, выколачивающего подати с голодающих крестьян и подавляющего военной силой всякое стремление к свободе,— от гнета капитала, пробравшегося в «Срединное царство»¹.

В этих словах уже дана ленинская концепция китайской революции, которой впоследствии руководствовался Коминтерн, разрабатывая вопросы стратегии и тактики киткомпартии. На очереди в Китае стояла буржуазно-демократическая революция, направленная на уничтожение остатков феодализма и одновременно против империализма. Характерным для ленинского подхода к проблемам китайской революции и оценки сунтсенизма с самого начала было то, что он рассматривал их

¹ Ленин. Т. IV, стр. 61 и 63. Разрядка наша.— С. С.

Страница одного из революционных китайских журналов с изображением деятелей и событий революции 1911 года.

исторически и конкретно, подчеркивая не только моменты сходства Китая с другими странами, но и различия, специфику Китая и особенности классовой борьбы на данном этапе.

В своих более поздних статьях «Демократия и народничество в Китае» (июль 1912 г.) и «Обновленный Китай» (ноябрь 1912 г.) Ленин дал уже развернутую характеристику сунтсенизма, вскрывая не только его классовую сущность, но и намечая перспективы развития китайской революции и роль крестьянства и пролетариата в этом процессе.

«Боевой, искренний демократизм пропитывает каждую строчку платформы Сун Ят-сена. Полное понимание недостаточности «расовой» революции. Ни капли аполитизма или хотя бы пренебрежения к политической свободе, хотя бы допущения мысли о совместности китайского самодержавия с китайской «социальной реформой», с китайскими конституционными преобразованиями и т. п. Цельный демократизм с требованием республики. Прямая постановка вопроса о положении масс, о массовой борьбе, горячее сочувствие трудящимся и эксплуатируемым, вера в их правоту, в их силу»¹.

Так характеризовал Ленин в июле 1912 г. Сун Ят-сена, ставшего президентом Китайской республики.

Ленин сравнивал Сун Ят-сена с президентами буржуазных республик в Европе и Америке: «Тамошние президенты республик — силошь дельцы, агенты или куклы в руках буржуазии, насквозь прогнившей, с ног до головы запачканной грязью и кровью, не кровью падишахов и бодыханов, а кровью рабочих, расстреливаемых за стачки во имя прогресса и цивилизации. Тамошние президенты — представители буржуазии, которая отреклась давным-давно от всех идеалов молодости, которая проституировалась себя до конца, продала себя целиком миллионерам, миллиардерам, обуржуазившимся феодалам и т. д. Здешний, азиатский временный президент республики — революционный демократ, полный благородства и героизма, свойственного такому классу, который идет не под гору, а в гору, который не боится будущего, а верит в него и самоотверженно борется за него,— классу, который ненавидит прошлое и умеет сбрасывать его омертвелую и душающую все живое гниль,

¹ Ленин. Т. XVI, стр. 27. Необходимо отметить, что Ленин делал свои гениальные прогнозы и обобщения, располагая лишь 1—2 статьями Сун Ят-сена, опубликованными в брюссельской социалистической газете.

а не цепляется за охранение и восстановление прошлого ради охраны своих привилегий»¹.

В статьях того периода Ленин проводил резкую грань между западной и китайской буржуазией. Ленин писал о буржуазии Европы и Азии: «Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик — пролетариат. А в Азии есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции. Главный представитель или главная социальная опора этой способной еще на исторически прогрессивное дело азиатской буржуазии — крестьянин. Рядом с ним есть уже либеральная буржуазия, деятели которой, подобно Юань-шикаю, более всего способны к измене»².

Таким образом Ленин сразу оценил суньтсенизм как «народнический социализм», утверждая, что «крестьянская демократия, вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества».

Суть программы Сун Ят-сена — это идея революционного уничтожения феодальной эксплуатации. В этом и заключается революционное существо суньтсенизма, как подчеркивал Ленин, сравнивая его с русским революционным народничеством, выражавшим стремления буржуазной демократии в России — крестьянства — уничтожить все привилегии Пуришкевичей...

Ленин писал, что партия Сун Ят-сена — в союзе с «радикально-социалистической» партией, которую Ленин характеризовал следующим образом: «Радикально-социалистическая», — в которой на самом деле так же нет ровно никакого социализма, как у наших «народных социалистов». Это — стартия мелкобуржуазной демократии³.

Проводя аналогию между «социалистическими» мечтами Сун Ят-сена и русских народников, в особенности между их теориями «трудового начала» и «уравнительности», Ленин обяснял, почему идеология боевого демократизма с его буржуазным существом сочетается у Сун Ят-сена с «социалистическими теориями»:

«Китайская демократия не могла свергнуть старого порядка в Китае и завоевать республику без громадного духовного и революционного подъема масс... А в Европе и

Улица Нанкина, столицы революционного правительства Сун Ят-сена, в 1912 году.

Америке, от которой передовые китайцы, все китайцы, поскольку они переживали этот подъем, заимствовали свои освободительные идеи, на очереди стоит уже освобождение от буржуазии, т. е. социализм. Отсюда неизбежно возникает сочувствие китайских демократов социализму, их субъективный социализм.

Они субъективно социалисты, потому что они против угнетения и эксплуатации масс. Но объективные условия Китая, отсталой, земледельческой, полуфеодальной страны, ставят на очередь дня в жизни чуть ли не полумиллиардного народа лишь один определенный, исторически-своебразный вид этого угнетения и этой эксплуатации, именно феодализм⁴.

Но в то же время Ленин с самого начала подчеркивал буржуазный характер суньтсениновской идеологии. Он уже тогда вскрывал в нем те реакционные стороны, которые потом стали идеологической основой контрреволюционного Гоминдана и отошедшей от национальной революции буржуазии.

«Но эта идеология боевого демократизма, — писал Ленин, — сочетается у китай-

¹ Ленин. Т. XVI, стр. 27.

² Там же, стр. 28.

³ Ленин. Т. XVI, стр. 188—189. Разрядка Ленина.

⁴ Ленин. Т. XVI, стр. 28—29.

ского народника, во-первых, с социалистическими мечтами, с надеждой миновать путь капитализма для Китая, предупредить капитализм, а во-вторых, с планом и проповедью радикальной аграрной реформы. Именно эти два последних идеально-политических течения и представляют тот элемент, который образует народничество в специфическом значении этого понятия, т. е. в отличие от демократизма, в добавление к демократизму¹. Ленин подчеркивал, что мечты о том, что в Китае можно «предупредить» капитализм, что вследствие отсталости Китая в нем легче «социальная революция» и т. п., реакционны.

Но поскольку Сун Ят-сен защищает не только реакционную социалистическую утопию, а максимально прогрессивную демократическую аграрную программу, программу национализации земли, «полное осуществление которой означало бы наиболее быстрое развитие капитализма в земледелии», постольку эту программу необходимо поддерживать.

Уже тогда Ленин намечал будущие перспективы китайской революции, подчеркивая, что гегемоном ее может быть только пролетариат.

«... Поскольку будет расти в Китае число Шанхайев.—писал Владимир Ильин, подчеркивая, что на смену суньятсеноускому «социализму» в Китае придет пролетарский социализм, — будет расти и китайский пролетариат. Он образует, вероятно ту или иную китайскую социал-демократическую рабочую партию, которая, критикуя мелкобуржуазные утопии и реакционные взгляды Сун Ят-сена, будет, наверное, заботливо выделять, охранять и развивать революционно-демократическое ядро его политической и аграрной программы»².

Молодой китайский пролетариат, сложившийся в основном в годы мировой войны, вскоре выступил на сцену. С неимоверной быстротой он накапливал громадный опыт революционной борьбы против империализма и против милитаристов, помещиков и буржуазии в собственной стране.

2

Прогнозы Ленина и построенные на основе их стратегия и тактика Коминтерна подтвердились. Под руководством Коминтерна революционные возможности китайской буржуазии были использованы в целях дальнейшего развития революции. Но уже революции 1925 г. китайский пролетариат, используя буржуазию, дрался с нею за пролетарскую гегемонию в отношении крестьянства.

Китайская национальная буржуазия очень быстро исчерпала свои исторически обусловленные, но и исторические ограниченные возможности. В декабре 1927 г. в Кантоне, колыбели китайской революции, возникла, хотя и на короткий срок, коммуна — Кантонская коммуна. Борьба за советский Китай продолжается. Сейчас он уже занимает около 1/3 части всей территории страны. Буржуазно-демократическая революция под руководством гегемона — пролетариата — и его коммунистической партии уже охватила десятки миллионов трудящихся Китая, поднимая их на борьбу с пережитками феодализма и с империализмом, обуславливая перерастание революции в социалистическую.

В свете исторического опыта китайской революции особенно важно выяснить, в чем состояла революционность суньятсенизма и почему Коминтерн на первом этапе революции поддерживал Сун Ят-сена и Гоминдан. Необходимо также выяснить, как произошла дальнейшая, предвиденная Лениным эволюция суньятсенизма?

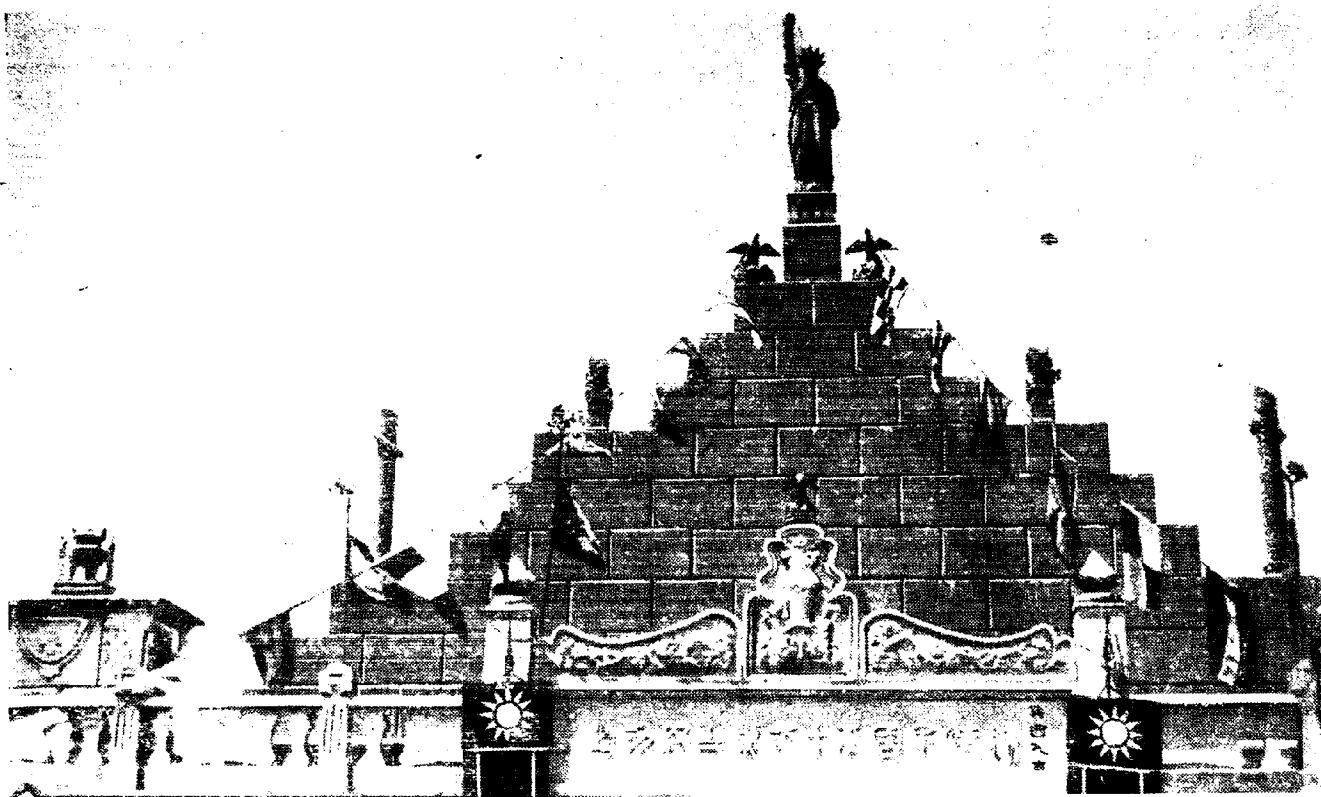
Еще в самый ранний период Ленин обнаружил ту противоречивость взглядов Сун Ят-сена, которая привела к тому, что суньятсенизм впоследствии стал идеологией реакционной части китайской буржуазии.

В последних трудах Сун Ят-сена дана формулировка идеологических основ Гоминдана и разработан план его деятельности, ставший впоследствии программой помещичье-буржуазной контрреволюции во главе с Чан Кай-ши. Свои теоретические взгляды Сун Ят-сен особенно подробно изложил в основных своих трудах: «Три принципа» и «Капиталистическое развитие Китая».

Интересны прежде всего взгляды Сун Ят-сена по вопросу о нации и расе. Из всех наций только Китай представляет собой единство нации и расы, утверждает Сун Ят-сен. Он отрицает наличие других рас в Китае, указывая на то, что эти расы насчитыва-

¹ Ленин. Т. XVI, стр. 28.

² Там же. стр. 31. Разрядка наша.—С. С.

Памятник 72 жертвам революции в Кантоне. 1911 г.

вают не больше чем 10 млн. населения и что «китайский народ основан на ханской или китайской расе с общей кровью, общим языком, общей религией, общими обычаями — единая и чистая раса»¹.

Эта расовая теорийка после смерти Сун Ят-сена, несомненно, послужила орудием борьбы реакционеров внутри и вне Гоминдана против китайской революции. Она явилась основой теории «исключительности Китая», с которой мы еще встретимся в выступлениях самого Суна, а после него — в выступлениях Дай Ци-тоа, Чан Кай-ши и других идеологов и практиков крупной китайской буржуазии и помещиков.

Исходя из своей расовой теории, Сун Ят-сен отвлекался от проблем революции и переходил к заботам о росте населения Китая. Так, вычисляя, что «через 100 лет население САСШ, например, достигнет 1000 млн. т. е. в два с половиной раза больше нашего» (стр. 23), он предупреждал, что «если их население увеличится, а наше нет, то большее количество угнетет меньшее количество, и Китай неизбежно будет поглощен. В таком случае Китай не

только потеряет свою независимость, но погибнет. Китайский народ будет ассимилирован, а раса исчезнет» (стр. 27).

Революционная практика Сун Ят-сена, в особенности в последние годы его жизни и руководства национально-революционным движением, показала, что суньтсеновский национализм преследовал задачи борьбы против империализма, за освобождение и независимость Китая. Но сути империализма Сун Ят-сен не понимал да и самую борьбу вел непоследовательно. Достаточно указать на те маневры, тайные переговоры и торги, которые так любил вести Сун Ят-сен с Японией, с САСШ, с Англией, с одной стороны, и с их милитаристическими ставленниками — с другой. Он «маневрировал», он «использовал» противоречия между империалистическими державами, но сам очень часто попадался в опасную ветлю той или иной империалистической комбинации.

Суньтсеновский национализм представлял собой эклектическую мозаику, составленную из многих отрывков и лозунгов, захваченных им из учебников по истории европейских национальных и буржуазных революций. В свое время эти лозунги имели революционное значение, но в условиях борьбы за аграрную, антиимпериалистическую

¹ Сун Ят-сен «San-Min-Chu-I» («Три принципа»). Англ. изд., стр. 12. Все остальные ссылки, подле которых указана в скобках только страница, даны из этого же источника.

революцию они давно уже стали реакционными, чего не понимал Сун Ят-сен. В эту мозаику были вкраплены «китаизмы», прямо реакционные в условиях антиимпериалистической и антифеодальной борьбы.

Вот что писал Сун Ят-сен по вопросу о возрождении клановой и патриархальной семейной системы: «Я считаю, что в отношениях между китайскими гражданами и их государством должна быть на первом месте верность семьи, потом верность клановая и, наконец, лояльность национальная... Если мы возьмем клан как нашу социальную клеточку и после улучшения внутренней организации клана соединим их для образования государства, наша задача, конечно, будет легче разрешена, чем в других странах, где индивидуум служит основной единицей» (стр. 115).

Таким образом Сун Ят-сен не понимал, что клановая и патриархально-семейная системы разлагаются с внедрением капиталистических отношений, с внедрением империализма в Китай. Не понимая этого, он искал корни борьбы между милитаристическими кликами Китая в клановой борьбе. Если бы удалось, мечтал он, убедить членов каждой семьи и каждого клана, что «раса скоро будет уничтожена и что тогда семья не сможет продолжать существовать... Мы тогда смогли бы превратить клановую борьбу в борьбу против чужеземных рас и таким образом избавиться от варварской междуусобицы внутри страны, вторых, мы смогли бы использовать клановую боязнь перед исчезновением для того, чтобы обединить нашу расу быстро и легко и образовать мощную нацию» (стр. 117).

Эта теория кланового национализма не какая-нибудь случайная идея Сун Ят-сена. Сун Ят-сен искал какой-нибудь организационной опоры для всей нации в ее национально-освободительной войне.

Этой опорой он считал клан, ибо рассматривал «нацию» как нечто целое, единое, бесклассовое.

При всей теоретически исключительно беспомощной путанице, в которую облек Сун Ят-сен свой важнейший принцип — принцип национализма, все же основным в нем был антиимпериалистический, а поэтому и революционный характер этого прин-

Еще больше противоречий и путаницы нагромождено Сун Ят-сеном в его трактовке второго из «трех его принципов», в вопросе о «демократии».

Трактуя проблему демократии, Сун Ят-сен сталкивался с такими центральными вопросами, как государство и власть. Он неизбежно подходил вплотную ко всем тем вопросам, без анализа и разрешения которых нельзя говорить о государстве: о классах и классовой борьбе, о диктатуре пролетариата, о путях развития нового Китая, об опыте буржуазных республик и буржуазной демократии на Западе, об опыте пролетарской республики СССР, о советской форме государства, об аграрном вопросе и т. д. и т. п.

Исчерпывающие ответы на все эти вопросы Сун Ят-сен давал при изложении своего третьего принципа «Мин-Шенг» (социализм, или, как предпочитал его переводить Сун Ят-сен, народное благоденствие).

Основой «новой демократии» Сун Ят-сен считал давно известные принципы: всеобщее избирательное право: право голосования плюс право отзыва; право инициативы и право референдума. «Китай теперь имеет идею демократии,—говорил Сун Ят-сен,—но во всем мире не изобретен еще и не усовершенствован механизм, который воплотил бы эту идею в жизнь» (стр. 348). Он предлагал осуществить этот механизм в так называемой «пятистепенной власти», являющейся не чем иным, как обычным для всех буржуазных республик нагромождением законодательной, судебной и исполнительной власти, плюс то «новое» (институт наказаний или цензуры, институт проверочных испытаний), что Сун Ят-сен относил к традициям древнейшего и славнейшего Китая, а т. Виленский-Сибиряков совершенно неправильно считает подражанием нашей «рабоче-крестьянской инспекции и идеи Ленина о функциях ЦКК»¹.

Свою схему «новой демократической республики» Сун Ят-сен излагал после только что окончившейся на юге борьбы против Чан Цзюн-мина, когда на севере и в провинции Гуанси господствовали враждебные генералы, а Гоминдан являлся распыленной и неоднородной организацией. В условиях ожесточенной классовой борьбы Сун Ят-сен

¹. В. Сибиряков «Сун Ят-сен — отец ки-

**Сун Ят-сен произносит речь перед офицерами кантонской армии в 7-ю годовщину Октября.
Кантон. 1924 г.**

проповедывал свою «демократическую систему» как всеобщее средство спасения.

Начиналась новая эра. Китайская революция вступила в новую, более высокую фазу. Компартия вошла в Гоминдан, который был реорганизован и начал мобилизовывать вокруг себя крестьянские и рабочие массы и городскую бедноту. Намечалась северная экспедиция. Союз с СССР принял конкретные формы. Но Сун Ят-сен не ориентировался в этих сдвигах, он еще не представлял себе дальнейший ход китайской революции. Вот почему Сун Ят-сен так страстно пропагандировал и излагал свою схему демократической республики, идеальной буржуазной республики в «чистом виде».

Ратуя за республику, Сун Ят-сен проявлял неверие в силу миллионных рабоче-крестьянских масс Китая, снова прибегая к «китаизму». «Общая психология китайцев такова», — говорил Сун Ят-сен, — что они требуют чтобы императором стал человек, обладающий

выдающимися способностями... Если бы нашему 400-миллионному народу предоставили возможность избрать императора путем всеобщего голосования, если бы они имели полную власть и свободу выбора, без внешнего вмешательства, и если бы... Яо и Шун¹ воскресли... Я думаю, что народ избрал бы Яо или Шун» (стр. 302).

В дальнейших рассуждениях о демократии Сун Ят-сен предупреждал, что простое подражание западной демократии, «подобно тому как мы подражаем западным материальным наукам, было бы серьезной ошибкой» (стр. 268). Чтобы избежнуть отрицательных сторон буржуазной демократии, он предлагал «свою собственную» систему демократии, по существу ничем не отличавшуюся от демократии «старых» буржуазных республик.

Трактуя третий и основной свой принцип «Мин-Шенг» или «народного благоденствия», Сун Ят-сен затрагивал ряд важнейших вопросов.

Сун Ят-сен делит человеческое общество на классы, но что это за классы?

Человеческое общество, писал он, основано на делении по уровню естественных умственных данных и способностей индивиду-

¹ Яо и Шун — древнекитайские императоры, которых Сун Ят-сен идеализировал как исключительно способных и благородных правителей, «любивших» народ как своих собственных детей.

ума. «Я делю человечество на три группы: первая группа — это те, которые раньше всех видят и познают, — это люди превосходящей мудрости... Эти дальновидные и умные люди являются творцами и изобретателями человечества. Вторая группа состоит из тех, кто видит и познает медленнее (позже)... Они ничего не создают и не изобретают, а только следуют и подражают, изучая то, что первая группа уже сделала. Третья группа — это те, кто вовсе не видит и не познает... Они только действуют (исполняют)» (стр. 297).

Представителями этих трех групп, объяснял Сун Ят-сен, являются: «инженер, мастер, рабочий» (стр. 298). Последний «кладет кирпич и черепицу и совсем не видит и не познает» (там же). Как же обстояло дело, по Суну, с классами и классовой борьбой конкретно в Китае?

«Борьба между трудом и капиталом свирепствует сейчас во всех сильно развитых промышленных странах... Китай благодаря своей отсталости в промышленном отношении еще не вступил в полосу классовой войны. Наш рабочий, обычно известный под названием «кули», страдает от безработицы и поэтому рад приветствовать всякого капиталиста, который откроет хоть конфектную лавоч-

ку для его эксплуатации» (стр. 227—228).

Суньтсеновская теория «китайской исключительности» послужила теоретической основой для контрреволюционных действий не только после переворота Чан Кай-ши, но и задолго до него (группа «чистого» суньтсенизма и Дай Цзи-тао уже в 1923—1924 г., в период реорганизации Гоминдана, в событиях 20 марта 1926 г.). Правда, Сун Ят-сен не удовлетворялся простым декларированием этих тезисов о классах и классовой борьбе; он чувствовал (и не мог не чувствовать) в условиях нарастающего революционного подъема, когда молодой, но исключительно активный китайский пролетариат уже претендовал на руководящую роль в революции и нарастали силы китайской компартии, единственно последовательно революционной марксистской партии в Китае, что эти тезисы надо обосновать посерьезнее. Поэтому Сун Ят-сен посвятил свои лекции «критике и опровержению Маркса».

Сун Ят-сен опровергал: а) марксову теорию прибавочной стоимости, б) его концепцию исторического материализма, в) теорию классов и классовой борьбы, г) тезис о диктатуре пролетариата и необходимости насилиственного уничтожения капиталистического строя.

Интересно отметить, что, критикуя Маркса, Сун Ят-сен забыл свою теорию китай-

Панорама Кантонга.

Развалины в Кантоне после декабрьского восстания 1927 г.

ской исключительности. Он опровергал Маркса «вообще» и ссылался не только на буржуазных критиков Маркса, но и на Иинтернационал, на социал-реформизм, который он противопоставлял коммунизму.

Сун Ят-сен отрицал, что только труд создает прибавочную стоимость. «Мы должны отдать должное, — говорил он, — (give credit to) изобретателям и фабрикантам этих вещей (продуктов)...»

С историческим материализмом Сун Ят-сен справлялся вовсе легко и быстро. Приводя высказывания американского критика Маркса, некоего Уайтинга Вильямса, он одобрял его полностью, утверждая, что положения Вильямса целиком совпадают с его принципом «Мин-Шенг». В чем же суть этой критики? В том, что «борьба за существование, а не материальные силы определяют историю...» (стр. 383). Ссылаясь на Вильямса, который писал: «Материалистическая концепция истории неправильна: не материальные силы, а социальная проблема является центром, который определяет ход истории, а сердцевиной социальной проблемы является вопрос существования», — Сун Ят-сен воскликнул: «Это и есть проблема пропитания».

Марксову теорию классовой борьбы Сун Ят-сен критиковал следующим образом:

«Судя по Марксу, — писал он, — мы вынуждены были бы сказать, что общественные изменения происходят от классовой борьбы и причиной классовой борьбы является угнетение рабочих капиталистами... Но посмотрите-ка на действительность, на социальный прогресс Запада за последние несколько десятилетий. Лучше всего развит аппарат общественного распределения, который уничтожает монополию купца. Усиленные налоги на доходы и наследство капиталистов увеличивают ресурсы государства, которое забирает средства транспорта и связи и получает возможность улучшить просвещение и здоровье рабочих, а также улучшить оборудование внутри предприятий и таким образом увеличить производительность общества. Когда производство достигает больших размеров, капиталисты, конечно, накапливают богатства и рабочие получают высокую зарплату. С этой точки зрения, когда капиталисты улучшают условия жизни рабочих и повышают их производительность, рабочие могут производить больше для капиталиста. Капиталист таким образом получает больше продуктов, а рабочий — повышенную зарплату. Вот здесь мы

меем дело с примирением интересов капиталистов и рабочих, а не с столкновением этих интересов» (стр. 390). «Марксовы теории классовой борьбы не одтвердились последующими событиями и фактами в ходе общественной истории» (стр. 395).

Сун Ят-сен мобилизовал всех и все в защиту тезиса о возможности организованного, реформированного капитализма в Китае (впрочем и не только в Китае). Он ссылался на Бисмарка, на Форда, на Интернационал, на американских исследователей Маркса и т. п. «Ведущей (фундаментальной) целью марксовой социальной философии», — говорил Сун Ят-сен, — является свержение капиталистов. Но нужно ли свергнуть капиталистов или нет, — это важный вопрос, который еще должен быть нами детально изучен...» (стр. 402). Немного ниже он даже прямо заявлял, что капитализм совсем не ужно свергать, ссылаясь на уже прошедшие на Западе реформы, излагая подобный перечень тех реформ, которые он предлагал ввести в Китае. Особенно рьяноцеплялся он за кооперативное движение в Англии и других странах, где, по его мнению, «крупные купцы превратились в производителей» (даже «Стандарт Ойл Компани» включил он в эту категорию).

Четырьмя основными «мирными методами» развития капитализма Сун Ят-сен считал: социальные и экономические реформы, национализацию путей сообщения и связи, «прямые налоги или подоходный налог и обобществленное распределение или сооперативные общества» (стр. 410).

Итак, Маркс оказался «разбит» Сун Ят-сеном по всем правилам старой, вульгарной и новейшей, социал-реформистской политэкономии.

В своем труде «Капиталистическое развитие Китая» Сун Ят-сен дал очень характерное для него резюме существа его плана развития Китая: «Вкратце идея моя сводится к следующему: заставить капитализм создать в Китае социализм, стимулировав эти две экономические силы человеческойvolutionи могли работать бок о бок для будущей цивилизации¹.

По вопросу о путях развития Китая между правым и левым крылом Гоминдана и

киткомпартией возникли разногласия. Полемизируя против правых гоминдановцев и против коммунистов, Сун Ят-сен обвинял тех и других в непонимании ими принципа «Мин-Шенг». Правым гоминдановцам Сун твердил, что принципиальной разницы между «Мин-Шенг» и коммунизмом нет.

Одновременно он высмеивал тех «невежественных и опрометчивых коммунистов», которые просто не понимают его концепции: «Эти коммунисты не понимают, что «Мин-Шенг» является формой коммунизма, это не та форма, которую изобрел Маркс, а такая форма, которая практиковалась, когда первобытный человек появился на земле...» (стр. 528 — 529).

Однако промадное влияние СССР сказалось и в постановке вопроса о характере и направлении развития китайской революции.

Острие своей полемики против коммунистов, которые «организуют компартию и начинают агитировать в Китае», Сун Ят-сен направлял против применения «марксова метода» в Китае, прибегая к следующим аргументам: раз сами социалисты на Западе не могут прийти к единой интерпретации социализма и к выбору необходимого метода его осуществления, то как же китайцы могут применять марксов метод. Уловив, что важнейшим водоразделом между лагерями коммунизма и реформизма является проблема пролетарской революции и диктатуры пролетариата², Сун Ят-сен вынужден был конкретно затронуть вопросы русской революции и высказаться об опыте диктатуры пролетариата в СССР.

Считая, что они есть отступление от идей Маркса и что в России невозможен социализм, Сун Ят-сен пишет: «Россия не достигла еще экономического уровня Великобритании или САСШ, и поэтому она не созрела для применения марксовых методов. Как же можно тогда считать экономический уровень Китая достаточно высоким для применения марксовых методов?» (стр. 439).

Что касается взглядов Сун Ят-сена на китайский пролетариат, то мы уже видели то место, которое занимал рабочий, «кладущий кирпич или черепицу», в его схеме деления общества на три класса или группы («рабочий ничего не видит и ничего не признает»). В полном соответствии с этой кон-

¹ Сун Ят-сен «Капиталистическое развитие Китая». Гиз. 1925, стр. 228.

² «San-Min-Chu-I», стр. 409.

Трупы казненных при подавлении восстания в Кантоне. 1927 г.

цепией Сун Ят-сен отводил рабочим в своей схеме «действительного равенства» место категории низших людей. В его схеме распределения пайков нет уравниловки. У него 8 категорий, или ступеней, равенства. На самой высшей ступеньке стоит мудрец, потом по очереди вниз: превосходящий человек, гений, умный человек, «середняк», ниже среднего, тутица и, наконец, низший человек.

Рабочим претендовать на равенство в правах, по Сун Ят-сену, не полагается. В таком духе высказывался он, затрагивая проблему профсоюзов.

Он критиковал рабочие организации Британии и Франции за то, что они стали выдвигать вождей из своей среды на место интеллигентов. «Все это потому, что рабочие сбились с пути в погоне за равенством. Таким образом профсоюзы, которые сами не владели необходимыми для руководства умами, лишились своего умного руководства» (стр. 240).

Переходя к китайской действительности, к китайским рабочим организациям, Сун Ят-сен говорил, что «китайские рабочие также злоупотребляют идеей равенства».

Перейдем теперь к крестьянскому вопросу. Понимая значение аграрного вопроса, Сун Ят-сен выдвигал в качестве основного лозунга «уравнение землевладения». Для этого он предлагал правительству «в случае необходимости» выкупить землю у помещиков по цене, установленной землевладельцами.

Он предлагал, чтобы все приращение к стоимости земли (сверх установленной стоимости) шло в пользу общества. Это и есть тот принцип «уравнительного землевладения», о котором Сун Ят-сен говорил, что «эта форма принципа «Мин-Шенга» и есть коммунизм... Великая цель принципа благоденствия и есть коммунизм, т. е. доля собственности для всех»¹ (стр. 434).

Сун Ят-сен тут же добавлял, что «тот коммунизм, который мы предлагаем, есть

¹ Вот что писал об этом Ленин: «Разница между стоимостью земли в крестьянском захолустье и в Шанхае есть разница в величине ренты. Стоимость земли есть капитализированная рента. Сделать так, чтобы «приращение стоимости» земли было «собственностью народа», значит передать ренту, т. е. собственность на землю, государству или иначе: национализировать землю» (Т. XVI, стр. 30).

коммунизм будущего, а не настоящего. Этот коммунизм будущего является очень справедливым предложением, и те, кто владел собственностью в прошлом, никоим образом не пострадают от него. Это совсем иная вещь, чем то, что называется национализацией собственности или конфискацией в пользу государства частной собственности, которой люди уже владеют» (стр. 435).

Какова же конечная цель суньтсеновского плана «разрешения» аграрной проблемы? К какому идеалу стремился Сун Ят-сен? Ответ: «Потом, когда принцип «Мин-Шенг» целиком будет реализован и все проблемы крестьянства будут разрешены, каждый, кто обрабатывает землю, будет владеть собственными полями — вот конечная цель наших стремлений» (стр. 456).

Таким образом аграрная программа Сун Ят-сена, сводившаяся к «уравнению земли» и «регулированию капитала», означала ту ограниченную национализацию земли, которая допускалась рамками капитализма и которая сохраняла в общем частную собственность на землю.

Наряду с уравнительным землевладением в качестве «коммунизма будущего» Сун Ят-сен предлагал еще план индустриализации Китая, который должен был «превратить все отрасли китайской промышленности в один большой трест, принадлежащий китайскому народу и финансируемый интернациональным капиталом в обоюдных интересах».

Вся эта утопическая идиллия завершилась следующим: «Я предлагаю, чтобы прибыль от промышленного развития Китая прежде всего шла на уплату суммы и процентов иностранного капитала, вложенного в предприятия, во-вторых, на увеличение зарплаты рабочих и, в-третьих, на улучшение техники производства. Остаток прибыли должен отойти к народу в форме понижения цен на все удобства и общественные нужды. Таким образом все будут наслаждаться благами современной цивилизации» (стр. 228).

3

Программа Коминтерна, развивая положения Ленина о суньтсенизме, следующим

образом характеризовала его классовую сущность:

«Суньтсенизм в Китае является идеологией мелкобуржуазного народнического «социализма». В учении о «грех принципах» (национализм, демократия, «социализм») понятие народа покрывало и скрывало понятие классов, социализм представлялся не специфическим и особым способом производства, осуществляемым особым классовым носителем — пролетариатом, а неопределенным общественным благосостоянием; борьба с империализмом не была связана с перспективами развития классовой борьбы внутри страны. Поэтому суньтсенизм, сыграв на первой стадии китайской революции огромную положительную роль, в результате дальнейшей классовой дифференциации в стране и дальнейшего хода китайской революции из идеологической формы ее развития превратился в оковы этого развития. Эпигоны суньтсенизма, всемерно раздувая как раз те его идеологические черты, которые стали обективно реакционными, превратили его тем самым в официальную идеологию Гоминдана, ставшего открытой контрреволюционной силой».

Как идеология мелкобуржуазного народнического «социализма» суньтсенизм представляет собой смешение буржуазного либерализма с демократизмом в специфических условиях полуколониального Китая, на определенном этапе развития революции, когда пролетариат еще очень слаб и еще не выступает как класс-гегемон в начинаящейся буржуазно-демократической революции, а аграрная революция еще не стала основным звеном буржуазно-демократической революции.

Существование СССР, всеобщий кризис капитализма, наступившая эпоха пролетарских революций — факторы, обусловившие ускоренные темпы взрыва суньтсенизма, выступавшего на первых этапах китайской революции в качестве выразителя идей революционно-демократического крыла национальной буржуазии от имени об'единенного общнационального и антиимпериалистического фронта.

Об'ективные исторические условия Китая требовали буржуазно-демократической революции, основным содержанием которой в условиях полуфеодального и империалистического гнета является единство аграрной и антиимпериалистической революции.

В этом определении характера китайской революции даны: 1) революционные возможности и пределы об'ективной революционности сунятсенизма на первом этапе китайской революции; 2) контрреволюционные «возможности», т. е. исторически неизбежная эволюция сунятсенизма к контрреволюции и неизбежное исчертание, неизбежная смерть революционного сунятсенизма.

На определенном историческом этапе он был выразителем общенациональной освободительной борьбы против империализма, он был революционен, и его нужно было, как умел Ленин, поддержать и использовать для возможно быстрого и возможно полного поднятия крестьянского движения и для организации сил пролетариата.

Ведущим звеном в китайской революции на первом ее этапе была борьба против империализма. Руководство этой борьбой на том этапе было еще в руках национально-демократического крыла буржуазии. Идеологическим выразителем этой борьбы был сунятсенизм. Об'ективно историческим содержанием сунятсенизма была буржуазно-демократическая революция. Идеологической формой этого содержания был мелкобуржуазный народнический «социализм» Сун Ят-сена. Несмотря на все его утопические фразы, он являлся не чем иным, как своеобразным суб'ективным выражением исторически назревших стремлений китайской буржуазии к свободному капиталистическому развитию Китая. Но это развитие шло при исключительно быстром назревании аграрной революции под тегемонией пролетариата в самом Китае, при наличии СССР, при углублении всеобщего кризиса капитализма.

Сун Ят-сен свою цель излагал следующим образом:

«Вкратце моя идея сводится к следующему — заставить капитализм создать в Китае социализм, с тем чтобы эти две экономических силы человеческой эволюции могли работать бок о бок для будущей цивилизации».

Таково действительно классическое выражение этого смешения буржуазного либерализма с демократизмом. Отсюда с неизбежностью и вытекали взрыв и распад сунятсенизма на его основные взаимоисключающие, антагонистические составные части: 1) единственный последовательный революционно-демократический организатор, руководитель и завершитель буржуазно-демо-

кратической революции в Китае — пролетариат как тегемон революции в союзе с крестьянством; 2) буржуазный «национально-реформизм» в виде блока либеральной и компрадорской буржуазии, помещиков, милитаристов и империалистов.

Этот распад и взрыв сунятсенизма были завершены в 1927 г. при необычайно сильном столкновении основных антагонистических классов после конкретного опыта единого общенационального и антиимпериалистического фронта. Сунятсенизм распался, когда молодой, но обогащенный концепцией и опытом классовой борьбы пролетариат создал свою китайскую коммунистическую партию, под руководством которой об'единились боевые пролетарские отряды и двинулась в бой крестьянская целина основных центральных и южных районов Китая.

После того как этот процесс завершился (не пассивно, «естественным» образом, а под давлением революционных событий и классовых боев, в результате активной тактики и стратегии Коминтерна), сунятсенизм как об'ективно революционная идеология скончался. Чанкайшистские, гоминдановские преемники сунятсенизма наследовали только его самую реакционную буржуазную сторону. С этого момента сунятсенизм стал притягательной силой для всех реакционнейших классовых сил Китая. Революционное знамя антифеодальной, антиимпериалистической революции в Китае окончательно и бесповоротно перешло в руки пролетариата.

Что же касается мелкой буржуазии и ее роли в китайской революции, то, во-первых, последующий ход истории в Китае наглядно доказал, что революционные возможности мелкой буржуазии в условиях полуколониального Китая далеко еще не исчерпаны. Ни империализм, ни гоминдановский режим не сулят мелкобуржуазным массам и интеллигенции Китая ничего кроме разорения. Опыт советского Китая и рост влияния и сил компартии в гоминдановском Китае не только среди рабочих и крестьян, но и среди мелкой буржуазии достаточно убедительны; во-вторых, мелкая буржуазия, которая до 1927 г., несомненно, играла важную роль в рядах сунятсенизма, ни тогда, ни теперь не имеет и не может иметь своей самостоятельной политической линии или программы для китайской революции. Пока пролетариат еще не выступал как тегемон в китайской революции, мелкая буржуазия неизбежно играла руковод-

дящую роль. Но после того как выкристаллизовались два основных классовых лагеря в китайской революции (лагерь революции и лагерь империализма и контрреволюции), мелкая буржуазия брошена в историческую реторту, где она позиционируется между пролетариатом и буржуазией. Ее позиция не-последовательна, шатка, неустойчива. Но ее революционные возможности в Китае еще не исчерпаны.

Итак, Ленин не только не отрицал, но, наоборот, подчеркивал революционность суньтсенизма на определенном историческом этапе китайской революции. Эта его революционность заключалась не в утопически «социалистической» оболочке, в которую он облекал свою «чисто капиталистическую, максимально-капиталистическую аграрную программу» (Ленин). Наоборот, эта оболочка и была реакционной, замазывавшей классовую сущность суньтсенизма¹. Но этот капиталистический дефективный подросток уже видел тень пролетариата, он видел перед собою пример России, он чуял ход событий на Западе. Поэтому-то его идеолог Сун Ят-сен и говорил:

«Я решил наряду с принципом национализма и народовластия поставить также принцип народного благодеяния, дабы предотвратить (дословно «заткнуть») источник экономической революции»².

Чан Кай-ши пытался «заткнуть» источник экономической революции пятью военными походами с сотнями тысяч штыков, направленных против советского Китая. Но не помогло. Историю не обманешь, классовую борьбу не обойдешь, не «заткнешь».

Поскольку суньтсенизм боролся против империалистических угнетателей Китая, поскольку он давал возможность на первом этапе революции собирать и организовывать силы молодого и тогда еще неопытного пролетариата и поднимать крестьянские массы, поскольку суньтсенизм был революционен, и мы, критикуя его с самого начала, использовали его.

¹ Как и «социалистическая» оболочка русского народничества. Ленин писал, что теория Сун Ят-сена «есть теория мелкобуржуазного «социалиста»—реакционера» (Т. XVI, стр. 29).

² Цитировано с китайского в статье Т. Карапурзы в «Проблемах Китая» № 3, стр. 184.

Поскольку суньтсенизм перестал бороться против империализма и феодализма (вернее, исчерпал свои исторически ограниченные революционные потенции) и начал «стоять за свой буржуазный национализм», мы включились в беспощадную борьбу против него.

Все основные ошибки китайской компартии в период 1925—1927 гг., вся борьба контрреволюционного троцкизма против Коминтерна и ВКП(б) по китайскому вопросу вытекали из непонимания этого основного положения, определившего всю тактику Коминтерна в китайской революции.

Суньтсенизм как идеология, имевшая свои глубокие корни в конкретной экономической и социально-политической деятельности Китая и господствовавшая в течение всего того периода китайской революции, когда пролетариат еще не был крупной самостоятельной силой, имел сильнейшее влияние на известную часть мелкобуржуазной интеллигенции, примкнувшей к компартии и даже бывшей в ее руководстве (Чен Ду-сю, Тан Пин-сян и др.).

Однако молодая, подрастающая компартия Китая быстро преодолела все отрыжки суньтсенизма и стала одним из лучших отрядов Коминтерна.

Этому способствовали, с одной стороны, необычайно быстрый ход событий, могучее обострение классовой борьбы (образование двух миров: Китая советского и Китая белого) и мощная боевая насыщенность революционной атмосферы в Китае.

Марксистско-ленинская стратегия и тактика Коминтерна в китайской революции, беспощадная борьба на два фронта внутри КПК, разгром чендусюизма и контрреволюционного троцкизма — вот основные факторы того, что китайскому пролетариату и компартии удалось завоевать и повести за собой многомиллионные массы крестьянства, осуществить с оружием в руках революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства на $\frac{1}{3}$ части Китая, создать там советское государство, отбить б походов контрреволюционного Гоминдана и стать не только грозным призраком мировой революции, который бродит по Азии, но подлинно грандиозной реальной мировой силой.

ЛЕНИН ОБ АМЕРИКАНСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Подобно Марксу и Энгельсу Ленин уделяет исключительно большое внимание проблемам развития САСШ и американского рабочего движения. У Ленина можно найти целый ряд ценных работ и отдельных высказываний по вопросам развития капитализма в земледелии в САСШ, об отличительных чертах развития американского рабочего движения, об американском империализме, о пресловутой американской демократии, об иммиграции, о войне и расколе революционного движения в САСШ, о компартии и т. д.

Среди крупных работ Ленина по вопросам Америки мы находим такие труды, как «Капитализм в земледелии в Соединенных штатах Америки». Ленина интересовало выяснение причин отсталости рабочего движения САСШ, его долголетней аполитичности, причин, которые привели к тому, что «ни в Англии, ни в Америке пролетариат в последней трети XIX века не проявлял почти никакой политической самостоятельности; политическая арена в этих странах — при почти абсолютном отсутствии буржуазно-демократических задач — была в сущности заполнена торжествующей, самодовольной буржуазией, которая по искусству обманывать, разворачивать и подкупать рабочих не имела себе равной на свете»¹.

Ленин интересовался Америкой также и потому, что в «американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция — война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке»².

На основании изучения развития капитализма в земледелии САСШ Ленин разбиз все антимарксистские аграрные «теории» Гиммера, Маслова и др.

Особенности развития капитализма в САСШ, американские темпы и деловитость не могли не привлечь внимания вождей международного пролетариата. Тов. Сталин в своих работах и высказываниях уделяет этим вопросам много места. Говоря о стиле в работе, т. Сталин писал: «Соединение русского революционного размаха с американской деловитостью — в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе»³.

Ленин и Сталин в ряде своих работ вскрывают особенности развития американского капитализма. САСШ прежде всего такая капиталистическая страна, в которой капиталистические преобразования произведены были революционным путем. Успешная гражданская война Севера против рабовладельческого Юга «привела к свержению рабовладельцев и открыла дорогу широкому и свободному развитию капитализма»⁴. Ликвидация рабства, раздача гомстэдов, быстрая колонизация Запада представляли собой решительный разрыв с докапиталистическими отношениями. Этот путь буржуазных преобразований в САСШ, названный Лениным американским путем, явился одной из важнейших предпосылок исключительно быстрого развития производительных сил страны. В этом отношении САСШ представляют собой максимум того, что при наиболее благоприятных условиях может дать капитализм.

В течение сравнительно короткого исторического периода САСШ из колониальной страны превращаются в мощную капиталистическую страну, обгоняя все остальные капиталистические страны. Наличие свободных земель также расширяло базу для развития капитализма. Использование американским капитализмом с первых же его шагов сравнительно высокой техники Европы и дальнейшее быстрое усовершенствование ее, подогненное относительным недостатком и дороговизной рабочих рук, способствовали быстрому накоплению богатств и полнокровию молодого американского капитализма. Америка, как писал Ленин, «во многих отношениях образец и идеал нашей буржуазной цивилизации»⁵.

¹ Ленин. Т. XI, стр. 74.
² Ленин. Т. XXIII, стр. 184.

³ Стalin. «Вопросы ленинизма», стр. 75.
⁴ Изд. 1933.
⁵ Ленин. Т. XI, стр. 348.
⁶ Ленин. Т. XVII, стр. 575.

Но в то же время САСШ — страна наиболее глубоких и острых противоречий, страна, в которой основное противоречие капиталистической системы — противоречие между обобществленным производством и частным присвоением — выступает с особенной силой. Америка — страна наиболее глубоких экономических депрессий и кризисов. И сейчас, когда мировой экономический кризис поразил весь капиталистический мир, он особенно тяжело протекал в этой классической стране трестов и господства финансовой олигархии. Кризис, как указал т. Сталин на XVI съезде партии, «сильнее всего поразил главную страну капитализма, его цитадель, САСШ, сосредоточивающую в своих руках не менее половины всего производства и потребления всех стран мира».

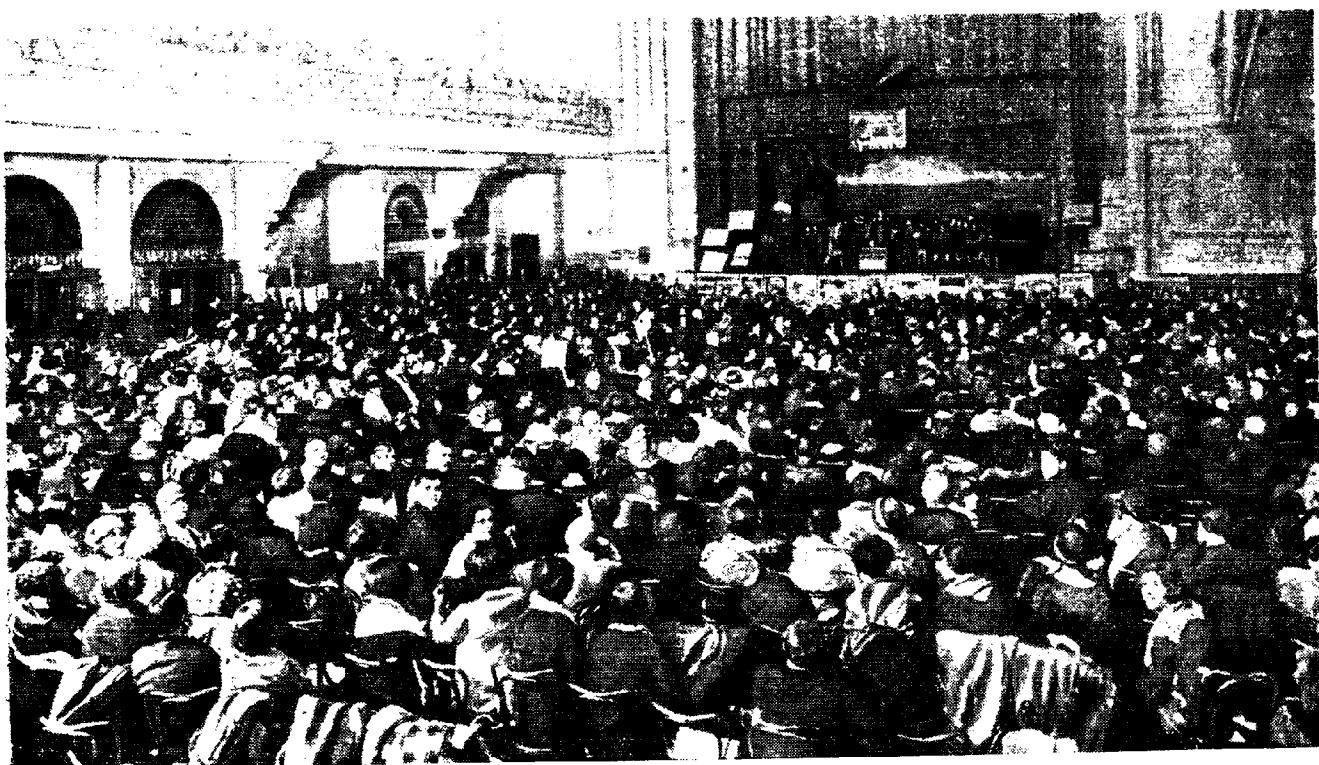
В САСШ сильнее чем в других капиталистических странах выступают стороны загнивания и паразитизма, свойственные монополистическому капитализму. Уже в 1916 г. Ленин по этому поводу писал: «В Соединенных штатах экономическое развитие за последнее десятилетие шло еще быстрее, чем в Германии, и как раз благодаря этому паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко»¹.

¹ Ленин. Т. XIX, стр. 172.

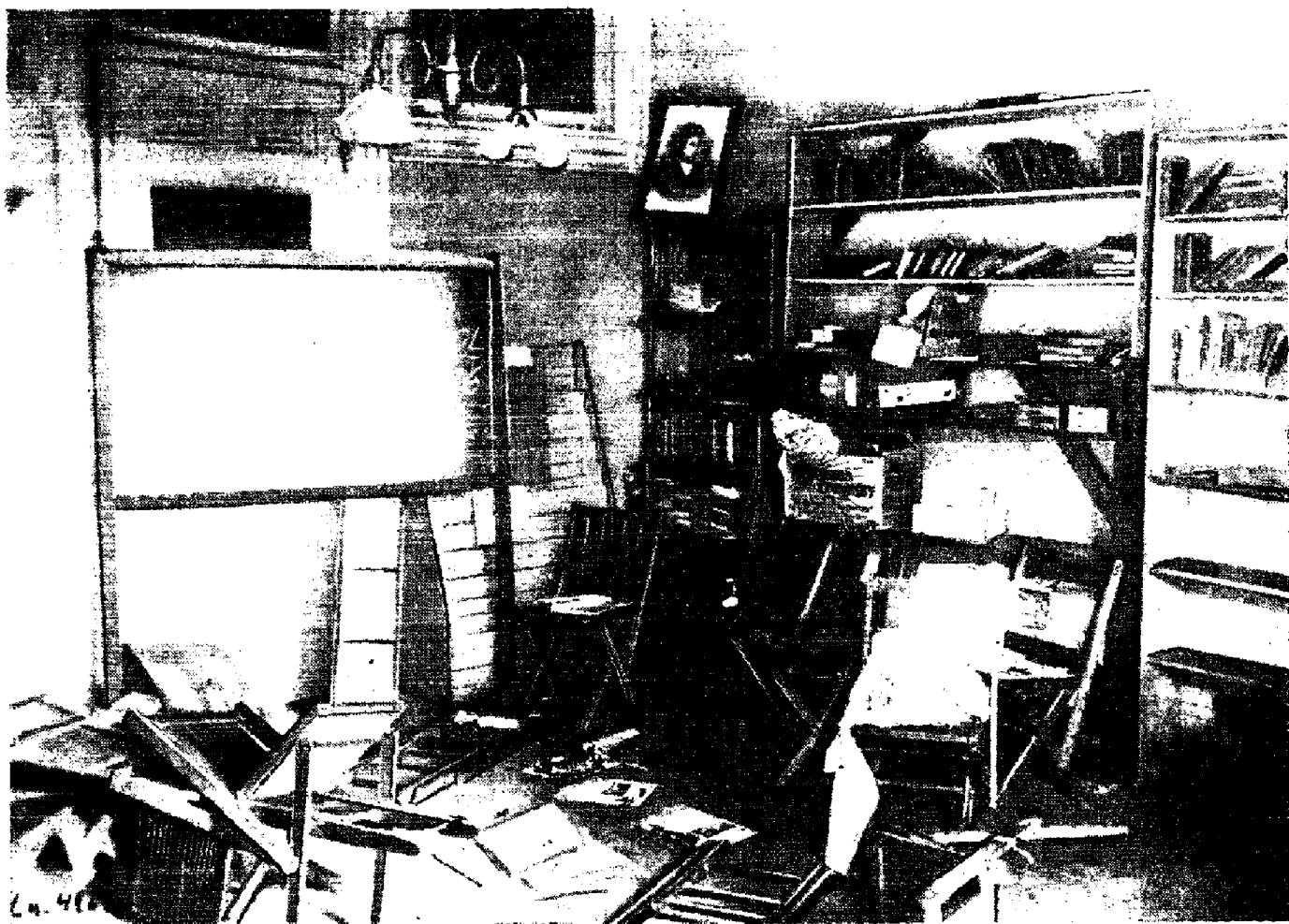
Исключительная быстрота развития американского капитализма, колоссальный рост его производственных возможностей и производственного аппарата, еще более ускоренные империалистической войной, привели не только к обострению его внутренних противоречий, но и поставили его в резко враждебное отношение к другим капиталистическим странам. Анализируя империалистические противоречия, ведущие к новой империалистической войне, Ленин неоднократно подчеркивал остроту противоречий между САСШ и Японией. В 1920 г. он писал: «Война готовится между ними. Они не могут мирно ужиться на побережьях Тихого океана, хотя эти побережья разделяют 3 000 верст». Подчеркивая то обстоятельство, что экономически сравнительно слабая Япония обладает колоссальным количеством колоний, в то время как во много раз более богатая Америка не имеет никаких колоний, Ленин заключает: «Смешно думать, что капитализм более крепкий не отнимет у капитализма более слабого всего награбленного последним»². Ленин указывал также и на другое, не менее крупное противоречие между САСШ и европейскими державами, в особенности между САСШ и Великобританией.

Борьба между САСШ и Великобританией

² Ленин. Т. XXV, стр. 501, 502.

Собрание, организованное комитетом помощи бастующим пеннсильянским горнякам. САСШ. 1927 г.

Рабочая школа компартии в Лос-Анжелосе, разгромленная полицией накануне президентских выборов в 1928 г.

в послевоенный период благодаря все углубляющемуся мировому кризису капитализма все более и более обостряется. Борьба эта в настоящий период занимает одно из центральных мест в мировой политике.

Все эти особенности американского империализма не могли не сказаться на развитии классовых отношений в стране. Они обусловили и особый характер буржуазной демократии САСШ, ссылаясь на которую оппортунисты всех стран разрабатывали специальные «теории» о врастании в социализм для опровержения учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Эти особенности американского капитализма обусловили силу оппортунизма и ряд характерных черт в развитии американского рабочего движения. Изучение Америки и американского рабочего движения, изучение всего того, что по этим вопросам оказано Лениным, представляет для нас исключительный интерес. Изучение этого необходимо каждому, кто интересуется судьбами международного рабочего движения.

В настоящей статье мы ограничимся разбором лишь некоторых основных вопросов,

затронутых в работах Ленина в связи с историей классовой борьбы американского пролетариата.

Ленин о буржуазной демократии САСШ

В работах Ленина дается развернутая характеристика американской буржуазной демократии. Социал-фашисты САСШ, следуя по стопам Каутского, и в настоящее время продолжают ссылаться на известные высказывания Маркса и Энгельса об американской демократии, пытаясь всячески доказать возможность в такой стране, как САСШ, мирного врастания буржуазной демократии в демократию пролетарскую. Об этом пишут Хилквит, Томас и др. Изучение всех высказываний Ленина и Сталина по вопросам американской буржуазной демократии сделает возможным более успешную работу по разоблачению фальсификации марксизма. Ленин в своей работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» разбивает всю аргументацию идеолога социал-фашистов Каутского по вопросам буржуазной демократии, утверждающую, что

насильственная революция пролетариата не является обязательным движением к социализму, что возможен мирный переход от капитализма к социализму. Высказываясь по этому вопросу, т. Сталин говорил: «Ограничение или исключение, допущенное Марксом для Англии и Америки, имело свои основания, пока не было развитого империализма и развитой бюрократии в этих странах. Это ограничение отпало, по мнению Ленина, в новых условиях монополистического капитализма, когда милитаризм и бюрократия развились в Англии и Америке не меньше, если не больше, чем в странах европейского континента.

Поэтому насильственная революция пролетариата, диктатура пролетариата, является неизбежным и обязательным условием движения к социализму во всех без исключения империалистических государствах.

Поэтому оппортунисты всех стран, цепляясь за допущенное Марксом условно ограничение и ратуя против диктатуры пролетариата, защищают не марксизм, а свое собственное оппортунистическое дело.

Ленин пришел к этому выводу, потому что он умел различать между буквой марксизма и сущностью марксизма, он рассматривал марксизм не как догму, а как руководство к действию¹.

Что в действительности представляет собой американская буржуазная демократия? Не что иное, как диктатуру буржуазии, диктатуру финансовой олигархии, контролирующую государственную власть в стране. «В Америке, — писал Ленин, — все национальное богатство исчисляется теперь в 120 миллиардов (тысяч миллионов) долларов, т. е. около 240 миллиардов рублей. Из них около трети, около 80 миллиардов рублей, принадлежит двум трестам, Рокфеллеру и Моргану, или подчинено этим трестам. Не больше 40.000 семей, составляющих эти два треста, — владыки 80 миллионов наемных рабов.

Понятно, что при наличии этих современных рабовладельцев все «реформы» — полный обман².

Вот что представляет собой американская буржуазная демократия.

Но тактика американской буржуазии чрезвычайно гибка, включая в себя и методы кнута и пряника. Ленин уделял особое внимание так называемому реформиз-

¹ Сталин «Об оппозиции», стр. 383. Изд. 1928.

² Ленин «Итоги и значение президентских выборов». Т. XVI, стр. 191.

му американской буржуазии, который является одним из методов борьбы против социалистической революции. Он писал: «Вместо открытой принципиальной борьбы со всеми положениями социализма во имя полной неприкосновенности частной собственности и свободы конкуренции — буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает в защиту так называемых социальных реформ против идеи социальной революции»³.

И далее, подведя итоги выборов 1912 г., когда прогрессивная партия выставила Рузвельта кандидатом в президенты САСШ. Ленин писал: «Вся программа, вся агитация Рузвельта и «прогрессистов» ведется вокруг того, как бы спасти капитализм посредством... буржуазных реформ.

Тот буржуазный реформизм, который в старой Европе выступает как болтовня либеральных профессоров, — этот буржуазный реформизм выступил в свободной американской республике сразу, как 4-миллионная партия. Это по-американски...»⁴.

Ленин о рабочем движении САСШ

Особенности развития капитализма и буржуазной демократии в САСШ не могли не оказать влияния на развитие рабочего движения. Наличие фонда свободных земель в Америке, который был исчерпан лишь в 90-х годах, служило клапаном, дающим выход городскому населению. В то время как европейские рабочие вынуждены были с самого начала вести упорную борьбу, чтобы улучшить свое положение, американские рабочие в случае недовольства условиями в промышленности могли свободно уйти на Запад, осесть на землю и превратиться в фермеров. Это обстоятельство явилось известным тормозом в деле развития классовой сознательности пролетариата. Далее, быстрый рост американского капитализма и чудовищный рост богатств, тот факт, что «Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил, человеческого об'единения труда, по применению машин и всех чудес новой техники»⁵, дали возможность американской буржуазии разложить верхушку рабочего класса и через посредство этой верхушки оказывать соот-

³ Ленин «Реформизм в русской социал-демократии». Т. XV, стр. 207.

⁴ Ленин Т. XVI, стр. 191.

⁵ Ленин «Письмо американским рабочим». Т. XIII.

Бездомные

Рис. американского художника К. Майнора.

ветствующее влияние на широкую массу трудящихся, «вечно живущих на границе нищеты». Буржуазия использовала также поток иммиграции, чтобы внести раскол в ряды рабочего движения. Она натравливала рабочих одной нации на рабочих другой, белых против негров, коренных рабочих против «иностраницев» и т. д. Кроме всего этого рабочему классу САСШ не приходи-

лось подобно европейским рабочим вести борьбу за избирательные права и свободы, которые возможны в рамках буржуазной демократии. Все это дало возможность американской буржуазии и ее «рабочим лейтенантам» поддерживать мелкобуржуазные иллюзии среди широких масс трудящихся и тормозить возникновение самостоятельной партии пролетариата.

В своем предисловии к письмам Маркса и Энгельса к Зорге Ленин останавливается на основных чертах развития американского рабочего движения. Известно, что Маркс и Энгельс различали два типа рабочего движения в зависимости от своеобразия капиталистического развития: англо-американский и немецкий. Основываясь на этом разделении, Ленин писал: «В англо-американском социализме Маркс и Энгельс резче критикуют его оторванность от рабочего движения. Красной нитью через все их многочисленные отзывы о «С.-Д. федерации» в Англии и об американских социалистах проходит обвинение в том, что они превратили марксизм в догму, в «окаменелую ортодоксию», что они видят в нем «символ веры, а не руководство к действию», что они не умеют приладиться к изущему около них, теоретически беспомощному, но живому, массовому, могучему рабочему движению... Эти черты — отсутствие сколько-нибудь крупных, общенациональных, демократических задач перед пролетариатом; полное подчинение пролетариата бур-

жуазной политике; сектантская оторванность кучек, горсток социалистов от пролетариата; ни малейшего успеха социалистов на выборах, перед рабочими массами и т. д.»¹.

Исходя из этого, Ленин считал совершенно правильными советы Маркса и Энгельса американским социалистам, советы, которые в основном указывали на необходимость «слиться с рабочим движением, вытравить из своих организаций узкий и заскорузлый сектантский дух»².

Эти указания Ленина все еще применимы и к современному состоянию революционного рабочего движения в САСШ. Ибо компартия САСШ и революционные профсоюзы еще до сих пор далеко не излечились от своей основной болезни — от сектантства и сектантских методов работы.

Тов. Сталин в своей беседе с американской рабочей делегацией также говорил «о слабости американского пролетариата, о слабости его орудий борьбы с капиталистами в экономической области»³.

Ленин следил за каждым шагом вперед, сделанным американским рабочим классом. Ибо он считал, что «американские революционные пролетарии призваны именно теперь сыграть особенно важную роль как непримиримые враги американского империализма, — самого свежего, самого сильного, самого последнего по участию в всемирной бойне народов из-за дележа прибылей капиталистов»⁴.

Демократия, указывал Ленин, не отменяет классовой борьбы, а делает ее широкой, открытой, сознательной. Анализируя выборы 1912 г., Ленин считал основной причиной кризиса буржуазных партий рост рабочего движения.

И в том же году в статье «Успехи американских рабочих» Ленин, давая оценку росту тиража американской социалистической газеты «Призыв к разуму», писал:

«Эта цифра — миллион экземпляров социалистической газеты, которую бесстыдно травят и преследуют американские суды и которая растет и крепнет под огнем преследований, — показывает нагляднее, чем длинные рассуждения, какой переворот близится в Америке»⁵.

¹ Ленин. «Предисловие к письмам к Зорге» Т. XI, стр. 166—168.

² Ленин. Т. XI, стр. 174.

³ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 371 — 372. 4-е изд. 1931.

⁴ Ленин. Т. XXIII, стр. 178.

⁵ Ленин. Т. XVI, стр. 148.

Бастующие меховщики в цинковых шлемах для защиты от побоев полицейских. 1927 г.

Демонстрация безработных в Чикаго под лозунгом «Работы или хлеба».

В другой статье, «4.000 рублей в год и 6-часовой рабочий день», написанной в 1914 г., Ленин показывает, что в САСШ 15 миллионов рабочих семейств «производят ежегодно предметов потребления на 60 миллиардов», но что «при капиталистическом общественном устройстве только 30 тысяч миллионов достается рабочим, которые составляют девять десятых населения». Поэтому Ленин считает совершенно правильным требование американских рабочих шестичасового рабочего дня и 4 тыс. руб. в год дохода.

«Американский рабочий класс, — писал Ленин, — быстро просвещается и сплачивается в могучую пролетарскую партию. Сочувствие к ней растет среди всех трудящихся. Работая при помощи превосходных машин, видя на каждом шагу чудеса техники и великолепные успехи труда от организации крупного производства, наемные рабы Америки начинают ясно сознавать свои задачи и ставить простые, очевидные, ближайшие требования: достигнуть 4 000

рублей дохода каждой рабочей семье и 6-часового рабочего дня»¹.

Особенный интерес представляют высказывания Ленина по вопросам рабочего движения САСШ в период империалистической войны.

Война, крах II интернационала и в особенности Октябрьская революция оказали сильное влияние на дальнейшее развитие рабочего и социалистического движения САСШ. В период войны и в послевоенные годы Ленин ведет переговоры с левыми элементами рабочего движения САСШ и своими советами оказывает большое влияние в деле собирания марксистско-революционных элементов для создания компартии САСШ. Под руководством Ленина происходит в дальнейшем также и об'единение всех коммунистических группировок в единую компартию САСШ.

Что же происходило в рядах рабочего и социалистического движения САСШ в период войны?

¹ Ленин. Т. XVII, стр. 177—178.

Часть вождей СП: Спарго, Воллинг, Россель, Инглиш и др., совместно с Гомперцом—образовала «Лигу свободы и демократии», которая стала попросту правительственной организацией для целей патриотической пропаганды. Другая часть официального руководства СП во главе с Моррисом Хилквитом, несмотря на решение конференции партии в Сан-Луи в апреле 1917 г., требующее «борьбы» с войной всеми и всяческими средствами (решение это было принято под давлением масс), отказывалась от активной борьбы против войны, саботировала решение конференции и продолжала занимать свою старую, оппортунистическую позицию.

Моррис Хилквит, о котором Ленин в 1915 г. писал, что он «будет за Каутского и даже правее его»¹, осенью 1917 г., когда партия выставила его кандидатуру на пост мэра Нью-Йорка, вел энергичную кампанию за участие в войне, для того чтобы продиктовать «справедливые условия мира».

Что касается социалистической рабочей партии, то она, верная своей сектантской линии, отказалась выступить активным борцом против империалистической войны. Ли-

¹ Лен. сб. II. Письмо к Коллонтай от 9 ноября 1915 г., стр. 253—254.

Женщины требуют не благотворительности, а страхования от безработицы. 1931 г.

ния руководства партии сводилась к тому, что война партии «не касается» и необходимо попрежнему вести социалистическую пропаганду. Руководство партии скатилось на позиции легализма и нацифизма, которые не могли удовлетворить лучшие элементы в партии. Последние постепенно переходили в ряды левого крыла СП, а затем и в компартию.

Целый ряд писем Ленина (письмо Лиге социалистической пропаганды, письма к Коллонтай и др.) совершенно ясно показывает, что Ленин сыграл громадную роль в собирании сил революционного крыла СП для построения коммунистической партии САСШ. Ленин отлично разбирался в том человеческом материале, с которым пришлось работать. Он например высоко ценил в Дебсе его боевой темперамент и выступления против войны, но это не мешало ему видеть действительную сущность Дебса. «А что такое Eugéne Debs? — писал Ленин Коллонтай в ноябре 1915 г.². — Пишет он иногда революционно. Или тоже тряпка а ля Каутский?» И действительно, Дебс впоследствии оказался «тряпкой а ля Каутский». После Октябрьской революции Дебс вначале об'явил себя сторонником революции, но с развитием гражданской войны и с возникновением КИ Дебс перешел в лагерь социал-предателей.

Ленин совершенно конкретно указывал, кого мы должны вербовать для построения революционной партии. В письме от 9 ноября 1915 г. к Коллонтай Ленин писал: «Если в Америке есть люди, боящиеся даже Циммервальдского манифеста, то вы на них плоньте, а подбирайте только тех, кто левее Циммервальдского манифеста»³. Революционным элементам САСШ Ленин указывал на необходимость окончательно отмежеваться от социал-шовинистов и центристов. «Вы говорите, — писал Ленин Лиге социалистической пропаганды, — что в Америке есть такие социалисты, которые высказываются в пользу оборонительной войны. Мы убеждены, что союз с этими людьми — преступление. Это союз с национальным средним классом и капиталистами и разрыв с международным революционным рабочим классом. А мы стоим за разрыв с националистическими соглашателями и за союз с международными революционными марксистами и партиями рабочего класса»⁴.

² Лен. сб. II, стр. 253—254.

³ Лен. сб. II, стр. 254.

⁴ Ленин. Т. XVIII, стр. 330.

Забастовка выиграна!

Этот ответ Ленина не остался на бумаге: ЛСР и затем левое крыло СП полностью провели его в жизнь.

Ленин и компартия САСШ

Октябрьская революция и дальнейшее развертывание событий в Советской России и в Центральной Европе оказали большое влияние на развитие революционного движения в САСШ. В 1918 г. оформилось организационно левое крыло в СП, которое вело непримиримую борьбу против оппортунистического руководства СП. В 1919 г. в САСШ были организованы две коммунистических партий: коммунистическая и коммунистическая рабочая партия. Под непосредственным руководством Ленина обе партии окончательно об'единились в декабре 1921 г. в коммунистическую партию. Рост революционного движения в САСШ в годы 1919—1921 вызвал сильные репрессии со стороны правительства. Правительство направило свой главный удар против коммунистов и их организаций. Это преследование и высылка революционеров из САСШ совершенно ясно говорили о мировом значении и влиянии большевизма. Ленин писал: «Большевизм приобрел мировое значение».

Это видно из того, что самые передовые буржуазные демократы, так кичащиеся своей свободой, принимают репрессивные меры против большевиков. Богатейшая буржуазная республика САСШ, с ее стомиллионным населением, спешит выслать из своих пределов несколько сот русских большевиков, в большинстве своем не владеющих даже английским языком¹.

Но все репрессивные меры правительства, направленные против компартии, не могли приостановить роста революционного движения в этот период. Массовые стачки росли. В них были втянуты сотни тысяч пролетариев: горняков, железнодорожников, металлистов и т. д. Симпатии к Советскому союзу среди рабочих росли. Это видно хотя бы из того, что рабочие САСШ чрезвычайно горячо откликнулись на призыв о помощи Советской республике в годы гражданской войны.

В знаменитой всеобщей забастовке в Сеаттле (штат Вашингтон), в 1919 г., рабочие организовали совет, который в течение 7 дней фактически контролировал всю

¹ Ленин. Речь из митинга в Народном доме в Петрограде 13 марта 1919 г. Т. XXIV, стр. 49.

жизнь города. Эта всеобщая забастовка возникла в связи с отказом докеров грузить военное снаряжение, направляемое против Советской республики.

Компартия САСШ в течение многих лет чрезвычайно болезненно изживала свои социал-демократические пережитки и в особенности сектантство и оторванность от масс. Развитие партии тормозилось многолетней фракционной борьбой. Исторические условия, при которых создавалась и развивалась компартия САСШ: наличие самого мощного капитализма, сочетавшегося с самым слабо организованным рабочим движением, неоднородность по своему национальному составу рабочего класса, деление пролетариата на белых и черных, общий социальный состав партии без преобладания коренных промышленных рабочих в ее рядах и в ее руководстве, цеховщина и иммигрантщина и т. д.—все это создавало почву для проникновения в ряды компартии элементов оппортунизма, все это содействовало созданию групп и групповых традиций в партии, мешало партии и ее руково-

водству сокнуться с широкими массами пролетариата.

Ленин неустанно указывал компартии САСШ на необходимость кропотливой работы в массовых организациях пролетариата. Он указывал, что «борьба с Гомперсами, Хендersonами, господами Жуо, Меррнеймами, Легинами и К° в Западной Европе гораздо труднее, чем борьба с нашими меньшевиками, которые представляют собой решенно однородный социальный и политический тип», но настаивал, что «этую борьбу надо вести беспощадно и обязательно довести ее, как довели ее мы, до полного опозорения и изгнания из профсоюзов всех несправедливых вождей оппортунизма и социал-шовинизма»¹.

Непосредственная помощь и советы Ленина помогли компартии САСШ сделать первые шаги по пути большевизации: выработать правильные и организационные и тактические принципы, борьбу за реализацию которых партия успешно продолжает и сейчас.

¹ Ленин «Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Т. XXV, стр. 197.

Антифашистская демонстрация в Нью-Йорке. 1933 г.

ЛЕНИНСКОЕ ОПЕРАТИВНОЕ РУКОВОДСТВО

В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

...бери эти оружия смерти и разрушения, не слушай сентиментальных нытиков, боящихся войны, на свете еще слишком много осталось такого, что должно быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса» (Ленин «Крах II интернационала». Т. XIII, 1915).

1

Часть из того, что «должно быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса», было героически сметено и уничтожено Красной армией в годы гражданской войны.

Вооруженные силы контрреволюции на многочисленных фронтах были разгромлены и отброшены прочь от пределов молодой страны диктатуры пролетариата.

Краснов, Каледин, Юденич, Колчак, Деникин, Врангель, печально знаменитые фигуры интервенции, герои походов Антанты, разбиты несокрушимой мощью военного союза рабочего класса и трудового крестьянства под руководством Ленина и его партии.

Тов. Сталин в своей речи на торжественном заседании Моссовета 25 февраля 1928 года, посвященном 10-й годовщине создания Красной армии, говорил: «Партия гордится, что ей удалось создать первую в мире Красную армию, в величайших битвах отстаивавшую и отстоявшую свободу рабочих и крестьян. Партия гордится, что Красной армии удалось с честью пройти тяжелый путь жесточайших боев с внутренними и внешними врагами рабочего класса и крестьянства нашей страны, что ей удалось оформиться в величайшую боевую революционную силу на страх врагам рабочего класса, на радость всем угне-

генным, всем порабощенным. Партия гордится, что Красная армия, пройдя долгий путь освобождения рабочих и крестьян от ига помещиков и капиталистов, завоевала наконец себе право праздновать свой юбилей на десятом году своего рождения».

То, что вооруженные до зубов внутренние и внешние классовые враги были разбиты, является заслугой партии и в первую очередь Ленина.

В Ленине были об'единены великий мыслитель-теоретик, блестяще разработавший на основе учения основоположников марксизма проблемы войны (в частности гражданской), и замечательный стратег, конкретный руководитель классовой борьбы за диктатуру пролетариата.

«Ленин восстановил и развил учение Маркса и Энгельса, исказанное II интернационалом, и создал военную программу пролетарской революции»¹.

Одним из исторических документов, создавших Красную армию, является подписанный и лично отредактированный Лениным декрет об организации первой в истории человечества «новой армии» под названием «Рабоче-крестьянская Красная армия». Этот декрет является одним из замечательных документов пролетарской диктатуры. Приводим текст его полностью:

Декрет
Совета Народных Комиссаров
«22» января 1918 г.
г. Петроград.

Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом Советской власти в настоящем и фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей Социалистической революции в Европе.

I

В виду этого Совет Народных Комиссаров постановляет: организовать новую армию под названием «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» на следующих основаниях:

1. Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс.

Доступ в ее ряды открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. В Красную Армию поступает каждый,

¹ Программа Коминтерна.

кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской Революции, власти Советов и социализма. Для вступления в ряды Красной Армии необходимы рекомендации: войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных или профессиональных организаций или по крайней мере двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требуется круговая порука всех и поименное голосование.

II

Воины Рабоче-Крестьянской Красной Армии состоят на полном государственном довольствии и сверх сего получают 50 рублей в месяц.

Нетрудоспособные члены семей солдат Красной Армии, находившиеся ранее на их иждивении, обеспечиваются всем необходимым по местным потребительным нормам, согласно постановлениям местных органов Советской власти.

III

Верховным руководящим органом Рабоче-Крестьянской Красной Армии является Совет народных комиссаров. Непосредственное руководство и управление армией сосредоточено в комиссариате по военным делам в созданной при нем особой всероссийской коллегии.

Председатель Совета Народных Комиссаров: В. Ульянов (Ленин).

Народный Комиссариат по военным делам: (подпись).

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров: (подпись).

Секретарь Совета Народных Комиссаров: (подпись).

Значение этого декрета т. Ворошилов определил следующим образом:

«Красная гвардия не в силах была справиться с огромными задачами обороны молодого советского государства от империалистов и борьбы с внутренней контрреволюцией, поднимавшей со всех сторон голову. Нужно было спешить с созданием своей регулярной армии. Так возникла и была декретирована 28 января 1918 г. Рабоче-Крестьянская Красная Армия»¹.

«Вооружение и организацию боевых сил пролетариата, — говорил т. Ворошилов, — Ленин всегда считал важнейшей задачей партии».

2

Наряду с широкой и длительной деятельностью Ленина по созданию армии пролетарской диктатуры боевые действия этой революционной силы постоянно занимали мысли, внимание и заботы Ильича.

Нет почти ни одного выступления Ленина в период гражданской войны, где бы он так

¹ Ворошилов К. Е. «15 лет Красной армии», доклад 23-II 1933 г. (Партиздан, 1933.).

Согласно декрету ЦИК СССР о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии
Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)
М. Тухачевский
Н. Каминский
А. Григорьев
В. Фадеев
Н. Чайковский

Конец декрета о создании Красной армии с подписью Ленина

или иначе не говорил о положении на фронте, о задачах обороны страны, не давал бы своего анализа классовой сущности выступлений врага, не оценивал бы гением величайшего полководца соотношение сил.

Все его выступления по поводу гражданской войны обнаруживают глубокую продуманность и блестящее понимание военно-стратегического положения на всех основных фронтах республики.

Но Ленин не только выступал теоретически по вопросам вооруженной борьбы на различных военных фронтах, он занимался и совершенно конкретными практическими «мелочами» организациями отпора силам контрреволюции.

Говоря о недостигании цели методе Троцкого «руководить Красной армией с двух поездов и всю тяжесть работы перекладывать на второстепенных работников», т. Ворошилов так характеризовал роль Ленина в практической военной работе:

«...Ленин принужден был заниматься буквально в **с**ем, вплоть до мелочей, чем по сути обязан был заниматься Реввоенсовет и его глава Троцкий»¹.

Неизмеримо велика фигура Ленина и на этом участке борьбы рабочего класса за социализм.

В этом деле его ближайшим и верным помощником был **Сталин**.

«Ленин превратил Сталина в специалиста по спасению положения почти на всех фронтах, где нависала опасность или делу грозила катастрофа. Так было на Царицынском фронте, на Пермском участке 3-й армии, в Ленинграде, на западе, на юге—всюду и везде Сталин в качестве человека, вытаскивающего дело из хаоса и неразберихи, спасающего положение на фронте»².

Недаром т. Сталин, касаясь своей деятельности в тот период вооруженной формы классовой борьбы, когда враг действовал не «тихой сапой», а винтовками, танками и дальнобойной артиллерией, говорил, что был в то время специалистом по чистке конюшен военного ведомства. Военное ведомство, как известно, возглавлял Троцкий. Этими словами т. Сталин метко охарактеризовал работу тогдашнего Реввоенсовета и его руководства³.

Деятельность Реввоенсовета была все время в поле зрения Ленина. Ни на минуту не упуская из виду этот участок борьбы за

¹ К. Е. Ворошилов «15 лет Красной армии», доклад 23/II 1933 г. (Партизлат, 1933).

² Там же.

³ Там же.

Тов. Сталин—член РВСР и председатель РВС Южного фронта. 1919 год

социализм, Ленин в письме к т. Гусеву так оценивает деятельность РВСР:

«Тов. Гусев! Вникая в письмо Склянского (о положении дел 15/IX) и в итоги по сводкам, я убеждаюсь, что наш РВСР работает плохо. Успокаивать и успокаивать, это—плохая тактика. Выходит «игра в спокойствие».

А на деле у нас застой — почти развал... Выпускать из рук победу — позор. С Мамонтовым застой. Видимо, опоздание за опозданием. Опоздали войска, шедшие с севера на Воронеж. Опоздали с перекидкой 21-й дивизии на юг. Опоздали с автопулеметами. Опоздали со связью. Один ли Главком ездил в Орел или с Вами, дело не сделали. Связи с Селивачевым не установили, надзора за ним не установили, вопреки давнему и прямому требованию ЦК.

В итоге с Мамонтовым застой, и у Селивачева застой (вместо обещанных ребячьими рисуночками «побед» со дня в день —помните, эти рисуночки вы мне показывали? И я сказал: о противнике забыли!).

Если Селивачев сбежит или его начальники изменят, виноват будет РВСР, ибо он спал и успокаивал, а дела не делали. Надо лучших, энергичнейших комиссаров послать на юг, а не сонных тетерь.

С формированием тоже опаздываем. Пропускаем осень, а Деникин устроит силы, получит и танки и проч. и проч. Так нельзя. Надо сонный темп работы перелечь в живой.

Ответьте мне (через Л. А. Фотиеву)»².

И Ленин с рядом верных делу партии и рабочего класса большевиков (Сталевым, Ворошиловым, Фрунзе и др.) не посред-

¹ Лен. сб. XXIV, стр. 15.

РОССИЙСКАЯ
СОВЕТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА
ВРАЖДИМЫХ КОММСАМЕВ

16. IV. 1919

т Склянскому!

Кубань подождет Вас

Мы откроем сухопутные ворота
как на эти Большевистские огни - Кубань
(все граник к Кубанскому фронту
один). Все силы на сухопутные ворота
(Советы в Западном и Южном фронтах
запад Большевистские огни один).
Большевистские огни один.

- Решите Большевистские огни один
запад (один из двух) и Большевистские огни
один. Планы за Кубань, все как было.

Большевистские огни один
восток (один).

Ряд Большевистских
и Большевистских огней один
Кубань мы от
один Большевистский огонь
один Большевистский огонь

Лен.

Телеграмма Ленина Склянскому
(Автограф Ленина)

ствено включился в дело обороны республики, находу исправляя то, с чем не справлялся не веривший в силы нашей революции и скатившийся затем к контрреволюции бывший наркомвоенмор Троцкий.

3

Летопись этого периода классовой борьбы хранит не один документ своевременного и, главное, оперативно-конкретного ленинского руководства.

Вот один из образцов ленинского умения выбрать и ухватиться за основное («ведущее») в данный момент звено («... чтобы вытянуть всю цепь», Ленин) с указанием исполнителям на совершенно практические, конкретные «детали» их действий. В телеграмме, например, украинскому совиаркому 26/V 1919 г. Ленин говорил:

«Повторю свою просьбу дважды в неделю телеграфировать мне о фактической помощи Донбассу. Настаиваю на исполнении этой просьбы. Не пропускайте момента победы над Григорьевым, не отпускайте ни одного солдата из сражающихся против Григорьева. Декретируйте и проведите в жизнь полное обезоружение населения, расстреливайте на месте беспощадно за всякую скрытую винтовку. Весь твоясь момента — быстрая победа в Донбассе, сбор всех винтовок из деревень, создание прочной армии. Сосредоточьте все силы на этой задаче, не ослабляйте энергии, мобилизуйте рабочих поголовно. Прочтите (мою) эту телеграмму всем видным большевикам. Ленин»².

Таким же образом конкретного руководства, указывающим, что и как надо делать, является и записка Ленина т. Склянскому от 15 X 1919 г.:

«Абсолютно необходимы для Южфрона кавалерийские радиостанции, а также полевые передвижные легкого типа, имеющиеся в большом количестве на складах главного военного инженерного управления. Сделайте немедленно распоряжение о срочной передаче Южному фронту по 50 штук того и другого типа. Этого требует Сталин, который очень жалуется на недостаток связи.

Напишите мне, что именно Вы сделали, а кстати закажите для меня в Гвию краткую сводку общего числа радиостанций у них и

¹ Лен. сб. XXIV, стр. 16.

Ленин у прямого провода

Художник И. Грабарь

распределение по войскам. Пр. С. Об. В. Ульянов (Ленин)»¹.

Таких телеграмм, записок-директив, текстов разговоров Ленина по прямому проводу не один, не два и не десятки. Их множество. И все они говорят о гениальном оперативно-конкретном руководстве Владимира Ильича.

Ленин не ограничивался дачей одних только директив. Эта же приведенная выше записка может служить иллюстрацией ленинской проверки выполнения: «Напишите мне, что именно Вы сделали...» — требовал он.

Многочисленные записи своему секретарю, телефонные запросы, устные вопросы о практических сделанных характеристизуют ленинский метод работы и в области руководства обороны республики.

Но не всегда директивы Ленина по-настоящему выполнялись возглавляемым Троцким военным ведомством. В таком, например, имевшем большое стратегическое зна-

чение вопросе, как своевременная переброска необходимых сил против белогвардейских банд в Крыму (март 1920 г.), Народный комиссариат по военным и морским делам, возглавляемый Троцким, ленинских директив не выполнил. Не исправил он своей ошибки и позже, что создало благоприятную обстановку для укрепления врангелевской армии.

А Ленин еще в марте того же (1920) года, гениально предвидя события, писал в Реввоенсовет (телеграмма Склянскому): «... обратить сугубое внимание на явно допущенную ошибку с Крымом (вовремя не двинули достаточно сил)...»

Слова «допущенную ошибку» Ильин подчеркивает, причем слово «ошибку» подчеркивает 3 раза. Дальше ленинская директива: «все усилия на исправление ошибки...».

Мало того, как всегда — практические указания: «в частности предоставить морские средства (мины, подводки и т. п.)».

«Ряд точнейших и энергичнейших постановлений РВС об этом необходи-не-

¹ Дел. сб. XXIV, стр. 15.

Тов. Фрунзе произносит речь перед татарской бригадой, выступающей против уральских казаков. 1919 год

м е д л е н н о», так, подчеркивая чертой последние два слова («необходим немедленно»), требовал Ильич.

О факте личного и непосредственного участия Ильича в действиях армии, в частности в период гражданской войны, говорит и ряд его телеграмм, постановлений Совета обороны и даже просто приветствий, относящихся к отдельным воинским частям. Их много.

Ленин, например, отлично знал операции 5-й армии, 2-й туркестанской и целого ряда других (это только по Восточному фронту!).

М. В. Фрунзе приводит в приказе по частям своей южной группы следующий текст ленинской телеграммы:

«...в награду за особо ценные заслуги их перед революцией Совет обороны постановляет:

- «1) об'явить особую благодарность...
- 2) ...выдать всем частям этих армий, участвовавших в боях, денежную награду:
- a) строевому составу в размере чесячного

оклада содержания, б) нестроевому в размере полумесечного»¹.

Вот телеграмма, посланная Ильичем Реввоенсовету Восточного фронта по случаю взятия инными частями Кунгура и Перми:

«1/VII 1919 г.

Поздравляю геройские красные войска, взявшим Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала. Во что бы то ни стало надо довести это дело быстро до полного конца. Крайне необходимо мобилизовать немедленно и поголовно рабочих освобождающихся уральских заводов, надо найти новые революционные способы тотчас включать этих рабочих в войска для отдыха уставшим и для отпуска на юг. Первую часть телеграммы сообщите полкам. Предсновороны Ленин»².

Даже в приветствиях Ленин не забывает о практических задачах, о мобилизации.

¹ Дело ЦАКА № 52—245, приказ № 15/82. За выдержкой из этой телеграммы Ленина следует текст приказа Фрунзе, где Мих. Вас. писал: «Мне отрадно узнать эту высокую оценку председателя Совета обороны т. Ленина работы и боевых действий войск Туркестанской армии в период последних операций. Со своей стороны об'являю благодарность...»

² Ленин. Т. XXIV, стр. 350.

РОССИЙСКАЯ
СФЕРУСИОННАЯ
РЕСПУБЛИКА
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА
ПО ПРОДАЧАМ КОММЕСАРСВА

— 1/VII 1919

Сибирь
Командование
Командир 3

Поздравляю геройские красные
войска южных Петров и Кунгур
согласно приведенному обозначению
по что горячим фразам надо добиться
что бы довести до конца то
крайне необходимое мобилизование
рабочих и поголовно рабочих освобождающихся
израс уральских заводов надо начинать
революционные способы тотчас включая лишь
наиболее бывшего в боях уставшим и на юг
за них нужных рабочих и рабочих израс предвидеть

**Телеграмма Ленина Реввоенсовету Востфронта
по поводу взятия Кунгура и Перми. 1919 год.**

И тут же проявляет огромное внимание и чуткость к уставшим бойцам, говоря об отпуске на отдых и т. д.

О Ленине как действительном полководце говорит и то обстоятельство, что в практике решения боевых, военно-стратегических задач, стоящих перед тем или другим фронтом, такие большевики, как например С. Гусев, считали нужным сноситься с Ильичем по ручу вопросов, минуя ставку и Реввоенсовет Республики.

Архив Красной армии хранит не одну телеграмму, имеющую большой исторический интерес, адресованную Ленину Гусевым, Юрьевым, Лашевичем и другими по вопросам организации борьбы на разных фронтах гражданской войны (например с Колчаком).

«...Ставка не знает, какой фронт главный. Из Вашей телеграммы усматриваем,— телеграфировали Гусев и другие непосредственно Ленину,— что решающим Вы считаете Востфронт. Необходимо прекратить дальнейшее ослабление этого фронта... Начать присылку нам винтовок... возместить снятые 21 полк и 6000 пополнений»¹.

Непосредственное участие Ленина в решении этих актуальных вопросов военных действий обеспечило их конечный успех.

Ленинское умение предвидеть, своевременно указывать и реализовать правильный выход из создавшегося положения (в данном случае на военных фронтах Республики)—одна из черточек Ильича, которая наряду с присущими ему другим гарантировала победы героической рабоче-крестьянской Красной армии.

Почему наша Красная армия в тяжайших условиях гражданской войны осталась победительницей на многочисленных полях сражений?

Ленин по этому поводу говорит:

«...Опыт гражданской войны в России показал нам и коммунистам всех стран, как в огне гражданской войны вместе с развитием революционного энтузиазма создается сильное внутреннее укрепление... В конце концов, после двух лет опыта как ни бесконечно тяжела война для рабочих и крестьян, страдающих от голода и холода, на основании двухлетнего опыта можно сказать, что мы побеждаем и будем побеждать, потому что у нас есть тыл и тыл крепкий, что крестьяне и рабочие, несмотря на голод

¹ (ЦАКА, д. № 200—249, л. 4—6) Телеграмма «Москва—Кремль—Ленину» № 149—44/ш из Симбирска. 2/VI 1919 г.

Тов. Ворошилов на Царицынском фронте. 1919 год

и холод, сплочены, окрепли и на каждый тяжелый удар отвечают увеличением сцепления сил и экономической мощи, и только поэтому победы над Колчаком, Юденичем и их союзниками, сильнейшими державами мира, были возможны»².

«А что такое армия без крепкого тыла? — спрашивал т. Сталин в своей речи 25/II 1928 г. и отвечал: — Ничто». Самые большие армии, самые вооруженные армии разваливались и превращались в прах без крепкого тыла, без поддержки и сочувствия со стороны тыла, со стороны трудящегося населения.

Наша армия есть единственная армия в мире, которая имеет сочувствие и поддержку со стороны рабочих и крестьян. В этом ее сила, в этом ее крепость. Вот чем прежде всего наша Красная армия отличается от всяких других армий, существовавших и существующих в мире.

«Пожелание партии, ее задача состоит в том, чтобы эта особенность Красной армии, эта ее близость, ее братская связь с рабочими и крестьянами была сохранена и закреплена за нашей Красной армией»³. И в этом источник силы и непобедимости Красной армии.

² Ленин. Т. XXIV, стр. 545.

³ Из речи Сталина на торжественном заседании Моссовета 25 февраля 1928 г.

Партия под руководством Ленина сумела организовать поддерживающие и сочувствующие фронту трудящиеся массы в тылу. Постоянные мобилизации на фронт коммунистов, членов профсоюзов, комсомольцев обеспечили железную пролетарскую дисциплину в армии, сделали нашу армию лучшей в мире, сделали ее способной творить «чудеса».

«... Всякий сознательный коммунист,— говорил Ленин свердловцам,— должен сказать себе: мое место там, впереди других, на фронте, где дорог каждый сознательный коммунист...»¹.

И партия рабочего класса под руководством т. Ленина бросала коммунистов на фронт в самую гущу армии.

В докладе «15 лет Красной армии» т. Ворошилов говорил: «Мы победили потому, что в гуще Красной армии вели дело наставляющие большевики, партийцы...»

Недели «помощи фронту», недели «помощи раненому и больному красноармейцу» и разные другие недели, которыми был так богат тот период, вызывали инициативу и самостоятельность тыла в деле конкретной помощи фронту.

Трудящиеся массы России знают, за что борется их Красная армия. Красная армия— это не армия обманутых людей, ведущих борьбу за враждебные им цели.

«...Наша армия... знает, куда идет... она состоит не из оловянных солдат, а из людей сознательных, понимающих, куда идти и за что биться. Но армия, знающая, за что она борется, не победима, товарищи. Вот почему наша Красная армия имеет все основания быть лучшей в мире армии»².

В своей речи на II съезде советов 26 января 1924 г. т. Stalin, перечисляя заветы Ленина и клянясь их выполнить, говорил:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять союз республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь.

Третьей основой диктатуры пролетариата является наша Красная армия, наш Красный флот. Ленин не раз говорил нам, что передышка, отвоеванная нами у капиталистических государств, может оказаться кратковременной. Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии...

Поклянемся же, товарищи, что мы не покидим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную армию, наш Красный флот».

Под руководством партии Ленина и ее лучшего сына, преемника и продолжателя дела Ленина, Сталина наша Красная армия укреплена.

«Партия выполнила клятву, произнесенную на II съезде советов устами т. Сталина. она укрепила Красную армию, она оснастила ее новейшей военной техникой и тем самым по-ленински укрепила оборонспособность Советского союза»³.

Под руководством т. Сталина окажется не беззащитной страна в тот момент, когда снова возникнет необходимость вооруженной борьбы.

Завет Ленина «...военную готовность мы должны сохранить во всяком случае... мы свою Красную армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность»⁴ выполнен, как и все другие заветы Ленина, на основе которых партия и страна добились укрепления своих международных позиций и невиданного роста хозяйственно-экономической мощи. Тов. Stalin мог поэтому в своем докладе на XVII съезде партии сказать:

«...СССР продолжал стоять за эти годы твердо и непоколебимо на своих мирных позициях, борясь с угрозой войны, борясь за сохранение мира, идя навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира, разоблачая и срывая маску с тех, кто подготавливает, провоцирует войну».

На что рассчитывал СССР в этой трудной и сложной борьбе за мир?

а) На свою растущую хозяйственную и политическую мощь;

б) на моральную поддержку миллионных масс рабочего класса всех стран, кровно заинтересованного в сохранении мира;

в) на благородумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным мотивам в нарушении мира и которые хотят развивать торговые отношения с таким исправным контрагентом, как СССР;

г) наконец,— на нашу славную армию, готовую оберонять страну от наскоков извне»⁵.

¹ Ворошилов «15 лет Красной армии».

² Ленин. Т. XXVI, стр. 25—26.

³ Stalin. Отчетный доклад XVII съезду РКП(б). Резюме.— Б. И.

E. Иоселиани

МОСКОВСКИЕ РАБОЧИЕ О ЛЕНИНЕ

Безмерна была скорбь трудящихся в тяжелые дни великой утраты. Горе охватило миллионы людей. Но это глубокое горе вызывало не только слезы у никогда ранее не плакавших людей, но и сознание бремени ответственности каждого пролетариата за сохранение завоеванной свободы, диктующую необходимость быть на чеку, защищать страну от покушений врага. Рабочие понимали всю серьезность потери и вытекающую отсюда необходимость теснее сплотиться вокруг партии, чтобы проводить идеи Ленина в жизнь, чтобы удержать и расширить завоевания Октября.

В траурные январские дни 1924 г. рабочие давали клятву верности делу партии Ленина.

Приводимые нами отклики рабочих¹ прекрасно иллюстрируют всю сознательность и монолитную сплошечность пролетариата в дни коллективного горя. В простых словах, безыскусственных выражениях рабочие твердо обещают не сойти с пути, указанного Лениным.

Вспоминания

Тов. Давидов, рабочий Даниловской мануфактуры, вспоминает:

«Утром 22 января по общежитиям разнеслась весть — Ильич умер.

Не поверили. Жадно схватывали все слухи. В два часа дня о смерти Ильича сообщили на фабрику из губотдела союза.

А в 6½ час. вечера в клубе фабрики был устроен митинг. Повалили густым потоком рабочие толпы. Стромное помещение клуба

не вместило всех. Половина даниловцев осталась на улице, тщетно пытаясь пройти в дверь для того, чтобы услышать о последнем часе Ильича.

Пришлось устроить митинг вторично. Вечер памяти 9 января был отменен. На сцене клуба появился директор фабрики Смирнов. Толпа затянула похоронный марш, но голоса срывались. Рабочим трудно было владеть собой.

Смирнов остановился в немногих словах на всей деятельности Ильича и закончил:

— Ильич вывел нас на путь коммунизма. По этому пути мы будем идти вперед.

После Смирнова говорили рабочие.

В дрожащих, сбивчивых словах клялись следовать всегда заветам Ильича.

Составили резолюцию. И вот секретарь фабкома Шибков, читая резолюцию, зарыдал.

Плач Шибкова передался в толпу.

Резолюция говорила:

«Смерть Ильича не должна вносить в наши ряды уныние. Сплотимся теснее под знаменем ленинизма вокруг наследника Ильича — ЦК партии».

В резолюции выражалось также соболезнование ЦК РКП, т. Крупской, Марии Ильиничне и Анне Ильиничне.

Второй митинг начался в 8½ час. вечера. Выступал прибывший из райкома докладчик. Он прочитал бюллетень о смерти Ильича.

Митинг продолжался полчаса.

Разошлись в безмолвии.

И долго еще стояли у дверей клуба, не проронив ни слова.

Не было слов...

23-го, во время обеденного перерыва, группа даниловцев бросилась к полотну железной дороги, по которой должен был пройти поезд с гробом Ильича.

От коломенского подстанка поезд замедлил ход.

Увидев поезд, даниловцы попросили сопровождавшего тело т. Калинина приоткрыть дверь вагона, в котором был гроб.

Калинин исполнил просьбу рабочих.

Они бросились к гробу.

В эти дни на фабрике беспрерывно открывается дверь:

— К Ильичу когда пойдем?

К гробу Ильича даниловцы идут организованным порядком 25-го в 8 час. вечера.

Но до этого срока многие побывали уже в Колонном зале Дома союзов.

Ибо тянет туда, зовет непреодолимая сила...»

¹ Выдержки из резолюций и воспоминаний траурных собраний московских рабочих, хранившихся в архивных фондах Московского областного архивного управления

Дело Ленина бессмертно

«Заветы Ильича для нас останутся бессмертны, и мы обещаем дело, начатое Лениным, довести до победного конца», — заявляют рабочие машиностроительного завода «Красная Пресня».

«Умер Ильич, — говорится в резолюции рабочих НБТАЗ, — но его идеи, его заветы остались. Компартия — детище Владимира Ильича — твердо стоит на пути, им указанном».

«Умер наш вождь, но никогда не умрет его дело, — дают клятву рабочие Реутовской фабрики Богоявленского треста. — Наши ряды сомкнутся теснее. Беспартийный пролетариат под знаменем великого ленинизма не знает никаких преград в достижении своих целей. Боевая революционная закалка, выработанная за время работы под руководством дорогого вождя, дает нам возможность заткнуть пасти хищников — капиталистов, радующихся смерти незабвенного, гениального вождя Владимира Ильича Ленина.

Спи спокойно, дорогой товарищ, трудящиеся всего мира воздвигнут тебе достойный твоего великого дела памятник, именуемый «мировая революция».

Глубокая скорбь, величайшая печаль пронизывают следующие строки рабочих фабрики «Краснопрядильщики»:

«Умер великий Ленин, наш вождь, наш брат и отец. Его жизнь, подвиги и заботы о страждущих братьях, его революционные и боевые дела нанесли свое бессмертное выражение в успехе рабоче-крестьянской диктатуры СССР».

«Утрата велика, но унынию нет места, — заявляют рабочие фабрики «Первое мая». — Ильич умер, но он жив, живо его учение, и есть взрыхленная почва, чтобы оно росло, развивалось и крепло. Мы приносим к гробу великого гения свое последнее прости и заявляем, что теперь без гениального мозга и всевидящих ленинских глаз с двойной энергией и настойчивостью пойдем штурмовать твердыни, с которыми всю жизнь боролся и призывал к борьбе Ильич».

Рабочие и работницы обединенных чулочно-вязальной и красильной фабрик, присоединяясь к коллективной скорби мирового пролетариата, подчеркивают: «Пусть смертный человек Владимир Ульянов умер. Идеолог и вождь трудящихся масс России и всего мира Владимир Ильич Ленин будет вечно жить в умах и сердцах рабочих и работниц, будет бессмертен».

В партию, с партией и за партию

В эти траурные январские дни 1924 г. пролетариат понял огромную потерю в рядах партии со смертью Ильича и необхо-

Покушение на Ленина

Художник Пчелин

Гроб с телом Ленина устанавливают в поезд для перевозки из Горок в Москву. 1924 год.

димость сотнями и тысячами членов партии заполнить этот зияющий пробел, сплотиться вокруг коммунистической партии под руководством лучшего ученика Ленина — т. Сталина.

«Великую потерю, понесенную международным и российским пролетариатом в лице Владимира Ильича, мы можем возместить, только отдав свои лучшие силы Российской коммунистической партии и уძсятерив свою сплоченность вокруг ленинской партии РКП, рука об руку с которой выполнять величие заветы Ильича», — дают обещание рабочие 1-го МГЭС и МОГЭС им. Смидовича.

«На смерть нашего Ильича, — заявляют рабочие Русско-американского инструментального завода, — мы, передовые беспартийные рабочие, ответим массовым вступлением в ряды той партии, которую он создал и которая соорудит ему лучший памятник — пролетарскую революцию во всем мире, ибо с этой партией нога в ногу идет все трудящееся население СССР и пойдут трудящиеся всего мира».

«Дорогой Ильич, — читаем в резолюции рабочих 2-го арматурного завода Трансмосторга, — мы, беспартийные, вливаемся в твои ряды для коллективного творчества

и, скованные железной пролетарской дисциплиной и единством партии, пойдем вместе под твоим водительством для дел, начатых тобой».

Рабочие Голутвинской мануфактуры твердо заявляют: «Еще крепче и теснее сплотимся вокруг вождя рабочего класса — Российской коммунистической партии, окажем ей всеми нашими силами поддержку».

«Красный уголок, — вспоминает Н. Большных, рабочий фабрики «Красное веретено» им. Демьяна Бедного, — переполнен рабочими. Они собрались сегодня на вечер-митинг, посвященный Владимиру Ильичу.

Слушают с жадностью, хватая слова ораторов.

Кончили... Председатель оглашает резолюцию, поданную группой рабочих: «... Сти, дорогой Ильич! Текстильщики вместе со всеми рабочими России и всего мира начатое тобою дело доведут до победного конца».

Собрание кажется уже конченным. Но вот работница Петровичева просит слова.

— Товарищи, — говорит она, — я желаю вступить в РКП.

Шум аплодисментов заглушает последние слова.

— Товарищи, — поднимается старик лет 60, — и я тоже вступаю в партию. Моя

дочь там. И я теперь хочу быть с ней в рядах большевиков.

Опять аплодисменты.

— И я, я тоже вступаю в РКП, — слышится откуда-то из угла.

Нельзя описать тот восторг, с которым встречали беспартийные вступающих в партию. Без устали аплодировали слову каждого «выступающего».

Этот могучий ленинский призыв, эти сотни тысяч рабочих-партийцев под руководством т. Сталина втянули миллионы пролетариев и колхозников в строительство социалистического государства, заняли руководящие посты в различных отраслях промышленности, выполнив обещание, данное Ильичу.

Клеймим позором предателей — меньшевиков и эсеров

Рабочие, крестьяне, все трудящиеся следили с огромным напряжением и волнением за ходом болезни Владимира Ильича. Не проходило ни одного рабочего собрания, чтобы в президиум не летели тучами записки, в которых с беспокойством и тревогой спрашивалось о ходе болезни любимого вождя.

В преждевременной смерти Ленина рабочие считали повинными врагов трудящихся.

Рабочие Государственного механического завода отмечали в своей резолюции: «Клеймим позором предателей — меньшевиков и эсеров, сокративших жизнь нашего дорогого вождя».

А Скоропусковский химический завод требует суровой кары «всем врагам революции, в частности предателям рабочего класса — партии социал-революционеров, нанесшим первый удар Владимиру Ильичу в 1918 г. в лице эсерки Каплан».

Не отдадим наших завоеваний врагам

Рабочие Кудринской государственной фабрики на траурном собрании, посвященном смерти Ленина, клянутся, что «все те победы, которые рабочий класс завоевал под его руководством, не отдадим своим врагам, стойко с оружием в руках будем стоять на страже».

«Пусть не надеются, — решительно заявляют рабочие и служащие Даниловской пуговничной фабрики, — русские белогвардейцы, меньшевики и эсеры всех мастей и оттенков вкупе со всей международной контр-

Митинг на городском бульваре в Керчи в день смерти Ленина

Ленинский призыв. Рабочие Путиловского завода вступают в партию 1924 год

революцией на замешательство в наших рядах и возврат к прошлому; стальное единство — единство пролетариата и крестьянства СССР — отразит все покушения на захваты Октябрьской революции».

Выполним заветы Ильича

Рабочие берут на себя и совершенно конкретные обязательства, например борьбу с бюрократизмом, с которым, не уставая, боролся Ленин, шефство над деревней, учебу.

В этом отношении интересно постановление рабочих ремонтных мастерских им. Рыкова и сотрудников гувуза.

«Выполняя заветы Ильича, — говорится в резолюции, — мы постановляем:

1. Засучив рукава, взяться за изучение ленинизма. Поручить ячейке организовать кружок ленинизма. Просить о скорейшем дешевом издании произведений Ленина.

2. Еще больше внимания и сил отдать ра-

боте по шефству над Старицкой волостью, Ленинского уезда.

3. Вести решительную борьбу с бюрократизмом. Пусть работа всех нас, а особенно сотрудников гувуза как советского учреждения, станет лучше, аккуратнее, быстрее, точнее.

4. Принять участие в создании общесоюзного фонда им. Ильича, поручив ячейке организовать это участие».

Таковы подкупавшие своей искренностью и чувством большой любви к Ленину непосредственные воспоминания и клятвы рабочих.

Рабочий класс сдержал их. Десять лет прошло со дня смерти Ленина, и за эти десять лет пролетариат СССР под руководством лучшего ученика Ленина т. Сталина достиг колоссальных, невиданных в истории человечества побед в деле построения социализма в одной шестой части света.

Г. Рейхберг

КАК НАЧИНАЛАСЬ

ЯПОНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Мировой кризис, который уже в течение ряда лет сжимает в своих тисках капиталистические страны, ударили со всей силой и по Японии.

Япония, став на путь капиталистического развития, с исключительной быстротой превратилась в страну высокоразвитого финансового капитала. Вместе с тем, однако, в ней еще очень крепки феодальные пережитки.

В результате непрекращающийся аграрный кризис привел к почти полному обнищанию японской деревни. Число конфликтов между крестьянами-арендаторами и помещиками за первую половину 1933 г. превысило количество конфликтов за весь 1932 г. Неудивительно, что этот кризис, с которым японское правительство не в состоянии справиться, чрезвычайно беспокоит руководящие японские круги. Бывший японский военный министр Араки, которого прочат в диктаторы фашизирующейся Японии, в одном из своих интервью подчеркивал, что «государственная оборона зиждится в первую очередь на сельскохозяйственном населении... Если удастся справиться с сельскохозяйственной проблемой, это даст возможность урегулировать остальные грозные социальные и экономические проблемы».

В недавно вышедшей книге¹ долго жившего в Японии проф. О'Конрая рисуется довольно печальная картина положения японского крестьянства: «Во всей ее (Японии.—Г. Р.) истории, в то время как немногие находившиеся у кормила правления жили и умирали большей частью в сверхроскоши, миллионы погибали от голода и эпидемии... Сегодня японский крестьянин, не говоря о женщинах, является основой нации, и до сих пор его судьба не на много лучше, чем это было пятьсот лет назад».

¹ «Японская угроза». Лондон. 1933.

Кризис японского народного хозяйства и обнищание трудящегося населения не могли не привести к дальнейшему сокращению внутреннего рынка и резкому ухудшению состояния японских финансов. Из создавшегося положения японский милитаризм пытается найти выход в новых войнах, в новых завоеваниях на материке².

Еще Ленин подчеркивал, что «в Японии и России монополия военной силы необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и др. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного новейшего финансового капитала...»³.

Если взять расходы на армию и флот, то по сравнению с 1925—1926 г. бюджет 1933—1934 г. возрос почти в два раза, достигнув 821 млн. иен. Японские военные круги, однако, не успокаиваются на этом и требуют увеличения ассигнований на армию и флот чуть ли не в два раза. По приблизительным подсчетам дефицит в будущем году достигнет 1,5 млрд. иен, а государственный долг возрастет до 8,5 млрд. иен.

Примером агрессивности японского милитаризма могут служить захват Японией Манчжурии, война с Китаем и пр. Японский милитаризм не ограничивается, однако, Манчжурией. Забыв уроки интервенции 1917—1922 гг., он открыто готовится к войне с СССР и захвату его территории.

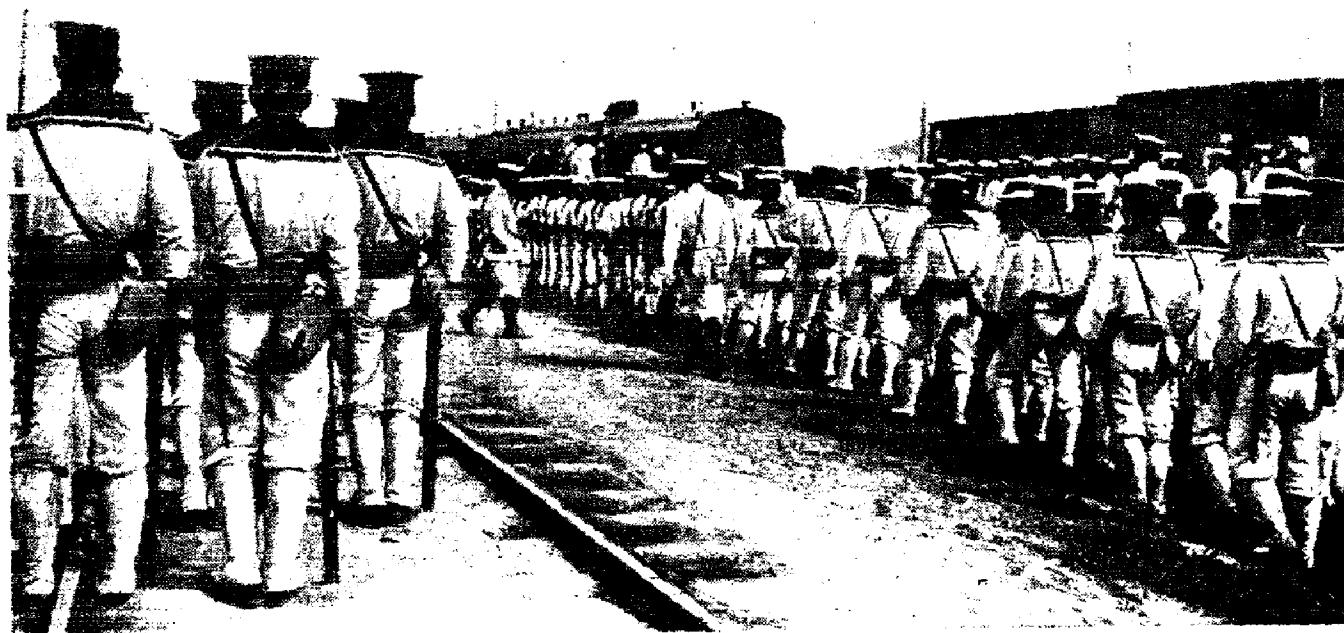
В своей речи на XVI съезде партии Г. Сталин говорил: «Каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР...»⁴.

² Неудивительно, что некоторый «расцвет» испытывают главным образом отрасли промышленности, работающие на войну. Известное увеличение японского вывоза за последний год объясняется в свою очередь предельной эксплуатацией японских рабочих, живущих в нищенских условиях, и политикой обесценения японской иены.

В своем докладе на XVII съезде партии Г. Сталин указывал: «Военно-инфляционная конъюнктура играет здесь немалую роль. Это особенно верно в отношении Японии, где этот искусственный фактор является главной и решающей силой некоторого оживления некоторых, главным образом, военных отраслей промышленности».

³ Ленин. Собр. соч., т. XIX, стр. 309.

⁴ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 499.

Десант японских интервентов во Владивостоке. 1918 г.

Японский милитаризм ведет в настоящее время открытую пропаганду необходимости войны с Советским союзом. Еще в декабре 1932 г. японский делегат Мацуока, выступая на собрании Лиги наций, говорил о двух течениях в японской политике: «В отношении СССР в Японии существует два течения. Одно из них сводится к тому, что эта страна представляет собой угрозу Японии вследствие усилий по распространению советизма по Дальнему Востоку и вследствие военного прогресса в Советском союзе. Те японцы, которые обеспокоены этим прогрессом и пропагандой, думают, что наша страна должна ударить по Советскому союзу до того, как эта потенциальная угроза полностью материализуется».

За примерами далеко ходить не приходится. Еще в 1927 г. японский премьер Танака подал японскому императору меморандум о позитивной политике в Манчжурии. С Советским союзом мы находим в этом меморандуме следующие строки: «Если Восточнокитайская ж. д., принадлежащая Советской России, будет развиваться в этой области, то наша новая континентальная политика получит удар и это вызовет в ближайшем будущем неминуемый конфликт с Советской Россией. В этом случае нам вновь придется сыграть ту роль, которую мы играли в русско-японской войне: Восточнокитайская ж. д. станет нашей точ-

но так же, как стала нашей Южноманчжуровская, и мы захватим Гирин так, как мы захватили Дайрен. В программу нашего национального роста входит, повидимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях владения богатством в Северной Манчжурии...

Если мы заглянем в будущее Японии, то мы должны признать неизбежность войны с Россией на полях Северной Манчжурии. Построив эту линию, мы сможем превратить Далай в базу для наступления на Сибирь по трем дорогам, а именно через Тунак, Аншин и Ццикар. Богатства Северной Манчжурии окажутся в наших руках... Манчжурия и Монголия являются теми восточными странами, которые еще совершенно не развиты. Раньше или позже нам придется здесь воевать с Советской Россией...»

В Японии не перестают появляться такие книги, как например книга генерал-лейтенанта Сато «Манчжуро-японская проблема и наша континентальная политика», в которой открыто говорится о необходимости войны с СССР. «Если японцы хотят своими собственными руками эксплуатировать Манчжуро-Монголию и Сибирь,— пишет Сато,— то они в первую очередь должны захватить КВЖД и Сибирскую ж. д. При удобном для Японии случае с русским и китайским правительством должны быть открыты переговоры о покупке

Японией названных дорог... Для эксплоатации Монголии нужно прежде всего построить ж. д., и в первую очередь от Мукдена до Урги. Эта ж. д. должна в Иркутске связаться с Сибирской ж. д., тогда горные богатства, находящиеся в пределах Жэхэ и Чахара, а также Алтайское плоскогорье, находящееся на Западе от Урги, получат хорошее развитие. По возможности дорога Мукден—Урга—Иркутск должна быть продлена на север до порта Охотск, находящегося на берегу Охотского моря. Если этот план ж.-д. строительства будет выполнен, то почти вся Монголия и Восточная Сибирь войдут в сферу влияния Японии».

Автор другой книги, «Азиатский пороховой погреб», пишет: «Япония должна включить в свою сферу влияния восточную и южную часть Сибири, Манчжурию и Монголию, часть собственно Китая, подчинить своему экономическому влиянию Японское и Охотское моря».

Японский публицист С. Хирата в своих книгах¹ подробно разбирает вопрос о воз-

можности столкновения с Красной армией. Прежде чем «вступить в борьбу с американским империализмом, — пишет он, — Япония должна обеспечить себе для этого военно-сырьевую базу и тыл, каковыми для Японии являются Манчжурия, Северный Сахалин и Приморье, а в случае необходимости также Приамурье, Камчатка и Забайкалье».

В японской прессе печатаются статьи под характерными заголовками «Неизбежность японо-советской войны» и проводятся также дискуссии на эту тему, в которых принимают участие видные военные авторитеты. В серии статей, напечатанных в черносотенной газете «Нихон», некий Камеици открыто указывал, что «фундаментальное разрешение манчжуро-монгольской проблемы осуществимо лишь путем войны против красного дьявола, по примеру того, как русско-японская война и китайско-японская война разрешили корейскую и формозскую проблемы». В одной из харбинских газет, являющейся рупором японского милитаризма, не менее определенно указывалось, что «Япония считает, что для укрепления своих позиций в Манчжурии необходимо раньше всего изгнать Красную армию из Приморья и из района Амура. Кроме того необходимо захватить Сибирь, чтобы гарантировать спокойствие внутренних путей сообщения и систему управления в Манчжурии. Японская армия должна установить три линии обороны: первая линия — у Читы, вторая — у Новосибирска и третья — на Урале». Подобный бред зарвавшихся японских милитаристов можно встретить почти повседневно на страницах японской прессы.

Выступая на XVII съезде партии, т. Ворошилов говорил по этому поводу:

«Японские военные писатели и просто военные, публицисты и ученые, фабриканты и политики, общественные и государственные люди за последние два года так много и открыто писали и говорили о необходимости войны Японии против СССР, так иной раз цинично откровенно в статьях и речах обсуждали подробности завоевания нашего Приморья, Забайкалья и даже всей Сибири, что было бы странным если бы мы сделали вид, что ничего не замечаем, что мы попрежнему доверчиво относимся к нашему дорогому соседу».

Японская военщина выступает в тесном контакте с русскими белогвардейцами, открыто поддерживая белогвардейские организации («Союз за независимую Сибирь» и

Белобандиты вместе с Семеновым на службе у японских интервентов.

Японская интервенция во Владивостоке. 1918 г.

др.), возглавляемые знакомыми лицами: атаманом Семеновым, генералом Хорватом, генералом Дитерихсом и др. В одной из статей упомянутой выше газеты «Нихон» откровенно говорится: «Японцам необходимо быть готовыми к оказанию усиленной помощи белогвардейцам».

Глава «Общевоинского союза», генерал Миллер в своем циркуляре, разосланном всем отделениям этого союза, указывал: «Мы должны искать выхода, пытаясь достигнуть соглашения с Японией на базе совпадения интересов Японии и наших. При этом нужно принять во внимание следующие моменты: широкие русские операции, направленные на свержение советского правительства, немыслимы на Дальнем Востоке без согласия с Японией...»

В своей речи на праздновании XVI годовщины Октября т. Молотов подробно говорил об угрозах японского империализма: «Положение на Дальнем Востоке и вопросы взаимоотношений с Японией были и остаются вопросами, привлекающими исключительное внимание трудящихся нашей страны... Когда мы читаем изо дня в день сообщения из японской и манчжурской печати о смехотворных планах некоторых видных японских деятелей насчет захвата Сибири, насчет отторжения Приморья, когда эти планы и рассуждения становятся все более откровенными и наглыми, мы вы-

нуждены насторожиться, тем более, что события на КВЖД и в пограничных районах овидетельствуют о том, что господа авантюристы все более склонны переходить от слов и статей к провокационным действиям и выступлениям... Все это заставляет нас быть в полной готовности к серьезным нападениям. Мы это уже должным образом учили и должны сказать в связи с этим следующее: если сейчас мы видим главную свою задачу в разоблачении всяких авантюров, направленных к срыву мира, и в заботе об укреплении Красной армии и нашей обороны, при неуклонном проведении и в дальнейшем мирной политики и линии на укрепление нормальных отношений с нашими соседями, то в случае нападения на СССР мы будем видеть нашу задачу только в одном — эта задача: полный разгром противника и победа нашей Красной армии...»

Готовясь к войне с СССР, японские милитаристы забыли о бесславно кончившейся для них интервенции 1917—1922 гг.

В результате Октябрьской революции внутренний враг — российская буржуазия — был сломлен. Ленин писал: «Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны»¹.

¹ Ленин. Собр. соч., т. XXII, стр. 375.

Но победа Октябрьской революции не могла не вызвать бешеного сопротивления мировой буржуазии. Причины этого коренились в том, что Октябрьская революция явилась грозным предзнаменованием для дальнейшего существования мировой буржуазии.

«Мировое значение Октябрьской революции, — указывает т. Сталин, — состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания»¹.

Для мировой буржуазии Россия являлась богатейшим резервуаром, откуда она черпала для себя силы и средства, потерянные ею в Октябре 1917 г. «Интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма. Могли западный империализм помириться с потерей такой мощной опоры на востоке и такого богатого резервуара сил и средств, как старая царская буржуазная Россия, не испытав всех своих сил для того, чтобы повести смертельную борьбу с революцией в

России на предмет отставания и сохранения царизма? Конечно, не мог!»².

Организуясь для борьбы со Страной советов, мировой империализм отводил определенную роль в предстоящей интервенции и Японии. Уже 8 ноября 1917 г. газета «Морнинг пост» писала: «Последователи Ленина — будет ли долгим или нет их существование — являются определенными врагами Антанты и открытыми друзьями Германии. никаких дел поэтому с ними быть не может. Перед союзниками лишь одна задача: установить конкретные средства связи с русским народом и теми его элементами, которые остаются верными союзниками. Мы полагаем, что эта работа может быть выполнена дружественным сотрудничеством Соединенных штатов и Японии».

В борьбе с Советской Россией империалисты выдали в качестве одного из своих орудий русских белогвардейцев. На заседании военных представителей верховного союзного совета от 23 декабря 1917 г. было постановлено, что «все национальные войска в России, решившие продолжать войну, должны поддерживаться всеми средствами, какие только имеются в нашем распоряжении»³. Деникин, Колчак, Юденич,

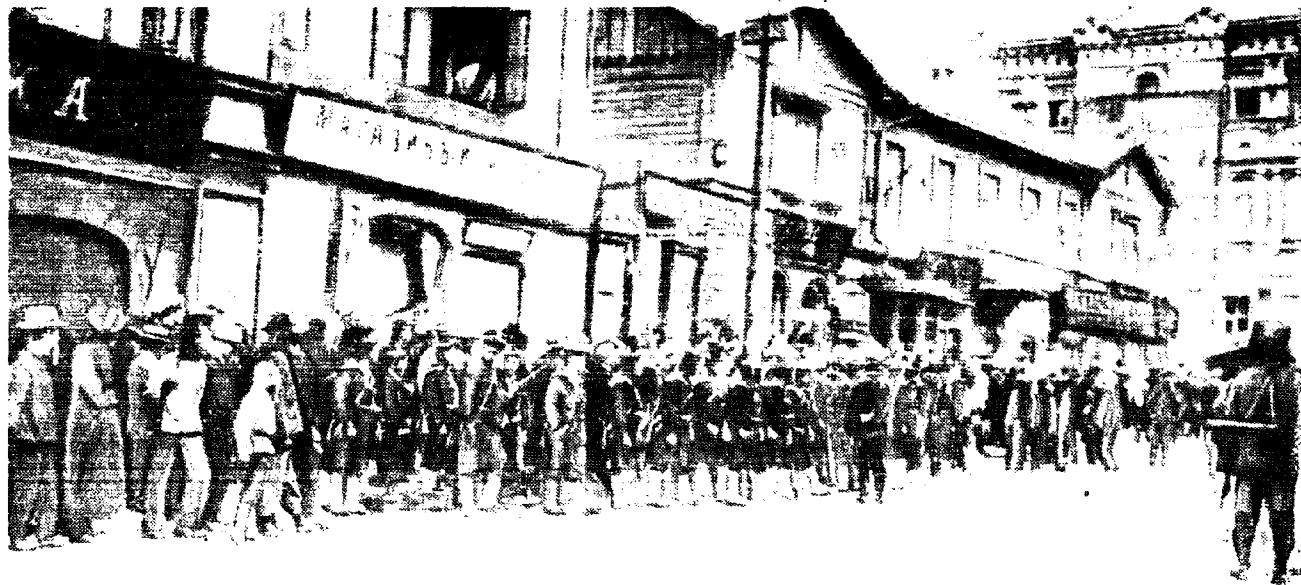
¹ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 101.

² Там же, стр. 9.

³ В. Черчиль «Мировой кризис», стр. 50.

Владивостокские белогвардейцы приветствуют чешских и японских интервентов. 1918 г.

Японские интервенты на улицах Владивостока в время чешского переворота. 1918 г.

Врангель и другие русские белогвардейские генералы являлись марионетками в руках Антанты. «За спиной этих контрреволюционных русских генералов стояли империалисты Англии, Америки, Франции и Японии, без поддержки которых серьезная гражданская война в России была бы совершенно невозможной»¹.

Что же собственно толкало Японию на агрессивные действия против Советской России?

Мировая война значительно укрепила и усилила японские позиции. В результате войны у Японии создались исключительно благоприятные условия для осуществления своих целей не только в Китае и Манчжурии, но и на русском Дальнем Востоке. Япония вышла из войны, совершенно не растратив своих сил. «Англия и Франция,— писал Ленин,— заключили договор с Японией, которая в империалистской войне почти не принимала прямого участия и которая дала сотню тысяч солдат, чтобы задушить Советскую Россию с Дальнего Востока»².

Положение народного хозяйства Японии после войны было чрезвычайно благоприятно. В декабре 1914 г. золотые запасы Японии равнялись 341 млн. иен, а в 1920 г.—

2 млрд. 183 млн. иен. Японский вывоз равнялся в 1914 г. 591 млн. иен, в 1919 г.— 2098 млн. иен. Национальное богатство возросло к этому времени с 32 млрд. до 86 млрд. иен. По свидетельству одного из японских авторов— «наступление мировой войны для Японии в тогдашнем состоянии было предельным стимулом и находкой для того, чтобы переоборудовать свои фабрики и заводы машинным оборудованием, а также для того, чтобы привести свои промышленные методы в соответствие с современными потребностями».

В задачу японского империализма входило теперь также включение русского Дальнего Востока в сферу своего влияния и максимальное использование его колоссальных естественных богатств (сахалинская нефть, уголь, лес, рыба и пр.)³.

Октябрьская революция создала, по мнению японских империалистов, благоприятные условия для выступления, так как неокрепшая еще Советская республика не смогла бы оказать ей должного отпора в случае выступления. Не решаясь пойти на этот шаг самостоятельно, Япония добивалась при содействии Англии и Франции одо-

¹ Стalin. «Об оппозиции», стр. 425.
² Ленин. Собр. соч., т. XXV, стр. 49.

³ Так например Япония вывезла из Приморья сельдей в 1919 г. 14 млн. пудов, а в 1921 г. почти 26 млн. пудов, т. е. 75% всего улова. Леса через Владивосток вывозились в Японию с 1918 г. свыше 1 млн. кубофутов ежегодно.

брения со стороны САСШ своих интервенционистских планов. Как японская, так и западноевропейская пресса муссируют в это время различные лживые слухи о «беспорядках» на Дальнем Востоке, дабы облегчить себе первые шаги интервенции. Правда, САСШ далеко не склонны были уполномочить одну Японию для проведения интервенции на Дальнем Востоке. Захват Японией русского Дальнего Востока и дальнейшее укрепление японских позиций на азиатском материке совсем не отвечало интересам САСШ. Отсюда и та политика противодействия расширению влияния Японии в Восточной Сибири. Недаром еще в самом начале интервенции (14 мая 1918 г.) Ленин говорил: «Есть две тенденции: одна, делающая неизбежным союз всех империалистов, другая — противопоставляющая одних империалистов другим — две тенденции, из которых ни одна прочной под особой основы не имеет. Да, сейчас Япония не может решиться наступать целиком, хотя она, имея миллионную армию, заведомо слабую Россию взять бы могла. Когда это будет, я не знаю, и никто не может знать.

Форма ультиматума грозит войной с союзными народами и договором с Германией, но это может перемениться через несколько дней. Это может перемениться всегда, потому что американская буржуазия, теперь враждующая с Японией, может завтра столкнуться с ней, потому что японская буржуазия может завтра столкнуться с Германией... Понятно, почему в силу этого отношения на Дальнем Востоке положение представляет из себя нечто не прочное. Мы должны сказать одно: надо ясно смотреть на эти противоречия капиталистических интересов, надо знать, что прочность Советской Республики дает все растущее сочувствие к ней громадных трудовых масс, всего трудящегося, эксплуатируемого населения всех стран»¹.

Еще до того как Япония сумела окончательно договориться с остальными интервентами, 12 января 1918 г. без соблюдения каких-либо формальностей во Владивостокской бухте появился японский броненосец «Ивами». В тот же день японский генеральный консул обратился к городскому самоуправлению с нотой, в которойставил в известность, что «императорское японское правительство, имея в виду то, что при обстоятельствах настоящего времени японцы, проживающие в городе Владивостоке и

окрестностях его, чрезвычайно тревожатся, решило отправить военные суда во Владивостокский порт. Решение это сделано исключительно с целью защиты своих подданных, каковая является надлежащою обязанностью правительства. Японская империя, как искренно дружественная страна России, горячо желает здорового развития последней, причем надеется, что справедливые интересы Японии и других союзных стран полностью будут уважаться в пределах России. Вместе с тем императорское правительство никакого не намерено вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России, которое будет решено русским народом для своей страны, тем более что цель нынешней отправки военных судов вовсе не имеет никакого отношения в этому вопросу»².

Естественно, что никакие протесты не могли помешать Японии под видом «охраны своих подданных» продолжать свою захватническую политику. Японский премьер-министр Тераути заявил 22 января в Верхней палате о японской политике в отношении России следующее: «Положение в России весьма сильно беспокоит нас; как истинный друг России Япония сильно надеется, что Россия удовлетворительно разрешит свои затруднения и создаст устойчивое правительство. К сожалению, я весьма встревожен последними сведениями, гласящими, что внутренний беспорядок в России постепенно распространяется на ее владения в Восточной Азии. Япония считает себя ответственной за поддержание мира в этих местностях. Следовательно, в том случае, если мир будет находиться в опасности, что весьма тяжело отразится на наших интересах, японское правительство не будет ни минуты колебаться предпринять необходимые меры»³.

Для нас теперь ясно, что понималось под «необходимыми мерами».

Идея необходимости японского вмешательства широко пропагандируется в это время в европейской прессе. В интервью, данном в феврале 1918 г. для американской прессы, маршал Фош открыто указывал на то, что «Германия захватывает Россию, Америка и Япония должны встретить Германию в Сибири, они имеют возможность это сделать, и немедленные шаги должны быть предприняты в этом важном вопросе».

² См. сборник документов «Действия Японии в Приамурском крае». Владивосток. 1921, стр. 7.

³ Цитировано по М. Левидову «К истории союзной интервенции в России», стр. 43.

¹ Ленин. Собр. соч., т. XXIII, стр. 6.

В телеграмме из Лондона, помещенной в американской прессе за тот же месяц, не менее определенно говорилось о том, что «виду все растущей деморализации России в лондонских политических кругах усиливается мнение, что для Японии пришел момент действовать».

Не менее решительно высказывался в японском парламенте министр иностранных дел виконт Мотоно, заявивший в своей речи (23 февраля), что «в том случае, если мир между Германией и Россией будет фактически заключен, разумеется, что Япония сделает наиболее решительные и подходящие к положению шаги. По вопросу о заключении Россией сепаратного мира между Англией, САСШ и другими союзниками господствует полное согласие».

Эта речь позволила английской газете «Дейли мэйль» писать, следующее: «Таким образом призыв генерала Фоша к Японии и САСШ получил немедленный положительный ответ со стороны Токио... Союзная экспедиция, в которой Япония и Америка должны естественно играть руководящую роль, могла бы привести к контролю Сибирской ж. д. и областей к востоку от Урала, что явилось бы тяжелым ударом для Германии. Япония уже оказала союзникам во время войны большие услуги, и является возможным, что она скоро увеличит количество этих услуг»¹.

1 марта 1918 г. та же «Дейли мэйль» поместила следующее характерное заявление, шедшее, видимо, из кругов японского посольства: «Доверяйте Японии, не заставляйте ее входить в соглашение, которое помешает использовать всю ее силу в этот момент, столь призывающий к немедленному действию. Прежде чем Япония может что-нибудь сделать, она хочет иметь за собой японское общественное мнение, а это единодушное мнение может явиться только тогда, если вожди японского народа смогут доказать своему народу, что союзники доверяют Японии единодушно и без оговорок и поручают ей эту большую миссию».

И союзники старались. 14 марта английский министр Бальфур заявил в Палате общин о той важной роли, которую играет Япония в оказании помощи России против Германии. Бальфур тут же опроверг слухи, что Япония движима эгоистичными, нечестными мотивами.

«Для меня кажется несомненным: Америка, Англия, Франция, Италия и Япония

должны сделать все, что они могут в этот момент, для того чтобы помочь России, и поэтому я не могу априори отбросить какое бы то ни было предложение, которое может повести к решению вопроса и позволит нам совершить правильные шаги в этом направлении».

Кампания в японской и европейской прессе, особенно в связи с заключением Брестского мира, не прекращалась и в следующие месяцы. Прикрываясь лживыми фразами о германской опасности и необходимости помочь чехо-словакам в Сибири, Япония продолжала усиленно готовиться к проведению интервенции на Дальнем Востоке.

В своих парламентских речах, как сообщал 26 марта корреспондент «Таймс» из Токио, виконт Мотоно и граф Тераути особо отметили серьезность положения в Сибири, якобы в связи с усилением там германского влияния, угрожавшего всем союзникам. В корреспонденции от 30 марта подчеркивается та мысль, что обединенная интервенция в Сибири будет несомненно вызвана большевистскими эксцессами во Владивостоке. В корреспонденции от 2 апреля из Пекина указывалось, что горсточки японцев, англичан и французов, американцев и китайцев достаточно для оказания помощи русским. Если же этот проект неприемлем для союзников, пишет корреспондент, то чем раньше выступит Япония, тем лучше.

Как мы видим, в конце марта и начале апреля всемерно подчеркивается мысль об усилении германского влияния в Сибири, большевистских эксцессах и необходимости в связи с этим японского вмешательства. Нужен был только повод, и повод был создан.

4 апреля 1918 г. во Владивостокском отделении японской конторы «Исидо» было убито двое японцев и один ранен. Убийство было совершено неизвестными с провокационной целью. Свет на это убийство проливает важный документ следующего содержания, являющийся секретной телеграммой комиссара временного правительства по Дальнему Востоку от 16 октября 1917 г.: «Здесь циркулируют слухи, что Япония намерена ввести военный отряд во Владивосток, для чего готовится провоцировать выступление террористического характера. Слухи эти подтверждаются сведениями из вполне авторитетных источников. Важно знать, действительно ли Японией принято означенное решение, так как добиться Японии осуществления своих целей таким путем крайне легко благодаря тому, что Владивосток

¹ Цитировано по М. Левинову, стр. 47 и 49.

дивосток несомненно является ареной деятельности самого опасного политического подозрительного элемента»¹.

Роли, как мы видим, были разучены уже давно, актеры ждали только случая появиться на сцене. Убийство 4 апреля 1918 г. явно дело рук самих японских милитариев, поддержаных остальными союзниками.

5 апреля 1918 г. в расклешенном по городу об'явлении командующий японской эскадрой извещал население о ниже следующем:

«К сожалению и неожиданности, ныне в городе произошли среди бела дня убийство и ранение трех японцев, что заставило меня принять на свою ответственность защиту жизни и имущества поданных японской империи, и, следовательно, я вынужден высадить десант с вверенной мне эскадры и принять меры, какие считаю соответствующими, о дальнейшем направлении испрошенна у императорского правительства инструкция»².

Придавая большое значение владивостокскому десанту, Ленин немедленно откликнулся на него телеграммой от 7 апреля 1918 г. на имя владивостокского совета. В этой телеграмме Ленин гениально предусмотрел те шаги, которые необходимо было сделать в связи с японской интервенцией, в развертывании которой Ленин не сомневался:

«Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищем — не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил. Больше всего внимания нужно уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и жел.-дор. материалов...»³.

Хотя этот шаг Японии и не получил немедленно дальнейшего распространения, но если с ним сопоставить заявление Тераути и Мотоно, сделанное ими в начале 1918 г. американскому журналисту Коллеману, то станет ясным, для чего этот шаг был сделан. В этом заявлении совершенно отчетливо вырисовываются дальнейшие перспективы интервенции, в задачу которой входила отнюдь не защита японских поданных во Владивостоке.

¹ См. «Правду» от 9 апреля 1918 г.

² Цитировано по указанному выше сборнику документов, стр. 11.

³ См. «Гражданская война», т. III, стр. 52.

«Будет бесполезно для Японии, — говорили они, — высадить войска во Владивостоке, не попытавшись овладеть Сибирской ж. д. вплоть до Иркутска. Занятие Владивостока и Сибирской ж. д. до Иркутска охранит Сибирь от германской угрозы. Одновременно с этим занятием должна произойти в Сибири реорганизация русской армии, и это значительно ослабит враждебное отношение русских к японской вооруженной помощи. Правда, участие Японии в активных военных операциях будет иметь малое влияние на Германию. Но это участие приведет к усилению деятельности Сибирской ж. д., и эта дорога, оказавшись под американским или японским контролем, представит гораздо лучшие средства сообщения, чем прежде. Но главным образом японская армия в Сибири послужит для создания новой русской армии. Создание этой армии при наличии данного ядра и линии защиты явится весьма легким делом...»⁴.

Дальнейшая кампания за развертывание интервенции на Дальнем Востоке привела уже не к единичным выступлениям японцев или чехословаков, устроивших 29 июня контрреволюционный переворот во Владивостоке и начавших борьбу с частями красной гвардии на Никольско-Уссурийском фронте, а к обединенному фронту союзных сил. 6 июля 1918 г. в прокламации, подписанной представителями союзного командования во Владивостоке, было об'ялено:

«Ввиду опасности, угрожающей Владивостоку и союзным силам, здесь находящимся, от открытой и тайной работы австро-германских военнопленных, шпионов и эмигрантов, настоящим город и его окрестности берутся под временную охрану союзных держав, и будут приняты все необходимые меры для его защиты как от внешней, так и от внутренней опасности. Все приказы, изданные до сего времени чехословацким командованием, остаются в силе.

Власть земства и городского самоуправления признается в пределах местных дел, но военные силы и полиция будут усилены таким количеством союзных сил, какое будет найдено необходимым для предотвращения опасности со стороны австро-германских агентов и их влияния, которые, по имеющимся сведениям, работают в городе»⁵.

Итак, теперь в связи с решением верховного союзного совета в Версале от 2 июля 1918 г., уже открыто была провозглашена

⁴ Colleman «Japan moves north», p. 107.

⁵ Цитировано по указанному выше сборнику документов, стр. 11.

совместная интервенция заинтересованных держав.

Вместе с этим японское правительство продолжало уверять в своих «мирных» намерениях по отношению к Советскому союзу:

«Принимая это решение, японское правительство остается непоколебимым в своем постоянном желании поддерживать и развивать прочные и дружественные отношения с Россией и русским народом, и оно вновь подтверждает свою неизменную политику уважения к территориальной целостности России и воздержания от всякого вмешательства в ее внутреннюю политику. Оно, далее, заявляет, что по осуществлению вышеуказанных целей оно непосредственно за сим отзовет все японские войска с российской территории и оставит всецело неприкосновенным суверенитет России как во всех его проявлениях, так и в военном».

Отметим тут же, что несмотря на указанную декларацию Япония впоследствии, после ухода чехословаков в 1920 г., и не подумала очистить Дальний Восток от своих войск.

С подобного рода декларациями в августе — октябре 1918 г. выступили правительства Франции, Англии, САСШ, Италии и Китая¹, высадивших небольшие десанты своих войск на территории Дальнего Востока².

Вскоре после об'явления японской декларации во Владивостоке 12 августа высадился японский десант в количестве 16 тыс. человек³. Начальник английского экспеди-

¹ Что касается Китая, то он играл в интервенции второстепенную роль, выполняя указания крупных империалистических акул, в первую голову Японии. Уже 25 марта 1918 г. Япония обменялась с пекинским правительством итами о военной кооперации.

По сообщению «Таймс» от 11 апреля 1918 г., в Пекин прибыла 6 апреля японская военная делегация для обсуждения совместно с китайским военным командованием создавшегося в Сибири положения. 16 и 19 мая 1918 г. между Японией и Китаем было заключено военно-морское соглашение (дополнительное соглашение от 6 сентября 1918 г.), направленное своим флотом против Советской России.

² В начале августа высадилось около 7 тыс. английских и канадских войск и около 1.000 французов, затем появилось несколько сот итальянцев. На территории Сибири стали формироваться также части из военнопленных поляков, румын, сербов и др. В конце июля 1918 г. японские военные суда появились в устье Амура.

³ Численность японских войск была доведена в октябре 1917 г. до 70 тыс. чел., а затем и до 100 тыс. чел.

ционного отряда полковник Уорд сообщает:

«При высадке своих войск во Владивостоке Япония представила командующему областью через своих дипломатических агентов ряд предложений, которые отдавали под ее контроль русские приморские области. Командующий русскими войсками попросил, чтобы эти предложения были изложены письменно, и японский агент после некоторого смущения согласился на это при условии, что первый пункт предложений не должен рассматриваться как окончательный, но только как предваряющий другие. Первое предложение состояло в следующем: Япония обязуется уплатить командующему 150 млн. руб. (по старой валюте), взамен чего последний должен подписать соглашение, предоставляемое Японии владение всеми береговыми и рыбными правами, вплоть до Камчатки, вечную аренду Инжильских копей и все железо (исключая принадлежавшего союзникам), находившиеся во Владивостоке»⁴.

Белогвардейцы всех мастей приветствовали появление интервентов на территории Дальнего Востока. Так например официоз генерала Хорвата «Вестник Манчжурии» писал в августе 1918 г.: «Томительная неизвестность, которую в течение очень долгого периода переговоров между союзниками о помощи России переживало русское общество, наконец разрешилась... Желание упомянутых кругов теперь исполнилось, поэтому все государственно мыслящие сограждане должны чувствовать полное удовлетворение. И мы с чистым сердцем говорим вступающим на русскую землю японским войскам: «Добро пожаловать».

В обращении меньшевистско-эсеровской приморской областной земской управы к консульскому корпусу во Владивостоке от 5 августа 1918 г. говорилось по поводу декларации японского правительства:

«Приморская областная земская управа считает необходимым засвидетельствовать, что указанные в декларации военно-стратегические задачи Японии и других союзников в пределах Приморской области совпадают с таковыми же задачами земской управы, изложенными ею в особом сообщении, посланном местному консульскому корпусу»⁵.

В резолюции харбинской организации партии эсеров, относящейся приблизительно к этому времени, не менее ясно говорилось:

⁴ Д. Уорд «Союзная интервенция в Сибири», стр. 162.

⁵ Цитировано по указанному выше сборнику документов, стр. 19.

«Понимая всю серьезность и чрезвычайную трудность в воссоздании фронта для борьбы с Германией, харбинская организация партии эсеров считает, что без помощи наших союзников наша страна при теперешнем ее положении не сможет выполнить этой задачи. Воссоздание русского фронта так же в интересах наших союзников, как и в наших, и в интересах всей демократии, не исключая даже германской. А посему наши союзные державы: Америка, Англия, Франция, Италия и Япония должны коллективно прийти нам на помощь в эту трудную для всех союзников минуту»¹.

Необычайно трогательно выглядит союз эсеров и меньшевиков совместно с атаманами и бесчинствующими интервентами во главе с японцами!

С образованием Уссурийского фронта сюда стекались формировавшиеся повсюду отряды красной гвардии, которым удалось разбить чехов и белоказаков во главе с Калмыковым, вынудив их к отступлению.

В статье, написанной в первой половине августа 1918 г., Ленин, анализируя создавшееся положение, писал о наступавших на Советскую Республику империалистах: «Этот враг наступает на Россию сейчас, он грабит наши земли, он захватил Архангельск и от Владивостока продвинулся... до Никольска-Уссурийского.

Этот враг подкупил генералов и офицеров чехословацкого корпуса. Этот враг наступает на мирную Россию так же зверски и грабительски, как наступали германцы в феврале, с тем однако отличием, что англо-японцам нужны не только захват и грабеж русской земли, но и свержение советской власти для «восстановления фронта», т. е. для вовлечения России опять в империалистическую (проще говоря, разбойничью) войну Англии с Германией. Англо-японские капиталисты хотят восстановить власть помещиков и капиталистов в России, чтобы вместе делить добычу, награбленную в войне, чтобы закабалить русских рабочих и крестьян англо-французскому капиталу, чтобы содрать с них проценты по многомиллиардным займам, чтобы потушить пожар социалистической революции, начавшийся у нас и все более грозящий перекинуться на весь мир»².

Положение на Уссурийском фронте к концу августа после прибытия значительных японских подкреплений изменилось. Усту-

павшим своей численностью красногвардейским частям пришлось отступить под напором вооруженной до зубов и вымуштрованной японской армии. 26 августа, после столкновения с японскими частями, началось отступление красной гвардии на север. Было приступлено к спешной эвакуации Хабаровска, который вечером 4 сентября был занят японскими частями и белоказаками атамана Калмыкова.

Свою интервенционистскую деятельность Япония развернула не только в Приморье, но и в Манчжурии (на КВЖД) и Забайкалье.

Заинтересованные в распространении своего влияния на КВЖД японцы пытаются опереться на генерала Хорвата. Японский генерал Накасима предлагал Хорвату помочь на следующих условиях:

«1) Япония производит интервенцию в Сибирь одна; 2) Япония получает северную часть Сахалина; 3) Японии предоставляются предпочтительные коммерческие права в Восточной Сибири; 4) Японии гарантируются концессии для эксплуатации минеральных и лесных богатств к востоку от Байкальского озера; 5) японские подданные получают одинаковые с русскими права рыбной ловли в Восточной Сибири; 6) Владивосток превращается в свободный порт, и все военные сооружения снимаются»³.

В интереснейшей телеграмме Хорвата на имя генерала Болдырева (октябрь 1918 г.) совершённо определенно говорится о помощи и содействии японцев в деле формирования белогвардейских отрядов:

«С самого начала формирования в полосе отчуждения КВЖД добровольческих войск для борьбы с германо-большевизмом, японское военное министерство помогало снабжением частей оружием, артиллерией и другими видами довольствия. После свержения советской власти со стороны японского правительства последовало предложение об оказании более существенной материальной поддержки на случай формирования нами воинских частей на регулярных началах, причем не предъявлялось никаких претензий относительно вмешательства в обучение войск, их внутренний быт, назначение командного состава или иных компенсаций. Принимая во внимание, что этим способом достигается скорейшее восстановление русской армии, я предложение это принял, тем более, что, отказавшись, я рисковал обострить отношения с японцами, с которыми, по

¹ А. Ган (А. Гутман). «Россия и большевизм», ч. 1-я, стр. 311. Шанхай, 1921.

² Ленин. Собр. соч., т. XXXIII, стр. 205.

³ Spargo «Russia as an american problem», p. 240.

Китайские партизаны выступают против японских интервентов.

моему мнению, необходимо поддерживать добрососедские отношения».

Под крыльшком генерала Хорвата и при поддержке японских интервентов атаман Семенов приступил в декабре 1917 г. к формированию своих отрядов на границе Манчжурии и Забайкалья.

Интересно отметить, что «особый манчжурский отряд» имел на своем желтом знамени лозунг «Вся власть Учредительному собранию».

Начав в конце января 1918 г. наступление на Забайкалье, семеновским бандам удалось занять станции Борзю и Оловянную. Здесь образуется так называемый Даурский или Забайкальский фронт. В начале марта 1918 г. сорганизовавшимися отрядами красной гвардии под командованием С. Лазо белобандиты были разбиты и отступили в пределы Манчжурии.

Пополнив свои отряды новыми формированиями (в отряде Семенова появились уже и японцы) и артиллерией, в апреле 1918 г. Семенов занял снова Оловянную, угрожая Чите.

В связи с поддержкой японцами Семенова НКИД отправил 24 апреля 1918 г. японскому правительству следующую ноту:

«Уже неоднократно как японское посольство в Петрограде, так и официальные представители Японии в Москве, в частности г. Сэнтаро Уэда, консул, давали заверения в

том, что японское правительство не намерено вмешиваться во внутренние дела России. Нами также неоднократно указывалось представителям Японии, что вопреки этим заверениям значительное число японских граждан и даже официальных лиц принимает непосредственное участие в гражданской войне на стороне контрреволюционных элементов против правительства Российской федеративной советской республики.

В последний раз мы обращаем внимание японского представителя на присутствие в шайке известного бандита, есаула Семенова, японских артиллеристов и на нахождение в этой шайке японских орудий. Мы указывали также на недопустимое вмешательство японского консула во Владивостоке в деятельность революционного суда.

Опубликованные данные с неопровергимостью устанавливают широкое участие японских правительственных агентов в контрреволюционной борьбе против российского правительства. Таковые действия Японии побуждают нас ныне же выяснить в форме, не оставляющей никаких сомнений, позиции Токийского кабинета в отношении к правительству РСФСР, и в частности, намерено ли японское правительство в будущем поддерживать контрреволюционные элементы в России, либо оно пожелает немедленно же назначить гласное расследование деятельности некоторых своих агентов, отзвать

безусловно уличенных и преподать остальным определенные инструкции.

В противном случае правительство РСФСР должно будет принять против подобных агентов те же меры, какие принимаются против русских граждан контрреволюционеров»¹.

Для отпора Семенову из Читы, Иркутска и других мест стали прибывать на Забайкальский фронт многочисленные отряды красной гвардии, предпринявшие контрнаступление. В середине мая Семенов, потерпев серьезное поражение, был вынужден снова отступить в пределы Манчжурии, заявившись до осени 1918 г. переформированием своих частей.

Положение Семенова было чрезвычайно облегчено выступлением чехо-словаков. В июле Центросибирь эвакуировалась из Иркутска в Верхнеудинск, а уже 20 августа он был занят наступавшими чехами. 26 августа под давлением наступавших с востока семеновцев и с запада чехов Чита была оставлена красными частями. В сентябре в Забайкалье были введены две японских дивизии.

В Благовещенске белогвардейцы выступили в начале марта 1918 г. (между прочим в числе белых был один отряд, составленный из числа проживающих в Благовещенске чиновцев) и захватили город. Только 14 марта отряды красной гвардии при поддержке крестьян окрестных сел выбили белых из Благовещенска.

В сентябре 1918 г. в Амурской области в Благовещенске появились отступавшие из Забайкалья и Хабаровска красные части. Продолжать сопротивление в создавшихся условиях не представлялось возможным, и части красной гвардии и советские работники ушли в тайгу для организации партизанского движения. В 20-х числах сентября белояпонцами был занят последний оплот советской власти на Дальнем Востоке — Благовещенск.

Свергнув власть советов на Дальнем Востоке и заручившись поддержкой других держав, Япония приступила к открытому осуществлению своих целей. Послав стотысячную армию на Дальний Восток и в Сибирь для «поддержки чехо-словаков и организации восточного фронта против Германии», Япония не стремилась распространить свое влияние далее Байкала. Это не входило в ее планы. Закрепиться самой и при помощи своих ставленников в пределах только Дальнего Востока, превратив его в свою ко-

лонию, — вот что являлось основной задачей японского империализма...

В течение почти пяти лет японские милитаристы пытались удержать в своих руках советский Дальний Восток. Изыскивались новые предлоги, измышлялись различные провокации, — все было хорошо для того, чтобы поменять рабочим и крестьянам строить социализм на далекой окраине Страны советов.

Однако успехи Красной армии, улучшение международного положения Советской России и усиление внутренних противоречий в лагере капиталистов (отношения САСШ и Японии²) — все это заставило Японию в конце концов покинуть территорию советского Дальнего Востока.

В своей речи на IV сессии ВЦИК IX созыва, 31 октября 1922 г., Ленин подвел итог героической борьбе рабочих и крестьян с обединенными силами белых и интервентов:

«Прежде всего необходимо, конечно, направить наше приветствие нашей Красной армии, которая на днях показала еще раз свою доблесть и, взявиши Владивосток, очистила всю территорию последней из республик, связанных с Советской республикой. Я уверен, что выражу общее мнение, когда скажу, что мы все здесь приветствуем этот новый подвиг Красной армии и приветствуем также то, что к окончанию войны сделан шаг, кажется, достаточно решительный; сброшены в море последние силы белогвардейцев. Я думаю, наша Красная армия надолго нас избавила от всякого возможного повторения натиска белогвардейцев на Россию или на какую бы то ни было из республик, прямо или косвенно, тесно или более менее отдаленно с нами связанных. Но вместе с тем мы должны также сказать, чтобы сразу же не впасть в тон чрезмерного самохвальства, что здесь сыграли роль не только подвиг Красной армии и силы ее, а и международная обстановка и наша дипломатия»³.

² О японо-американских противоречиях Ленин писал: «Вторым противоречием, определяющим международное положение России, является соперничество между Японией и Америкой. Экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило безшуточного материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно» (Собр. соч., т. XXIII, стр. 5).

³ Собр. соч., т. XXVII, стр. 317.

¹ «Известия» № 84 от 26 апреля 1918 г.

А. Емельянов

Вооруженное восстание

В РОСТОВЕ
НА ДОНЕ
В 1905 Г.

(вспоминания участника)*

Вооруженное восстание в Ростове на Дону в 1905 г. является одним из важнейших революционных выступлений рабочего класса России в его борьбе с царизмом; вместе с тем эта открытая вооруженная схватка небольшого отряда революционного пролетариата с самодержавием является одним из ярких и красочных эпизодов в истории революционного движения России.

1905 год, начавшийся кровавым расстрелом мирного шествия рабочих к царю 9 ян-

варя в Петербурге, закончился в декабре героическим вооруженным восстанием рабочих в Москве, Екатеринославе, Ростове на Дону и других городах. Восстания эти были подавлены, но революция побеждена не была. Самодержавие жестоко расправилось с теми из восставших, кто попал в плен. Смертная казнь, каторга, ссылка и тюрьма были ответом царизма на это восстание.

Главнейшими причинами поражения ростовских рабочих были их изолированность в борьбе и отсутствие подлинно революционного руководства движением; крестьянство и армия не поддержали этого движения. Меньшевистский донской комитет (РСДРП) не взял его в свои руки. Руководители восстания, члены штаба—большевики—были теми вождями, которых выдвинула сама революционная масса рабочих в процессе нарастания революционной борьбы, переросшей рамки, поставленные ей комитетом в начале этой борьбы. Декабрьское восстание в Ростове на Дону сыграло большую роль в революционной борьбе пролетариата. Опыт этого восстания был учтен не только ростовскими рабочими, но и всей партией, приведшей пролетариат к победе в октябре 1917 г. Искры этого восстания разжигали пламя Октябрьской революции.

Перед боями

— Если свобода, так отпустите арестованных!

— Освободите товарищев!

— Открывайте ворота! Где же начальник тюрьмы?

— «Отречемся от старого мира...»

Говорили речи, махали платками, руками, кричали ура. Тысячи людей запрудили площадь, над которой колыхались знамена. А сверху, из окон тюрьмы, жадно припав к железным прутьям, смотрели возбужденные радостной надеждой дорожие лица близких, друзей и родных. Казалось, весь город пришел к тюрьме.

— Манифест, а не выпускают!

Говорили о вчерашнем дне — о семнадцатом октября, о завоеванных свободах, о но-

вых надеждах. Сменялись ораторы, темы речей.

И вдруг — казаки...

Сразу никто не поверил. Но ураганом налетела сотня и врезалась в самую гущу мирной толпы. Засвистели нагайки, засверкали сабли. Крики, плач, вопли!

Убили сестру Сени Рейзмана¹. Она знала держала, красный флаг.

Убили и ранили еще многих.

Разгон демонстрации превратился в еврейский погром. В течение двух с половиной суток город находился во власти тромил и убийц. Черная сотня «Союза русского на-

¹ Соломон Рейзман — слесарь, социал-демократ, председатель оргбюро железнодорожников в Ростове на Дону. Проводил всеобщую политическую стачку, объявленную Петербургским СРД, и совещание 29 железнодорог. Погиб от тифа в ростовской тюрьме. Клара Рейзман — социал-демократка, сестра Соломона Рейзмана. После демонстрации перед тюрьмой погромщики воткнули ей, избитой, окровавленной, древко красного знамени в рот.

* А. Г. Емельянов — активный участник вооруженного восстания в Ростове на Дону в 1905 г. Один из руководителей тройки студенческих дружин.

рода», пьяные казаки и «босяки» с Дона под руководством полиции и охранки грабили магазины, врывались в дома, расхищали имущество. Здесь же, на улицах, совершался торг. Мещане, чиновники и купцы по случаю, дешево покупали ковры, мебель, драгоценные вещи.

Громили, убивали в квартирах, насиловали женщины, охотились за одинокими жертвами на улицах.

Наспех организованная, малочисленная еврейская самооборона героически держалась.

Черными провалами зияли разрушенные магазины. Запах гари носился над городом. Улицы вымерли. По ночам слышалась стрельба. Происходили грабежи. Жители с наступлением сумерек прятались по домам. Жандармерия и полиция усиленно производили обыски и аресты.

Уныние, злоба и ненависть охватили сердца. Богатые спасались бегством.

Рабочие организовывались.

На табачной фабрике Асмолова забастовали работницы. Движением руководил Совет рабочих депутатов, организовавшийся еще в октябре, ко времени первой всеобщей забастовки. Стачку выиграли, но во время борьбы полиция и казаки избили работниц.

Еврейский погром.

Совет депутатов об'явил всеобщую двухдневную забастовку-протест. Она прошла блестяще. Самодержавие получило первое предостережение; авторитет Совета рабочих депутатов нескованно вырос. На заводах и фабриках, в мастерских и в порту, в предприятиях городского самоуправления—всюду организовывались комитеты. Сорганизовались союзы рабочих железнодорожников, металлистов, пекарей, деревообделочников, печатников. Об'единялись прачки, дворники, банщики, домашняя прислуга. Совет рабочих депутатов работал под руководством донского комитета РСДРП, в большинстве состоявшим из рабочих. Организация эсеров была слаба и никакого влияния на ход событий не оказывала.

Организующиеся массы нуждались в воспитании, и руководители повели широкую агитацию на открытых собраниях, которые они устраивали по преимуществу в рабочих районах, в предместьях Ростова: на Темернике¹, в столовой Владикавказской ж. д., и на «Нахаловке» (новый рабочий поселок), в театре. Позже, в начале декабря, когда движение стало шириться, для митингов были открыты двери всех городских театров. Были выброшены лозунги: «Вместо самодержавия—демократическая республика», «Средством должно служить Учредительное собрание, а чтобы его добиться, надо готовиться ко всеобщей политической стачке, она неизбежна и может начаться скоро. К ней нужно быть готовыми». Лозунг о вооружении масс к борьбе с самодержавием выдвинут не был. Идея вооружения родилась стихийно, в разных местах как средство самообороны.

Комитет сказал: «Правительство разгоняет митинги, расстреливает народ—вооружайтесь для самозащиты». Комитет организовывал сборы пожертвований на оружие, закупал револьверы, создавал боевые дружины, организовал производство бомб. Буржуазия и интеллигенция охотно шли на небольшие жертвы: давали деньги на оружие, предоставляли квартиры под конспиративные собрания, разрешали дежурить дружинникам. Самооборона состояла из «десятков». Всех десятков к началу событий на Темернике было тридцать—тридцать пять, не больше. Десятки группировались или по партийному или по национальному

¹ Темерник—нагорная часть Ростова на Дону, примыкающая к железнодорожному узлу. Район восстания рабочих—местожительство железнодорожных рабочих.

Разгон стачечников.

признаку. В десятке могло быть и меньше десяти человек. Но чаще бывало больше.

Затрещал телефон. Тревога...

— Немедленно к Большому театру! Разгоняют митинг.

Через десять минут десяток был на месте. Митинг кончился. Народ расходился. Полиция вела себя подозрительно.

В белой папахе, в отличие от прочих дружинников, начальник десятка расставлял патрули. Говорил шепотом:

— При первых выстрелах в толпу стреляйте в начальников полиции.

А когда уходили из театра задержавшиеся, полицейские бросились к дверям и захлопнули их. Отряд городовых пытался поймать в темноте опоздавших.

— Сюда, сюда, товарищи, черным ходом, через сад!

У меня все карманы были набиты медяками. Это трудовые гроши рабочих, митинговый сбор на оружие. Мне трудно бежать, а впереди высокий забор. Дружеские руки подхватили меня, моментально перемахнули через забор.

В железнодорожной столовой народу битком набито. Читают московские новости,

Художник Е. Владимиров.

полученные комитетом. Сменяются орато-ры: рабочий, студент, профессиональный партийный агитатор, кадет, безногий сол-дат, монах или диакон в подряснике. Слу-шают не всех одинаково. Кадета прерывают свистками и криками: «Довольно, долой!» Безногому солдату аплодируют: при-зыв к борьбе вызывает восторг.

— Пропустите казаков!

Публика шарахнулась в сторону.

А когда на эстраду вышли шесть чуба-тых донских казаков, раздалось несмолкае-мое ура.

— Мы депутаты от сотен, которые стоят в городе...

Крики ура перешли в овацию.

— Мы пришли заявить народу, что мы с ним...

От радостных криков звенели окна.

Депутатам ложились руки, обнимали их, целовали.

Казалось, войско переходит на сторону народа.

Это было четвертого декабря, а утром пятого казачьи депутаты были арестованы.

Шестого — царский день, обычный парад у собора. Все шесть сотен казаков, стоявших в городе, отказались выйти на парад до тех пор, пока депутаты не будут осво-бождены.

Парад отменили.

Комитет партии получил из Москвы телеграмму:

«Петербургский и Московский советы рабочих депутатов совместно с конференцией представителей 29 железных дорог обяждают всеобщую забастовку».

Это было седьмого декабря. Сначала не верили. Выдержим ли? Не провокация ли?

Ночью в Нахичевани состоялось секретное заседание представителей комитета железнодорожников, профессиональных союзов и других организаций.

— Надо поддержать столичных рабочих.

— Завтра обяжть забастовку.

— Железнодорожники готовы?

Сеня Рейзман резко бросает:

— Готовы.

— Портовые готовы?

— Есть!

— Как Аксай?

— Хоть сейчас! — раздается голос Орлова¹.

¹ Орлов («Петр») — рабочий, член исполнительной комиссии СРД в 1905 г. в Ростове на Дону.

Кто-то неуверенно говорит:

— Как же... накануне праздников... Денег у рабочих нет. Зима... Расходы большие...

В ответ резкий окрик:

— У рабочих нет праздника до победы над самодержавием!

Выступают печатники, металлисты, табачники, электрики, химики, пищевики.

Все остановится: заводы, фабрики, банки, театры, трамваи и бани. Закроются магазины, конторы, школы и прачечные. Закроется все, кроме водопровода и газа.

— Пекарни должны печь только простой хлеб!

Вечером восьмого жизнь замерла, дисциплина сковала всех.

А ночью были аресты. Царские чиновники взяли в плен двенадцать наших вождей, чем лишь озлобили массы. Народ собирался на митинги, а вождей на местах не было.

— Мы требуем освобождения наших товарищей. Отпустите добром!

Совет рабочих депутатов обяжил «мертвую забастовку»: потушили свет, закрыли газ, приостановили подачу воды.

Обыск в профсоюзе.

Худ. Лебедев.

Пленники были освобождены. Это придало рабочим силы и веру в себя.

— Пролетарий — монолит. Он все может, — говорили на митингах. И тут все добавляли:

— Забастовка должна протекать без эксцессов. Всякая попытка к вооруженному столкновению есть провокация.

Перед самыми событиями «заболел» градоначальник граф Коцебу Пинар фон-Пильхай. Он передал власть начальнику порта фон-Дер-Вайле. Этот тоже «заболел» в пользу полицмейстера Прокоповича, а Прокопович передал исполнение обязанностей, тоже вследствие «острого заболевания», воинскому начальнику Макееву.

У банков образовались хвости; встревоженные обыватели поспешно забирали свои сбережения и вклады.

Двенадцатого декабря Ростов и Нахичевань были об'явлены на положении чрезвычайной охраны. Прикрываясь законом, власть собиралась начать наступление против народа.

СРД обратился к рабочим также с воззванием, призывая к спокойствию, мирной борьбе, продолжению стачки.

Царское об'явление было напечатано на гектографе. Над этим смеялись. Наше — в типографии. Этому радовались.

В тот же день состоялось другое заседание, в городской думе. За длинным столом сидели «отцы города» совместно с военными, жандармскими и полицейскими властями. Городской голова предложил обратиться к населению с призывом к благородству и с предложением прекратить забастовку. Долго спорили гласные, какого характера должно быть обращение к народу, в каких выражениях его составить.

Подковник Макеев, новый временный генерал-губернатор, покручивал ус.

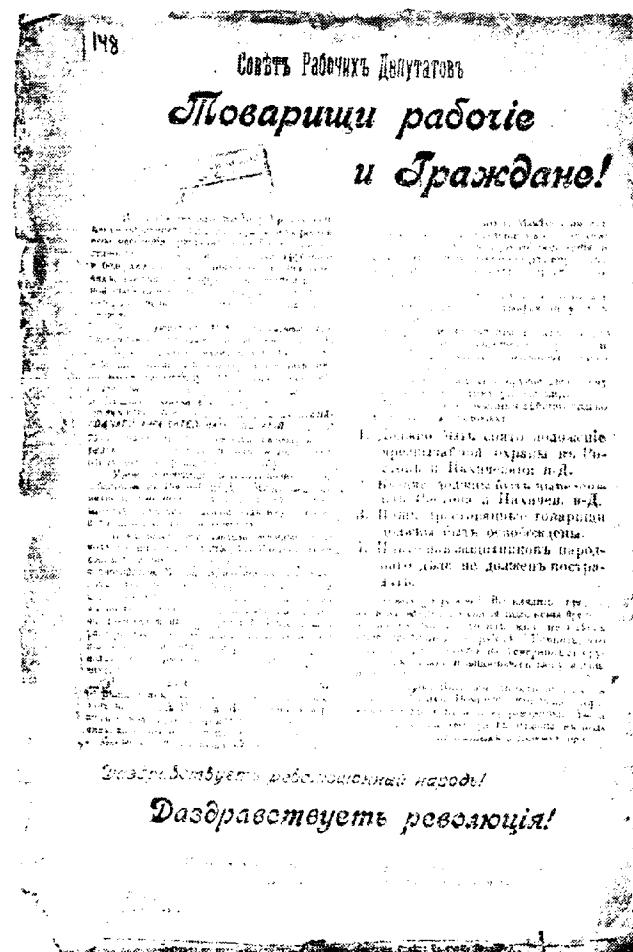
— А я предлагаю разогнать бунтовщиков шрапнелью. Митинги расстрелять.

Раздались аплодисменты. Буржуазия приветствовала решимость падача.

Вакханалия

Было два часа дня. Митинг кончился. Оживленные группы народа уже толпились у входа в столовую, делились впечатлениями.

Вдоль нагорных улиц Темерника стекала талая вода, а по грязному, мокрому снегу потянулись черные движущиеся ленты людей. Некоторые шли в город, но большинство оставалось на Темернике.

Воззвание донского комитета РСДРП и ростовского совета рабочих депутатов.

Вдруг раздался оглушительный взрыв, за ним другой, третий... Стреляли из пушек.

Крики ужаса смешались с бранью.

С красным крестом на груди, распластавшись, лежала сестра милосердия. Немного поодаль, головой вниз, скрючившись, рабочий в валенках. Кто-то стонал и в предсмертной агонии царапал талую землю.

Выстрелы следовали один за другим.

— Сколько народу побили-и!

— Говорят, около сорока человек!

— Товарищ Анатолий, пристав, говорят, показывал, куда стрелять, платком с крыши махал.

Помощник начальника дружины, слесарь «Анатолий» — Сабина¹, чинил расправу над врагами народа:

— Пристава арестовать! Потом допрошу. Свидетели, не расходитесь!

¹ Сабина Виталий («Анатолий») — рабочий Владикавказской ж. д., один из штаба восставших рабочих, начальник группы бомбистов. Убил жандармского подполковника Иванова. Погиб на баррикадах 14 декабря 1905 г.

— Товарищ Анатолий, вот этот рыжий, тоже подозрительный!

— Да мы же его знаем, это городовой! Ты что это пиджак надел?

— Приведите пристава...

Когда привели, Сабина начал допрос:

— Как ваша фамилия?

— Слюсарев.

— Вы пристав 7-го участка?

— Я.

— Вас обвиняет народ в предательстве. Позвать городового. Ты зачем переоделся? Шпионить? Доносить?

Сабина лично застрелил пристава и городового. Он мстил за народ.

Одновременно с бомбардировкой Темерника начались военные действия и в городе. Отряды казаков открыли стрельбу из винтовок по стоявшим на углах группам людей, по пешеходам, по экипажам, вдоль улиц, по переулкам. Открывалась наружная дверь дома, и человек падал мертвым. Кто подходил к окну, рисковал жизнью. С гиком и свистом пьяные отряды носились по улицам и стреляли, стреляли без конца...

У Братского переулка, на Садовой, подобрали убитого. Доставили в морг. Он был в студенческой фуражке, в черном пальто.

Вход в столовую главных ж.-д. мастерских в Ростове на Дону

— Установить личность.

— Да ведь это Болдырев, студент.

— Какой он студент? Он только так, в форме ходил.

Обыскали. В кармане среди документов нашли:

«Болдырев — секретный сотрудник охранного отделения».

Казаки задержали извозчика с седоком:

— Личность? Документ?

— Гуревич, студент.

— А...

— Братцы! — раздается услужливый голос чипика. — Да ведь это председатель Совета рабочих депутатов. Известный под фамилией Иванов. Настоящая фамилия Гуревич и есть.

Задержанный умолял:

— Я не Гуревич, Гуревич я...

Убили на месте.

К вечеру насчитали свыше ста убитых. А раненых?..

Николаевская больница больше никого не принимала. Над городом повис кровавый террор. В домах вселился ужас. На следующий день тот, кто решался выйти на улицу, мог прочитать обращение Макеева к населению:

«Переодетые в форму казаков революционеры расстреливают народ...»

Вечером состоялось заседание представителей руководящих организаций. Насторожение у всех было подавленное.

Из Петера и Москвы никаких известий. Власти безумствуют. К вооруженной борьбе пролетариат не готов. Постановили:

«На завтра митингов не созывать, но аппарату быть наготове. Убитых на Темернике охранять. Устроить грандиозные похороны-демонстрацию. Если начнутся военные действия, власть переходит к начальнику боевых дружин».

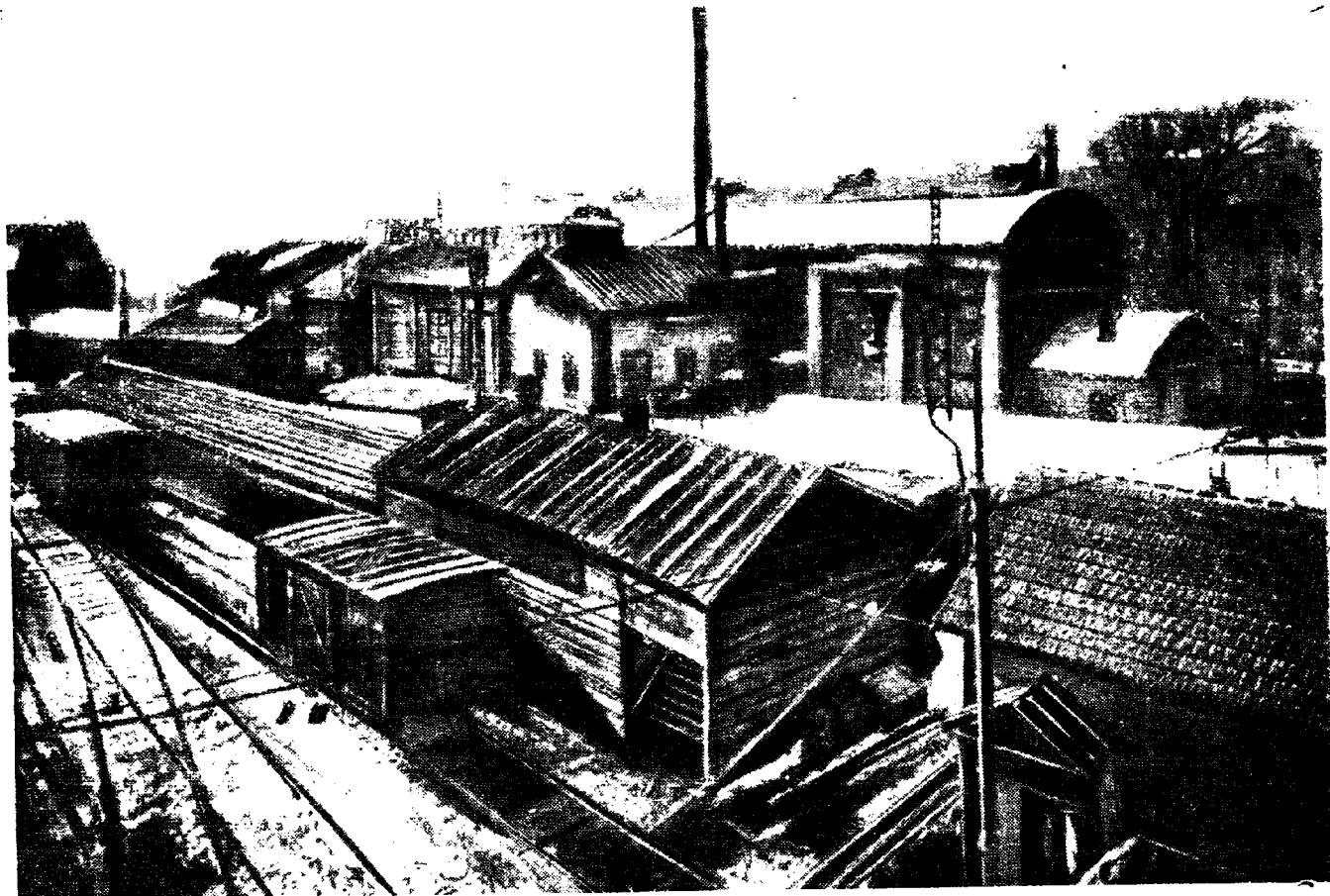
Стали подсчитывать силы. Оказалось немного.

Армяне заявили, что их дружина национальная. Они выступят только в случае армянского погрома.

С утра 14 декабря на Темернике настроение печальное и торжественное.

В столовой — тела убитых товарищей. Их омывали, украшали гроба, покрывали красными знаменами. Приходили поклониться праху близких друзей.

В тысячной толпе разговоры вели вполголоса из уважения к праху погибших невинно.

Общий вид главных ж.-д. мастерских в Ростове на Дону в 1905 г.

Наступил полдень.

Торжественную печаль прерывали удары снарядов. Они били по злополучной столовой.

Затем началась конная атака на Темерник.

Анатолий Сабина носился верхом из одного конца Темерника в другой, собирая дружины.

Со всех сторон с винтовками и револьверами в руках к вокзалу мчались дружины.

Залегли за вагонами, в мастерских, за машинами. Пошла перепалка. Вокзал и пути были в наших руках, власти бежали. Казачья сотня шла рысью. Ее осыпали градом пуль. Казаки спешились, повернули обратно. Нам достался один пленный казак. Атаку отбили, но дорогой ценой: Анатолий был убит.

Его смерть опечалила всех. Он один стоял ста.

А когда его отец, старый рабочий, подошел к телу убитого, все умолкли, опустили головы. Не его утешали, а он говорил:

— Товарищи, не падайте духом!

Он взял винтовку:

— Я умею стрелять так же метко как и мой сын.

Коммуна

Все дни в городе продолжалась стрельба. Население голодало, потому что страшно было выйти на улицу. В казачий раз'езд около Новопоселенского театра смельчаки бросили бомбу. Больше десяти человек было убито и ранено. Администрация использовала эти факты против народа. С четырнадцатого декабря Темерник был отрезан от города и предоставлен самому себе.

Революционеры стали устраивать свою жизнь. Главные улицы, идущие по склону горы, в направлении к вокзалу, были забаррикадированы. На проспекте Коцебу воздвигли грандиозную баррикаду. Телеграфные столбы были повалены, а проволокой опутали столы, скамьи, доски с разрушенного моста, экипажи, мешки с песком — весь многообразный строительный материал баррикады. Дружины принесли железные листы и как переплетом охватили ими баррикаду. Несколько выше, на горке, поста-

или маленькую пушку, говорили, что ее сделал рабочий Ефимченко. Она создавала иллюзию боевой обстановки и мощности вооружения.

Когда подсчитали силы, оказалось, что вооруженный состав достигал трехсот человек. Разнообразно одетая, вооруженная шиновками, берданками, маузерами, браунингами, наганами, смитами, эта маленькая армия была сильна единым революционным духом. Здесь собирались разные, не все знавшие ранее друг друга люди, но это были решительные, отважные революционеры, которых обединяла ненависть к самодержавию и связывало единство вооруженной борьбы.

На Темерник ушли недовольные, активные, боевые. Сюда продолжали стекаться революционеры с линий железных дорог: Владикавказской, Екатерининской и Юго-Восточной. Пятнадцатого декабря со станции Тихорецкой, за сто шестьдесят верст от Ростова, прибыло десятков пять или шесть вооруженных товарищей, а днем или двумя позже прибыли казаки: за ними посыпалась специальный поезд. Таким образом набралось человек четыреста.

На Темернике был введен военный режим. Остерегались ночной атаки, поэтому после восьми часов вечера воспрещалось выходить на улицу.

Военно-административным и хозяйствен-

ным центром был штаб. Здесь шло непрерывное движение. Здесь мозг республики и душа коммуны. Здесь формировались десятки, выдавалось оружие. Сюда поступали доносения, отсюда исходили приказы, здесь узнавались новости. Сюда приводили арестованных на допрос, здесь же выносились приговоры.

Крестьянский союз организовал доставку продовольствия из окрестных деревень: Кохановки и Александровки. Жители Темерника помогали рабочим устраивать лагерь. Снабжали провизией, посудой, одеждой, предоставляли ночлег, а жены рабочих варили, жарили и пекли.

Вылазку предполагали сделать вечером, как только стемнеет.

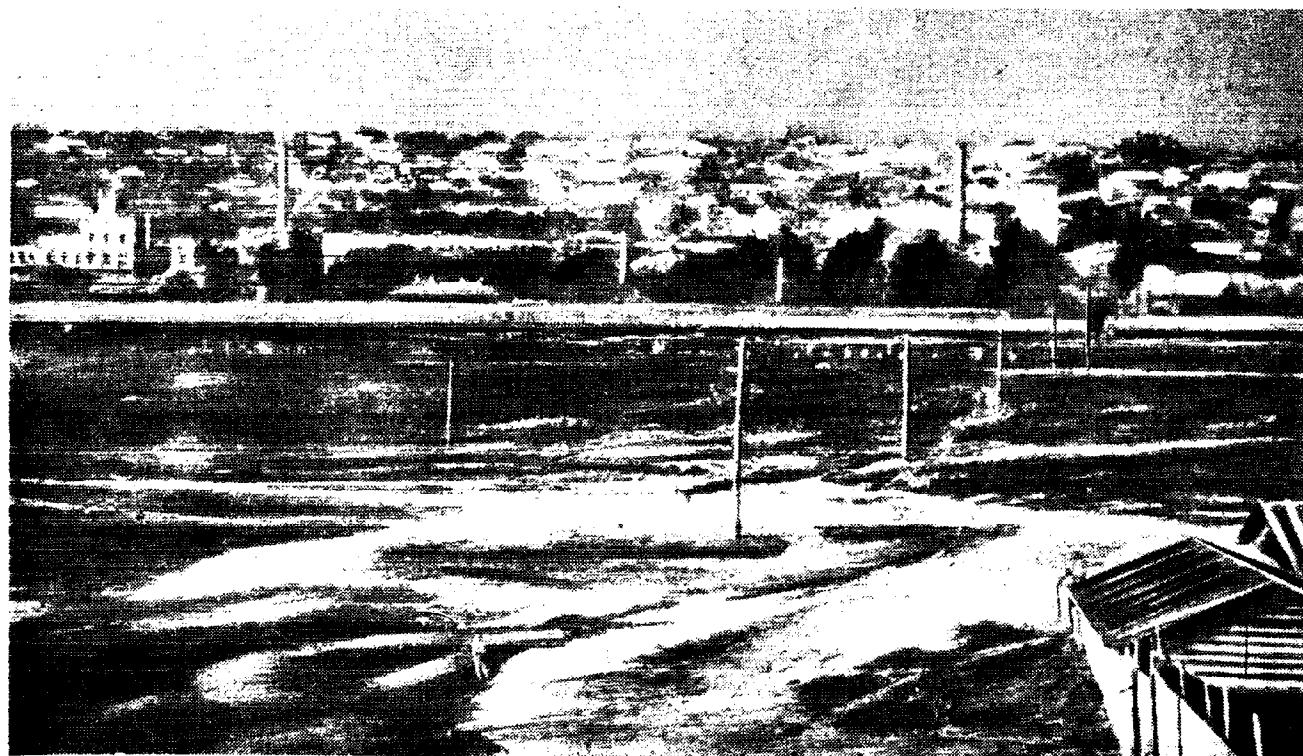
— А ребята надежные? — спросил «Бекас»¹.

— Боевые!

— Ну, смотрите, да поосторожнее... Больше четырех человек не берите. Счастливо...

Целью вылазки было узнать, что делается за линией сторожевой охраны и поискать оружия.

¹ Бекас — Хижинаков, он же Черницын и «Семен Неизвестный», матрос Черноморского флота, член штаба восставших рабочих. Погиб на Нерчинской каторге, которую отбывал под именем «Семена Неизвестного».

Общий вид Темерника со стороны казачьих батарей в дни восстания.

Погода стояла пасмурная, шли дожди с хлопьями мокрого снега. Бомбардировка в эти дни прекратилась. Горячие головы советовали произвести ночную атаку, но Макс¹ не соглашался. Он не хотел без толку терять людей.

На вокзале было пусто: ни наших, ни казаков. На занесном пути застрял какой-то поезд. В нем было несколько пассажиров. Они попали между двух огней и боялись выйти. Обыск не дал никаких результатов. С патрулями обменялись паролями. Чтобы не возвращаться с пустыми руками, взломали чакгауз.

— Товаров много. Ящики, бочки, мешки... А что брат?

— Как бы не попало от начальства. Бекас настрого запретил брату что бы то ни было, кроме оружия.

— А сапоги?..

— Сапоги брат, в рваных ходим...

Возвращались с трофеями.

Казачья артиллерия, расположившаяся у кладбища, чувствовала себя плохо. Орудия не имели хорошего прикрытия. Наши стрелки удачно снимали артиллеристов. Особенно отличались кавказцы, вооруженные первоклассными винтовками, они были почти наверняка. Не раз батарея меняла место, но за пределы бугра уйти ей было некуда.

Винтовок у нас было мало, с полсотни, не больше. Поэтому остальная масса дружинников не могла принимать участия в серьезных операциях. Она несла разведочную службу, была резервом на случай атаки.

Три дня затишья не пропали даром: революционеры укрепили коммуну, отдохнули; агенты самодержавия собрались с силами. 19 декабря вечером Макеев об'явил город на военном положении.

„Макс“ и „Бекас“

— Вы товарищ Крамской?².

— Я...

— Я Макс. Вы на Темерник? Пожалуйста, передайте Бекасу письмо.

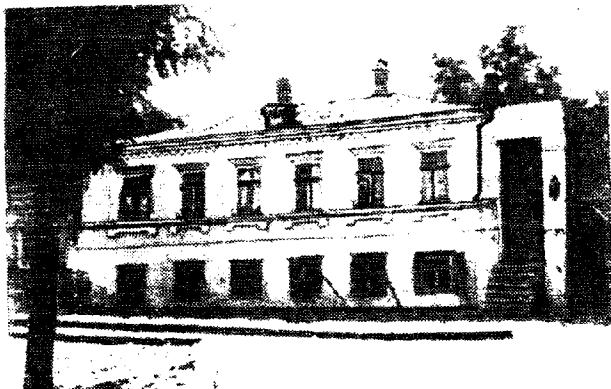
Макс — наш главнокомандующий; Бекас — один из начальников, организаторов восстания.

Худенький, подвижной, в очках, Макс говорил сразу с тремя.

Мне: — Бекасу кланяйтесь; скажите, что

¹ Макс — кличка Юрий Бутягин — организатор лаборатории бомб в Ростове и руководитель штаба рабочей дружины на Темернике.

² Крамской — кличка А. Г. Емельянова.

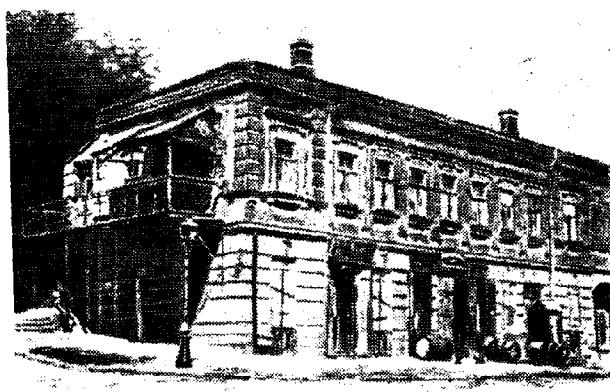

Дом, где находился штаб дружинников.

скоро буду сам. Что-то ваших студентов там мало... Говорили дружина, а подсчитывать: раз, два и обчелся. Соберите побольше. Соне: — Да вы смотрите, чтобы вас не сцепали... На каждому углу шпики. Жалко будет листовок... Когда теперь печатать новые? Члену Совета депутатов: — Надо бы денег послать. Хоть немного: тысячи двести... Жду еще кавказцев. Народ хороший. Под'едут с Тихорецкой, будет веселей. Ну идите, товарищи... Желаю успеха!

Макс был прав. Студенческая самооборона насчитывала по записи человек двадцать пять. Когда собирались на Пушкинской, спорили, кричали, говорили без конца... Разбились на десятки, учились прицелу, палили в стену. От табачного дыма и пальбы тяжело было дышать. Дружинники дежурили в разных концах города, иногда несли уличную сторожевую службу. При проверке постов все были на местах. Но когда началось «настоящее», когда начались вооруженные действия и центр движения перенесся на Темерник, туда пришло лишь несколько человек.

На занятой в городе извозчикье кляче я ехал на Темерник.

Дом, где была мастерская оружия и бомб во время боев.

— Стой... Руки вверх!

Испуганный извозчик рывком натянул вожжи, конь стал.

Пристав, околоточный и двое «штатских» окружили сани. Письмо Макса жжет мне левую ступню, а в башмаке правой ноги я чувствую сторублевку, которую мне дал член Совета.

— Документ!

Предъявляю.

— Куда едете?

— На вокзал.

— Зачем?

— Еду в Батайск, к сестре.

— Пропустить!

Котиковский воротник и шапка вывезли.

На Темерник пробираюсь через станционные помещения, железнодорожные пути, далеко в обход, лавируя мимо казачьих постов.

Бекас улыбается. На белых пушистых усах иней, сосульки. Коренастый, широкоплечий матрос Бекас одет в желтую куртку, а на голове шапка с наушниками. Из голубых щелей глаз струится тепло.

— Ну что, в дороге ничего не было? Что в Москве?

Передаю письмо, рассказываю:

— Говорят, на колокольне Святонастного монастыря поставлены пулеметы, на Пресне баррикады. Власти заперлись в Кремле. Вообще отделить слухи от фактов трудно. Несомненно одно: мы не одиночка в борьбе. В Москве и Питере происходит что-то большое. Правительственная телеграфная связь нарушена рабочими еще в начале борьбы, чтобы власти не могли вызвать войска. Несколько позже — 17 или 18 декабря — казаки перерезали железнодорожный телеграф. Ростов оказался отрезанным от остальной России, город жил слухами: там не знали толком, что делается на Темернике.

Я продолжал:

— В городе считают, что весь Темерник минирован. Казаки боятся бомб. Ходят слухи, что Темерник в кольце футасов.

Бекас улыбнулся:

— Ну конечно...

— Говорят, что сюда пришли большие подкрепления с Кавказа. И еще придут из Новороссийска и Екатеринодара...

— Когда придут, не знаю. Но придут, вся Россия придет... Курево есть? Пойдемте.

На баррикадах 1905 г.

Худ. Горюшкин-Сороколов.

Отступление

За ночь навалило снегу. Как будто нарочно ударили сильный мороз. Уже с утра было градусов двадцать. Слева, на горе, против нас, со стороны еврейского кладбища, стояла батарея.

Нагорный Темерник был открыт мишеню. Напрямик версты две, не больше. Обычно бомбардировку начинали в полдень, в двенадцать, в час, кончали в три, четыре. Сегодня началось на рассвете. Началось что-то новое, необычное. Били картечью. Били сильно, без перерыва, без передышки. Били по проспекту Коцебу, по баррикадам, по церкви, по домам. Били со стороны кладбища, били с вокзала, с боку, с Нахаловки, отовсюду...

Бекас ворчал.

— Вот сволочи. Приступом, что ли, хотят взять. Только добро переводят — снаряды. На улицах ведь никого нет...

Нас трое. Мы защищены забором. Вставили в щели дула маузеров и жарим по кладбищу.

Маузер против пушки!

Триста пламенных бойцов против тысяч солдат и казаков...

По белоснежной равнине движутся серые фибуки. Бегут, наклоняются, падают...

— Вали, Крамской, вали... Я тебе говорю, что попадаем.

Я не знаю, прав ли Бекас, я не знаю даже, долетают ли наши пули до кладбища?

Пожалуй, Бекас прав. Семь и жужжащие слышны все чаще и чаще. Нас нашупали.

Тррах... Забор сбит, мы бросаемся к ближайшему прикрытию, к соседнему дому. От следующего удара картечи падает карниз. Нас обсыпает штукатурка. Согнувшись, мы перебегаем через улицу — к дому напротив.

— Идем, идем, — торопил Бекас. — Надо что-то препринять. Только бы хватило патронов, пока не стемнеет.

В небольшой комнате народу до отказа. Тепло и накурено. Большинство стоит. Уже пятый час дня, и, как обычно, к вечеру канонада стихает. А когда стало темно, перестрелка затихла совсем. В комнате горит уже лампа. Начальники отрядов переговариваются:

— Патронов нет.

Судя по стрельбе, мы почти в кольце. Нас не бьют только с тыла: со стороны Гниловской. С городом в течение всего дня никакой связи.

— Что делать?

— Надо отступить, а не сдаваться. — решают главари. От организованной массовой обороны перейти к партизанским действиям. Уходить спокойно, небольшими отрядами, через овраг, мимо станицы Гниловской. Отход начать с восьми часов вечера. Постепенно, в порядке определенной очереди — от периферии к центру, все сжимая, сжимая кольцо... С собою брать только бомбы, оружие и порох.

— Если жители будут спрашивать, говорите, что идете на разведку.

Пароль передавали на ухо, только начальникам и патрулям.

Куда мы отступаем, знали только начальники отрядов.

— Кто идет?

— Свои.

— Пароль?

— Макс.

— Москва. Проходите.

Мы шли десятками и небольшими отрядами. Впереди каждого отряда бомбомет с бомбой в руках, готовый в случае неизбежной опасности по приказу начальника отряда бросить «консервную банку».

Чтобы отвести подозрение, избежать шума, обычного при массовом отступлении, отрядам было приказано уходить через полчаса один после другого. По предварительному расчету, все отряды, переправившись через Дон, к утру должны были прибыть в Аксай. Мы уходили поздно. Ночь была лунная, что давало возможность хорошо видеть дорогу, но в то же время нас, могли легко обнаружить.

Строились по три в ряд. В шубах, в солдатских шинелях, в бурках, рваных кофтах ровными шеренгами покидали Темерник. На крутых спусках сбились в кучи, потеряли порядок. На подъемах обходили тропинки, или через сугробы, карабкались на кручи. Когда подходили к Гниловской — казачьей станице, забирали влево, подальше от домов. Шли молча. Курить воспрещалось. Начальник шепотом передает команду:

— У берега по льду идите гуськом.

Выбрал место. Спустились, пошли через Дон.

Кто вправо, кто влево...

— Товарищи, ой, помогите! Тону...

Неосторожный, своевольный, кто-то попал в прорубь.

Сгрудились, упали на лед... Пять, десять рук протянулось... Лед затрещал.

— Тише, чорт, не ори...
— Товарищи, так нельзя...

Когда вытащили, Бекас говорит:

— Кто ослушается команды, пулю в лоб!
Черной змеей поползли через Дон.

А когда вышли на левый берег, не свернули сразу вдоль берега, а пошли дальше, вглубь, в бурянную степь, в темноту. До Аксая — верст двадцать. Идти нужно было вверх, параллельно берегу. Вглубь пошли потому, что боялись встретить казачий раз'езд, патрули.

Слева, далеко через Дон, на горе, тысячами холодных огней сверкал город. Казалось, огромное длинное чудовище с блестящей, переливчато-огненной чешуей залегло вдоль нашей дороги к спасению. То гористый берег ростовский. Звезды светили ярко. Далекие, они были ближе огней города. Холодные, они согревали нас. Чуждые, они были роднее.

Мы шли по бесконечной снежной равнине. Шли час, два и три. Усталые, спотыкались о кочки, падали, задыхались от стужи. Глотали ледяной воздух и согревались лишь далекой надеждой и верой в победу.

Позади покинутая крепость революции, временно оставленный форт, брошенные в плen, раненые товарищи по борьбе...

Мы не сдаемся, мы отступаем.

Холодный вихрь кружит, снежит. Но немного осталось: уже видна Нахичевань, скоро придем.

У Аксая опять перешли Дон. Пришедшие раньше оцепили завод, умело арестовали охрану, расставили патрули. Завод сельскохозяйственных машин имел пятсот — шестьсот рабочих. В бурные дни революции завод как и все бастовал. В отрядах революционеров, пришедших с Темерником, первыми были аксайские рабочие, хорошо знавшие местность. Приближение отряды встречались патрулями. Бесшумно нас подвели к

одноэтажному каменному коридору стоявшей.

Она могла вместить всех прибывающих. Пришедшие размещались на скамьях, стульях, на полу. Огня не зажигали, чтобы не вызвать подозрений.

Огромное холодное помещение согревали всеми дыханием. Сидели группами. Изнеможенные спали, неутомимые бодрствовали, шептались.

— Что же дальше? Что делать?

Каждая минута была дорога.

Может быть, предательство уже за дверями? Может быть, Темерник уже занят войсками? Может быть, утром, с рассветом?.. Может быть?..

Приказ штаба оглашается кратко, вполголоса:

— Рассыпаться. Кто куда может и хочет. В плен не сдаваться. Силы беречь для дальнейшей борьбы. Город большой — две тысячи жителей. Чтобы через час в столовой никого не было.

Крадучись вдоль стен и заборов спящего города, Бекас, Катя¹ и я ищем приюта. И когда друзья найдены, располагаемся на ночлег.

Разбудил страшный взрыв.

— Что это, что?..

В окна брезжил рассвет.

Бекас коротко бросает:

— Бомбы.

Через час мы узнаем: столовая Аксайского завода взлетела на воздух.

И позже еще новость: среди развалин нашли девять обуглившихся трупов. Гозорят, кавказцы. Им некуда было идти, а бомбы складывали на окнах. Одну уронили.

Утром уже не обстреливали Темерник. Жители выбросили белый флаг. Революционеры ушли.

¹ Катя — Е. М. Крамарова (ныне Гроссман), участница восстания.

В БОРЬБЕ ЗА БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ЛОЗУНЫ

(1905—1914 гг. Воспоминания подпольщика)

От редакции

Тов. И. М. Ратьков, рабочий, член партии с 1907 г., один из активных и преданных рядовых большевиков, прошел длительную революционную школу.

В начале своей революционной работы т. Ратьков, еще не изживший крестьянских предрассудков, не разбирался вполне в происходящих событиях. Но классовый инстинкт подсказывал ему, что надо идти бороться с самодержавием. Он шел на баррикады, потому что туда шли лучшие представители рабочего класса. Вскоре партийцы обратили внимание на молодого рабочего, у которого энергия была ключом и который

с увлечением отдавался революционной работе. Тов. Ратьков попадает под руководство и наблюдение такого способного организатора и прекрасного большевика, как Ф. Н. Бычков. Революционер — рабочий т. Ратьков начинает серьезно над собой работать, растет политически и вступает в члены РСДРП(б). Новая страница открывается в жизни т. Ратькова. Он включается в большую, трудную повседневную полноценную работу. Он — казначей организации, распространяет нелегальную литературу, проводит забастовки, организует профессиональный союз, день за днем подвергая свою личную жизнь опасности, неуклонно выполняет волю партии. Так работает профессионал-подпольщик.

После Февральской революции т. Ратьков также активно участвует в партийной и советской работе. Он выбирается на губернский съезд советов, работает членом Исполкома Московского губернского совета рабочих и солдатских депутатов, он участник захвата власти по Клинскому уезду, член уездного революционного комитета, участвует в подавлении ряда контрреволюционных восстаний, заведует агитационно-вербовочным отделом уездоенкомиссии и т. д. и т. п. Сейчас т. Ратьков работает притирщиком на фабрике «Новая заря».

1

1905 год застал меня на Московском стекольно-хрустальном заводе (теперь завод им. Калинина), где я работал притирщиком.

В Октябрьские дни наш завод вместе с рабочими других заводов («Реноме», «Ралле») мощной демонстрацией вышел на улицу с красным флагом и политическими лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует республика!».

Я был тогда молодым рабочим, еще не отдававшим себе полного отчета в происходящих революционных событиях, но всем нутром своим я был с революцией, помогал ей всемерно. Я участвовал в постройке баррикад на Лесной, взялся за организацию профессионального союза стекольщиков и зеркальщиков, руководил цеховыми забастовками, которые частенько проходили успешно, словом, выполнял любые поручения большевистской организации.

За последнюю забастовку хозяин уволил меня. Это было в августе 1907 г. Не успел

я еще получить расчет, как меня вызвали в полицейское управление и предложили вдвадцать четыре часа покинуть Москву.

2

Я отправился в Дмитровский уезд, в село Гари, где и поступил на стекольный завод. Там работал тогда Федор Николаевич Бычков, самый представительный член окружной организации, умный и убежденный товарищ. Я активно ему помогал в партийных делах, развиваясь политически под его руководством.

В ноябре 1907 г. я был принят в РСДРП(б). Наша небольшая организация насчитывала тогда человек 13. Кроме Ф. Н. Бычкова в ней состояли Г. Толоконников, Ф. Галкин, Краснов, Акимочкин, Лейхер, Иванов, Бедрецов Василий и акушерка Анна Ивановна, фамилии которой не помню.

Я исполнял обязанности организатора, казначея, вел переписку с районом и окруж-

чай партийной организацией и особенно много работал по распространению литературы.

Нелегальную литературу мы получали из Дмитрова через И. П. Петухова или Ал. Попова. Привозил ее на завод я. В вагоне клал пачки подальше от себя, а при выходе забирал. Хорошо осмотревшись, нет ли папка, встречался с нужными товарищами по условным знакам и паролям, раздавал им часть брошюр и листовок, а остальное приносил к себе. Это были брошюры пропагандистского характера: по земельному вопросу и отношению к нему большевиков, меньшевиков и эсеров, о том, как вовлечь рабочих в организацию, брошюры Ленина, газета «Социал-демократ». Газету читал обычно Голоконников. Соберет он, бывало, небольшую группу рабочих и, вложив «Социал-демократ» в реакционное «Русское слово», читает и разъясняет все непонятные места. Так, собирая по группам, он обрабатывает всех рабочих.

Нелегальную литературу распространяли мы не только у себя на заводе. Если шел рабочий в деревню, мы снабжали его брошюрами с тем, чтобы он вел пропаганду среди крестьян.

У нас на заводе работало около 450 чел. Наша маленькая ячейка активно руководила профсоюзной работой, забастовками. Мы несколько раз проводили сборы среди рабочих на помочь бастующим как у нас в Рос-

сии, так и немецким рабочим. Когда же полиция разгромила нашу московскую типографию, нам удалось собрать портючную сумму на ее восстановление.

Мне приходилось бывать на всех партийных районных собраниях и выступать на них с докладами о росте нашей заводской организации, о проводимой работе. Я обычно намечал себе тезисы на клочке тонкой папиросной бумаги и вкладывал ее в мундштук папиросы. В случае если папик или жандарм устраивали обыск, папироса бралась в рот, мундштук отрывался и проглатывался.

В городе Дмитрове у нас была конспиративная квартира при больнице, у одной акушерки. Об этой конспиративной квартире знал заведующий больницей доктор Гар, но он не только не выдавал нас, но, наоборот, всячески содействовал, хотя и не состоял в подпольной организации. Жена его (меньшевичка) ни разу у нас на собраниях не была.

Ярко запечатленся у меня в памяти следующий случай: однажды к Гару в больницу был положен тяжело раненый офицер железнодорожного батальона. Солдаты покушались на его убийство за зверское отношение, но убить офицера им помешали. Дело окончилось лишь тяжелым ранением. В то время как офицер находился в больнице, все военное начальство и он сам настаивали на том, чтобы весь батальон был

Чиккады в Москве на Лесной улице в 1905 г.

Рабочая демонстрация в Москве в день об'явления всеобщей стачки 7/XII 1905 года.

проводен мимо него, чтобы опознать покушавшихся. Доктор Гар понял опасность, грозящую солдатам. Он старался всеми мерами ухудшить состояние больного офицера, отговаривал его, ссылаясь на то, что он слаб, что ему опасно даже малейшее волнение, что это может кончиться катастрофой для него, и т. д. Но все доводы доктора Гара оставались безрезультатными. Весь батальон был проведен мимо больного, и офицер указал на одного солдата. Солдата передали военно-полевому суду. Он был приговорен к смертной казни через повешение. Нараспак доктор Гар доказывал, что больной легко мог ошибиться, так как у него была высокая температура, что у него даже было бредовое состояние, что нельзя полагаться на память больного человека, — приговор суда был приведен в исполнение. Вскоре же умер и офицер.

Как-то разгорелся у нас на конспиративной квартире жаркий спор с одним отзовистом по вопросу, быть или не быть нашей социал-демократической фракции в Государственной думе. Большинство присутствующих высказывалось за поддержку решения ЦК о необходимости участия в III государственной думе. Вдруг, в разгар наших

споров, прибежала хозяйка квартиры и, бледная, взволнованно говорит: «Там, внизу, два жандармских офицера, они слышали шум, сейчас придут сюда, немедленно уходите». Пришлось нам, не договорившись, бежать задним ходом. Спор мы закончили на квартире т. Петухова. Все решили поддержать точку зрения ЦК.

3

Жилось рабочим у нас на заводе, как и всюду, плохо. Работали с шести часов утра до шести вечера, с перерывом на завтрак в полчаса и обед — один час. Но мы всегда еще задерживались после работы: чистили станки, убирали инструменты, а утром приходили задолго до гудка, боясь штрафов, вычетов из жалования.

Ни о каких кино, клубах и театрах мы и не слышали. Развлечение — питейный дом и драка, особенно в праздничные дни.

Притирщики, шлифовальщики и небольшая часть гутейских жили на частных квартирах в окрестных деревнях. Платили по 5 — 6 руб. в месяц. Часть рабочих жила на заводских квартирах по две — три семьи в домике.

Хуже всего было гутейским. Это были местные рабочие, выросшие тут же, на заводе, которым некуда было деваться. Работали они 10 — 12 часов в ужасных условиях, при температуре, доходившей до 50°, и за эту каторжную работу получали от 18 до 35 руб. в месяц.

Притирщикам и шлифовальщикам было несравненно лучше. Самое главное — были они приезжие люди, вольные. Не понравилось что — снялся с работы и уехал. Гутейские этого сделать не могли. Они крепко держалось за свое место.

Как-то вскоре после моего приезда вспыхнуло среди рабочих недовольство. Хозяин вздумал снизить расценки, которые и без того были жалкими, особенно в гутейском цехе. Тогда мы решили об'явить забастовку и поддержать гуту. Придя утром на работу, притирщики спустили свой полуфабрикат под пол и сняли всех рабочих с работы. Действовали мы организованно. Выставили требование: не снижать расценок, установить 8-часовой рабочий день, смягчить штрафы. Гутейские скоро бросили бастовать: среди них оказалось много штрайкбрехеров и несознательных, темных людей. Наш цех бастовал еще неделю, и мы добились частичного удовлетворения наших требований: были сняты управляющие — Алексеев и Эснер, и расценки остались на прежнем уровне.

4

В гутейском цехе, где плелись стекло, на подобных операциях работали мальчики 11 — 14 лет. Эти маленькие мученики — держальщики, формопринимальщики — получали нищенскую зарплату: 4 — 5 руб. в месяц. Мы убедили их в необходимости требовать прибавки. Они пошли к управляющему, но тот их выгнал и пригрозил рассчитать совсем.

Тогда наша организация решила, что они должны бастовать. На другой день мальчики вышли на работу, но часа через два гута опустела. Раз'яренный управляющий не знал, что делать. Вызвал десятка полтора казаков. Но юные пролетарии держались решительно. И на второй день цех пустовал. Правда, многим из них сильно влетею от отцов, но все же они не сдавались. Среди них работал и Василий Бычков, сын Ф. Н. Бычкова. Последний принимал деятельное участие в забастовке ребят, всячески их ободрял и поддерживал. Вдовушkin, бедный крестьянский парнишка, был вожаком,

застрельщиком забастовки. Ребята не сдавались. Тогда управляющий решил, что он нашел средство заставить их работать. Казаки, размахивая плетками, стали загонять их, как стадо на работу. Но молодые забастовщики дружно бросились в лес, к поляне, где обычно происходили наши собрания летом. Место вокруг этой поляны было топкое, ее окружали болота, чуть прикрытие сверху мохом. Казаки, не зная этого места, пришпорив коней, бросились вдогонку, и все с лошадьми застряли в болотах. Прошло несколько часов, прежде чем они, вымазанные как черти под смех и насмешки мальчиков выбрались из злополучного места.

Забастовка мальчиков продолжалась три дня. Бастовало около 80—100 человек. Управляющий был вынужден согласиться на требование о прибавке. Им прибавили по 2—3 рубля в месяц и уплатили за прогульные дни. Но через неделю Вдовушкин был рассчитан.

5

Наступили мрачные годы реакции. Но, несмотря на то, что к нам каждый день заявлялась на завод полиция и чуть что присыпались отряды казаков, пролетарское революционное движение росло вширь и вглубь, и его задушить нельзя было.

Нам удалось хорошо провести праздник Первого мая 1908 г. Мы подготовили заранее, выработали план, получили из района прокламации. Они были расклеены не только на заводе, но и в соседних двух деревнях. После расклейки остался у меня еще нук прокламаций. Что с ними делать? Не выбрасывать же зря! И я разукрасил все заборы, деревья, стены зданий, скамейки. Некоторые умудрились расклеить даже на трубах и крышах. Еще до рассвета одному товарищу было поручено вывесить красный флаг над заводом, а в восемь часов Первого мая вывели мы весь завод, в количестве четырехсот пятидесяти человек, на улицу. С пением революционных песен и со знаменем, на котором было написано «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», мы направились навстречу рабочим фарфорового завода Кузнецова. В деревне Васино встретились с ними и устроили митинг. Многие выступали, говорили о том, как тяжело живется рабочему классу, призывали бороться с самодержавием и капиталистами, чтобы установить новую, лучшую жизнь для миллионов пролетариев.

Мы все думали, что после этого митинга нас арестуют, но полиция, хотя и заявила

на завод, почему-то сделала вид, что ей неизвестна наша политическая демонстрация.

На одной из массовок в 1908 г. выступал приехавший из центра эсер. Коснувшись в своей двухчасовой речи всех вопросов международного положения, он закончил предложением об'явить крестьянам, чтобы они немедленно захватили земли помещиков.

Это вызвало бурю возмущения у наших товарищей. Один ему так просто и заявил: «Ты провокатор, ты, очевидно, хочешь, чтобы нас всех завтра же отдали под полевой суд. Как же это крестьянство без революции, без свержения самодержавия захватит земли помещиков?»

Мы предложили эсеру немедленно покинуть собрание и впредь не являться к нам. И действитель но, эсеры больше не приходили на наши массовки. Но зато нас продолжали посещать господа меньшевики, с которыми у нас были крупнейшие политические разногласия. Они проповедывали необходимость ликвидировать подпольную работу и подпольную организацию и приспособиться к царскому и столыпинскому режиму. Иными словами, они предлагали создать новую легальную партию, ничего общего не имеющую с партией пролетарской революции.

Мы разоблачали перед рабочими этих ликвидаторов и продолжали твердо стоять на ленинском большевистском пути. Готовясь к революции, мы отставали и сохраняли наши нелегальные организации, которые воспитали крепкие партийные кадры. Спорили мы и по вопросу об участии в революции интеллигенции.

Меньшевики спрашивали:

— А что вы будете делать, если интеллигенция не пойдет с вами?

— Та интеллигенция, что не пойдет с нами, и не нужна нам. А та, что верит в силы рабочего класса, будет вместе с нами бороться до конца.— отвечали мы им.

6

В 1909 г. я подвергся обыску, который продолжался около четырех часов. Начался он в восемь часов утра. Обыск производил жандарский ротмистр в присутствии четырех казаков, нескольких стражников, урядника и пристава. Если бы меня заранее не предупредили, наша организация быта бы выдана с головой. На моей конспиративной квартире была партийная библиотека, состоявшая примерно из двадцати пяти книг, различные партийные документы, кроме того я только что привез с районной саве-

ловской конференции ряд брошюр, листовок, газет. Перед самым приходом полиции я успел бросить в печь портрет Каляева, ряд документов, припрятал чековую книжку, а о привезенной литературе совсем забыл. Во время обыска я вспомнил о ней и замер. Сейчас вот, через минуту—две, она будет открыта. Но тут же я овладел собой и ринул прозести охранников. Я стал с деланным испугом смотреть в угол, где был большой киот с массой икон. Полицейские, перехватив мой взгляд, немедленно изнравились к киоту. В один миг я очутился перед киотом и закричал: «Не дам на поругание святые образа!» Тогда ротмистр выхватил револьвер; наставил на меня, крикнув: «Прочь, сволочь с дороги!», оттолкнул так, что я едва удержался на ногах. Сорвав иконы и не найдя за ними ничего, кроме паутины и пыли, полицейские обозлились и с руганью принялись за женин сундук. Сломали крышку, перерыли все и там ничего не нашли. На полке увидели две брошюры, одну по земельному вопросу и вторую «Что такое социал-демократия». Обе брошюры были забраны. Уходя с этими трофеями, они выругались: «Инь, сволочь хиграя, успел себя очистить».

После этого обыска местная полиция за мной стала усиленно следить и дома и на заводе. Видя такое дело, я считал за лучшее убраться с завода.

7

С тех пор мне пришлось немало поколесить. Прежде всего я отправился в Польшу на ст. Гарволин. Со мной приехали еще два товарища: Алешин и Поляков, но они приехали по найму, а я так, на-авось. Вскоре мне, однако, удалось поступить на стекольный завод.

Как-то вечером я зашел в корчму попить чайку. Там сидели рабочие-польяки этого же стекольного завода. Разгоряченные выпитой водкой, они подошли ко мне и, выразительно жестикулируя, стали что-то кричать, перебивая друг друга. Я с трудом понял, что они спрашивают, зачем я, русский, приехал в Польшу. Оказывается, их мастеров на заводе Дятькова побили, и теперь они угрожали разделаться со мной. Это их намерение мне никак не улыбалось, и я попросил слова. На ломаном польском языке, с трудом подбирая выражения, я им стал объяснять, что их мастеров выгнали с Брянского завода как штрайкбрехеров. Рабочие там об'явили забастовку, так как хозяин

сбавил расценки, а польские мастера не хотели поддержать общих рабочих требований и продолжали работать по сниженным расценкам. За это с ними обошлись как со штреикбрехерами.

— Я приехал сюда,—закончил я свою речь,—работать. Но если вспыхнет забастовка, я буду в ней принимать участие. И вам советую не предавать интересов рабочих, а действовать сообща, чтобы всем рабочим было лучше.

Поляки успокоились, пожали мне руку и даже пригласили выпить с ними. Я их сердечно поблагодарил, но под предлогом, что мне нужно сходить по делу, распрощался и выбрался из корчмы.

Вскоре я и два приехавших со мной товарища не вышли на работу и предъявили требование управляющему завода Эснеру о повышении нам заработной платы. В России мы получали 40—50 руб. в месяц, а здесь 25—30 руб. Он и разговаривать с нами не стал, а вызвал полицию. Тут с нами в дискуссию не вступали, а предложили немедленно же смотреться. Пришлось сейчас же без копейки денег выехать в Россию.

8

Так как для меня было безразлично, куда ехать, я выбрал Вышний Волочек, бывшей Тверской губернии. Но работал там я очень недолго, вскоре закрыли наш цех. За Бычковым, который работал на том же заводе, уже велась слежка, и в одно прекрасное утро его арестовали на улице, а я в это время сидел у него на квартире. Один товарищ, я не помню сейчас его фамилии, сообщил мне об аресте Бычкова, и я успел до прихода полиции все подозрительное убрать. Во время обыска у него ничего не нашли, и Бычков вскоре был выпущен.

Оставшись безработным, я пытался поступить на другие заводы, но меня не брали—уже знали как неблагонадежного. Положение мое было бы совсем неблестящее, если бы не летнее время. Я хоть имел деревянную квартиру под каждым кустиком и скамейкой.

9

Перед самой войной 1914 г. мне удалось поступить на стекольный завод Балкашина на ст. Подсолнечная. Не успел я еще как

следует осмотреться на новой работе, как меня один рабочий предупредил: «Смотри, Ратьков, будь осторожней». Я очень удивился и спросил, что это значит. Он улыбнулся: «Тебе лучше знать, я тебе по-дружески советую, тут уж полиция все пронохала». Я только пожал плечами.

Заводик наш был небольшой, условия работы как и везде, ничуть не лучше. Я втянулся в работу организации. Здесь же работали мои друзья: Бычков, Толоконников, Иваничев, Зальман.

Решили мы организовать профессиональный союз и страховую кассу. Я поехал в Москву, привез членские билеты, устав. Собрались мы как-то после работы и стали обсуждать этот устав. Вдруг точно с неба свалился пристав Комаров и немедленно разогнал собрание, пригрозив нам арестом. Пришлось разойтись. Но вечером я подговорил рабочих пойти в лес доканчивать обсуждение. Я выступил и рассказал о том огромном значении, которое имеют профессиональный союз и страховая касса, члены которых не чувствуют себя заброшенными во время болезни, безработицы. Единодушно решили организовать профсоюз и поручили это дело мне. Второй вопрос, который мы обсуждали, было отношение рабочих к войне. И тут пришлось немало поговорить, прежде чем они поняли, что рабочим войны не нужна, что нужно самим высказываться и других убеждать выступать против этой войны, затеянной во имя интересов капиталистов и помещиков, всей этой своры тунеядцев.

Разошлись часа в два ночи. Придя домой, я свалился как мертвый на постель. Не помню, сколько я спал, но проснулся я от яркого света. Открыл глаза — перед моим носом револьвер и слышится площадная брань. Тут я быстро пришел в себя. Урядник с казаками производил обыск. Когда я стал протестовать, получил пинок в бок и пощечину от урядника. Перерыв все вверх зном, они нашли профсоюзные билеты и устав, правда, еще не оформленный. Нелегальная литература была спрятана в крынке стола, и ее не нашли.

После этого обыска я попал под особый надзор полиции. Когда была об'явлена мобилизация, меня не тронули, и я продолжал работать на заводе до Февральской революции.

Но связаться с центральной подпольной организацией до 1917 г. мне так и не удалось.

З. Ширинский

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
А Р Х И В
КРАСНОЙ
АРМИИ

История гражданской войны богата интереснейшими военными операциями, эпизодами, примерами исключительного геройства и преванности делу революции ее участников, отдельных бойцов Красной армии и целых ее частей.

К сожалению, о многих фактах никаких документов не сохранилось. Очень часто в боевой обстановке не было ни времени, ни места для записей. Многие же документы погибли в огне военных действий.

Уже в первые месяцы гражданской войны командование Красной армии обратило внимание на необходимость сбора и хранения дел, рисующих ход военных операций.

Главнокомандующий красными вооруженными силами еще в мае 1918 г. отдал приказ собирать документы, касающиеся военных действий Красной армии. Этот сбор документов не закончен еще и поныне. Дело тормозилось ожесточенной борьбой на фронтах (до 1921 г.), хозяйственной разрухой и прежде всего транспортной. Иногда, правда реже, мешало невежественное отношение к памятникам великих дней со стороны самих их творцов. Еще и теперь встречаешь на прилавке продмагов в качестве оберточных интереснейшие сведения о героических битвах периода борьбы с белогвардейщиной и интервентами.

Первые десять лет после окончания гражданской войны Центральным архивом Красной армии (ЦАКА) интересовались немногие. Это были главным образом военные специалисты, работающие в Военной академии, центральных управлениях Наркомвоенмора и т. д.

В 1931 г. обозначился резкий перелом. Постановление ЦК ВКП(б) от 30 VII 1931 г. одобрило инициативу Максима Горького об издании «Истории гражданской войны» в виде сборников научно-исследовательских статей и литературно-художественных произведений.

Тов. Горький обратился к участникам гражданской войны с воззванием, в котором писал: «Товарищи!

В Союзе советов начата и с каждым годом все более мощно и успешно растет работа по строительству социализма. В железном шуме этой великой работы, в непрерывном героическом напряжении трудовой энергии время течет быстро, и мы легко забываем о том, чем жили вчера. Забываются бойцы гражданской войны и битвы, которые привели рабочий класс Союза социалистических советов к победе над бесчеловечной, безответственной властью царя, помещиков, фабрикантов.

Наша рабоче-крестьянская молодежь должна хорошо знать труды и подвиги своих отцов,

должна подробно знать роль рабочего класса и его коммунистической партии в организации великой победы передового отряда пролетариев всех стран.

Ей надо было рассказать о том, как рабочие и крестьяне царской России вели вооруженную борьбу за власть советов, за свое право перестроить хозяйство на социалистический лад, за право создавать из рабской страны свободное, пролетарское государство. Четыре года дрались почти голыми руками, полуодетые рабочие и крестьяне против армии, которые организовали учеными царские генералы на средства помещиков и фабрикантов, против полков, где почти каждый рядовой был офицером. Дрались против специалистов войны, отличию вооруженных иностранными капиталистами, которым за это русские капиталисты обещали продать рабочих и крестьян в такое же рабство, в каком живут негры в африканских колониях Европы или рабочие в Китае под бесчеловечным гнетом мирового капитала. Четыре года продолжалась эта битва и окончилась полной победой рабочего класса и трудающегося крестьянства — отцов и старших братьев наших пионеров и комсомольцев.

Наша рабоче-крестьянская молодежь должна знать, что этой победой положено начало новой всемирной истории, новым, социалистическим формам жизни трудового народа. Не только наше юношество должно знать все это, но это необходимо знать пролетариату и трудающимся массам всей земли, — они, следуя предуказаниям истории и вашему примеру, тоже готовятся к решительным боям против своего врага, против мирового капитализма, истрапанного, расшатанного неизбежными, неизмеримыми противоречиями внутри его, но все еще механически выжимающего кровь рабочего класса, единственную силу, которой он живет.

И вот в целях ознакомления нашей молодежи, всех народов, включившихся в семью Союза социалистических советов, и в целях познакомить всех трудающимся Союза с недавним прошлым — с историей героической борьбы рабочих и крестьян под руководством коммунистов против фабрикантов и помещиков — затянута работа по изданию «Истории гражданской войны».

Работу эту организуют люди, достаточно известные трудовому народу Союза советов.

Для того, чтобы книги этой «Истории» читались легко и были всякому понятны, к обработке ее документов привлекаются все наши лучшие художники слова. На них возлагается обязанность — рассказать о боевых годах гражданской войны с предельной простотой, ясностью и правдивостью.

Документов много, но все-таки их недостаточно для полного и правдивого освещения всех событий 1917—1921 гг. Необходимо, чтобы в этой большой и трудной работе приняли участие непосредственные участники гражданской войны: красногвардейцы, партизаны, красноармейцы, командиры и военкомы тех лет, а также и люди, пострадавшие от грабежей и насилия белых армий, отрядов интервентов, от шаек бандитов и т. д.

Нужно, чтобы все люди, которые помнят события тех лет, те, которые создавали события, записывали и присыпали в редакцию «Истории» свои записки.

«История» ставит своей целью подробно осветить развитие и условия гражданской войны по всем областям и республикам Союза советов: борьбу за Ленинград, по Северному краю, Поволжью, Донбассу, Украине, Белоруссии, борьбу с польскимиланами, Севкавказу, Закавказью, республикам Средней Азии, по Западной и Восточной Сибири, Дальнему Востоку, по всей земле Союза советов.

Редакция обращается не только к партизанам, красноармейцам и вообще активным участникам военных действий, но и ко всем областным и местным работникам в области культуры, например сельским учителям. «История» ставит своей целью показом славных битв рабочего класса и трудающихся крестьянства, показом подвигов отдельных заводов и фабрик, красногвардейских и партизанских отрядов и красноармейских полков передать молодому поколению лучшие традиции пролетарской борьбы. Необходимо также припомнить и осветить:

Условия мобилизации населения белыми армиями.

Угон скота, грабежи деревень, поджоги, казни трудящихся, заподозренных в большевизме, и вообще карательные меры белых отрядов.

Поведение немецкой армии.

Поведение чехо- словаков и различных интервентов.

Поведение польской и петлюровской армий.

Роль духовенства в гражданской войне и т. д.

Это общие указания, но кроме них в некоторых случаях должны быть поставлены частные требования, например: по Поволжью, особенно по Самаре, Уфе и т. д., действия «народной» армии Комуча, поведение эсеров, меньшевиков; каждая область, каждая республика должна обнаружить свои особенности в борьбе с врагами.

Нужно писать обо всем, что приносили с собой армии помещиков и фабрикантов, отряды иностранных солдат, анархические шайки бандитов; нужны факты, как можно больше живых, правдиво рассказанных фактов.

Участники революционной борьбы должны рассказать о своем участии в боях. Было бы неплохо, если бы и бывшие участники «зеленого движения», шак Махно, Григорьева, Тютюнника и других бандитов тоже рассказали об их действиях. Последним надо помнить, что их

Выставка ЦАКА. Щит „Разгром Врангеля“.

Выставка ЦАКА. Щит «Разгром Врангеля».

приглашают не каяться в старых грехах, а только помочь осветить исторические события.

Чем больше соберется материалов, тем полнее и правдивее будет «История», которую необходимо знать всем трудящимся.

Редактора «Истории» твердо надеются, что на их призыв немедля сткликнутся все те люди, которым понятна огромная и трудная задача, решить которую мы обязаны.

Для облегчения работы по записям воспоминаний о событиях гражданской войны мы советуем там, где это возможно, собираться группами и проверять показания друг друга.

Итак — за дело. Дело большое и хорошее. Когда оно будет сделано, наши бойцы увидят себя людьми, которые совершили небывалые, изумительные подвиги, а наша молодежь почерпнет в этой «Истории» новый заряд трудовой и творческой энергии, необходимой для завершения дела великого, небывалого в истории человечества.

М. Горький

Этот призыв нашел благоприятную почву. ЦАКА начал привлекать все более широкие слои историков. ИГВ входит с ним в договорные отношения. При помощи ИГВ и по ее заказу ЦАКА приступает к серьезной работе не только по разбору, описанию и приведению в порядок дел, но и по выявлению отдельных документов. Среди огромного количества разного рода материалов найдено было множество документов, свидетельствующих еще и еще раз о величии стратегического творчества Ленина, о гениальности оперативной мысли Сталина, рассказывающих о великих полководцах революционной армии пролетариата Фрунзе и Ворошилове.

И кого только нет на архивных полках ЦАКА! Множество бойцов разных народов стало в ряды Красной армии со дня Октябрьской революции. Это прекрасно иллюстрируют документы. Рядом с документами известного бандита Шкуро мы находим Ярослава Гашека, заведующего интернациональным сектором полит-отдела V армии, автора книги, приобретшей мировую известность, «Бравый солдат Швейк», продвигающегося на лыжах по снежным лесам финна, узбека, несущего своим братьям освобождение от гнета эмира. Мы видим среди защитников и борцов пролетарской революции венгра и поляка, латыша и турка, немца, китайца и башкира. Вы найдете здесь араба (4-я Петроградская стрелковая дивизия на Восточном фронте), эстонца, корейца, туркмена. Возьмите другие дела, и перед вами встанут образы красно-зеленых Кавказа и партизан Сибири. И дни их борьбы облекаются в полные сил и красок картины героических подвигов за светлое будущее человечества.

Однако ЦАКА — эта сокровищница фондов героики — еще далеко неполон. Пока подготовлено к изучению 900.000 дел, а собрано всего лишь 1.300.000 дел.

Множество документов, подчас имеющих мировое значение, имеется еще в различных районах гражданской войны. Прежде всего мы должны отметить Ленинград, откуда ожидаются материалы, рисующие исключительный героизм пролетариата в условиях господства буржуазии (керенщина) и уличных боев за власть советов. С побережья Тихого океана поступят материалы о партизанских действиях. И если первая группа документов дает образцы для западноевропейского пролетариата в его борьбе за власть, то вторые укажут методы борь-

бы освободительного движения колониальным народам, страдающим под гнетом империализма.

В архиве хранятся материалы: 52 штабов отрядов и частей красной гвардии, 65 партизанских и повстанческих отрядов и частей, 61 центрального управления, 45 штабов фронтов, 69 штабов армий, 81 корпуса, 70 управлений групп войск, 34 штабов боеучастков, 95 укрепрайонов, 92 разных других войсковых обединений, 319 стрелковых дивизий, 591 отдельной стрелковой бригады, 2366 стрелковых полков и 353 отрядов.

Менее богато представлена кавалерия. Здесь имеются материалы 1-й и 2-й конной армии, 13 конных корпусов, 12 конных групп, 92 кавдивизий, 146 отд. кавбригад. 670 кавалерийских полков и 9 кавалерийских отрядов сдали уже материалы о своей героической борьбе в годы гражданской войны.

Техника представлена еще слабее. 1075 дел описывают работу красных пушкарей — артиллерии. Имеется 261 дело автобронечастей, инженерных войск — 202. Связисты сдали 473 дела.

Помимо этого имеются фонды частей и обединений войск ВОХР и ВНУС, ВЧК, ОГПУ, жел.-дор. войск, авиации и воздухоплавания, органов военных сообщений, военных местных комиссариатов, военно-учебных заведений, все-обуча и разных частей тыла.

Если в 1931 г. благодаря почину М. Горького документами, хранящимися в ЦАКА, заинтересовались широкие слои историков, то истекший год подвел под работу ЦАКА материальную базу. Обеспокоенный финансовым бессилием ЦАКА, наркомвоенмор т. Ворошилов обеспечил его средствами, которые позволили, считаясь с условиями помещения и кадров, улучшить работу по приведению материалов в порядок.

Наконец ЦИК Союза в том же 1933 г. принял закон «О военных архивах СССР». Тов. Енукидзе, докладывая об этом законе, так изложил причины, побудившие ЦИК СССР вплотную заняться этим вопросом:

«Первый закон имеет в виду сохранить для истории героику нашей славной рабоче-крестьянской Красной армии.

В условиях нашего строительства часто забывают о великих подвигах, обеспечивших нам укрепление и развитие нашего Советского государства. Когда оглядываешься назад, вспоминаешь великолепные страницы борьбы и работы нашей Красной армии, красной гвардии, красных партизан. Мы хотим, чтобы об этих подвигах знали и современники и последующие поколения. Описание этих героических событий послужит великодержавным материалом воспитательного значения для наших будущих поколений, для рабочих и трудящихся масс тех народов, которым предстоит еще пройти наш путь».

Все это стимулировало приток историков в читальный зал, усилило работу по выявлению наиболее интересных документов, хранящихся в ЦАКА. Ныне их выявлено почти 60.000. ЦАКА, издавший в 1933 г. список своих фондов¹, теперь собирается приступить к печатанию исчерпывающих каталогов дел и самих до-

кументов. Первым выпуском намечается издание каталога документов периода обороны Царицына, так как этот именно отрезок времени явился поворотным пунктом в борьбе с белогвардейщиной и не только на Южном фронте.

Из документов этого периода оперативное мастерство тт. Сталина и Ворошилова бьет ключом. Изучая эту операцию, легче всего найти образцы подлинного энтузиазма и геройства масс.

Большую работу ведет ЦАКА по выявлению отдельных бойцов Красной армии, красных партизан и красноармейцев. Около трети работников Архива занято исключительно изучением и описанием подвигов отдельных героев. Прежде всего из этой категории изучаются те, кто уже отдал все, что мог, для рабочего дела, т. е. свою собственную жизнь. Архив обеспечивает бывших участников гражданской войны справками об их участии в борьбе. Архив прямо тонет в заявлениях на этот счет. В течение года выдано всего лишь 8600 справок, а неотработанных осталось почти вдвое больше.

За 1933 г. 110 историками при 1200 посещениях было проработано свыше 10.000 дел. Историки занимались самыми разнообразными проблемами войны: историей ревкомов, историей дивизий (18-я, 21-я, 23-я и др.), армий (1-я конная и 15-я) и всех почти фронтов. Изучались партизанские действия, организация и битвы красной гвардии Петра, Москвы и других рабочих центров, борьба красных отрядов интернационалистов, интервенция империалистов. Красный Царицын, борьба за «всероссийскую кочегарку», разгром Врангеля и т. п. были проанализированы историками по материалам ЦАКА как самостоятельные темы.

Особо стоит изучение истории заводов (Надеждинского, Бежецкого и др.).

Наряду с докладами, которые делают научные работники ЦАКА на заводе, в клубе и казарме, наряду с газетными и журнальными статьями, которые они пишут, наряду с сообщениями по радио ЦАКА организует выставки документов. Одна из таких выставок — «Фрунзе и разгром Врангеля» — получила множество блестящих отзывов.

В будущем году предполагается расширить выставочное дело. ЦАКА намерен организовать следующие выставки:

- 1) Ленин и Красная армия.
- 2) Разгром Деникина.
- 3) Нацвопрос в Красной армии в период гражданской войны.
- 4) Защита Петрограда и разгром банд Юденича.
- 5) Разгром Колчака.

Эти же выставки будут размножены в виде альбомов в сотнях экземпляров.

Все эти мероприятия и в первую очередь печатание каталогов и альбомов подлинных документов дадут возможность приблизить к архиву не только историка, но и самые широкие массы, познакомив их с делами и днями недавнего героического прошлого.

Знакомство с этим прошлым через документы должно наполнить массы огромным доверием к тем, кто через горнило гражданской войны привел народы СССР к свободе, к зажиточной жизни, к тем, под чьим руководством сейчас уничтожаются классы и строится социализм.

¹ «Архив Красной армии». Москва. 1933, стр. 135.

Н. Державин

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**АКАДЕМИИ НАУК
С С С Р**

(ИТОГИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ)

Дисциплины, занимающиеся изучением истории классовой борьбы, экономики, литературы, языков, этнографии и фольклора группы славянских народов (русские, украинцы, белорусы, поляки, чехи, словаки, болгары, сербы, хорваты и некоторые другие), образуют единую область знания, известную под именем славяноведения.

Как и все прочие общественные дисциплины, славяноведческая наука, сложившаяся в течение последних полутораста лет в недрах буржуазии, была опорой и прикрытием агрессивной, захватнической международной политики русского царизма как на Западе по отношению к Польше или к зарубежной Украине, так и на юге, на Ближнем Востоке по отношению к Турции и странам Балканского полуострова.

Дореволюционная эпоха в истории славяноведения была эпохой господства в науке филологического формализма, идеализма и метафизики. Тогда к изучению истории того или иного народа, его языка и литературы и пр. подходили без увязки изучаемого материала с окружающей его социальной средой в ее классовой дифференциации и классовых установках.

Советская наука получила в свое распоряжение богатое научное наследие в виде огромного количества накопленных материалов по истории, литературе, языкам, этнографии и фольклору славянских и культурно-исторически теснейшим образом с ними связанных народов Центральной Европы. Мы поставили своей задачей в первую очередь критически разобрать эти материалы на основе тщательной марксистско-ленинской их проработки в целях органического включения славяноведчества в общий фронт советского обществоведения.

Наши первые достижения, нашедшие отражение в «Трудах» Института славяноведения Академии наук СССР, уже поставили советское славяноведение на позиции передового, ведущего отряда мировой науки.

Используя богатейшие архивные материалы, остававшиеся до революции скрытыми в тайниках канцелярских архивов русского царизма, мы ставим своей задачей вскрыть классовую роль старого славяноведения на службе царской и помещичье-капиталистической международной политики. Кроме того мы считаем необходимымпустить в широкий научный оборот новые архивные материалы, освещающие такие страницы в истории классовой борьбы изучаемых нами народов и их международных хозяйственных и культурных связей и взаимоотношений, которые до сих пор оставлялись без внимания буржуазной наукой. Сюда относятся: реакционная научная и политическая деятельность целого ряда крупных представителей старой русской и славянской науки (Будилович, Кулаковский, Фторинский, Ламанский,

Вячеслав Ганка, Богинич и др.); политическая деятельность последних энгиков славянофильства и славянофильских организаций царской России; славянская колонизационная политика русского царизма и ее подлинные классовые основы и устремления (история, хозяйство и культура болгарских, греческих, польских, албанских, чешских и других колоний на территории СССР); внешняя ближневосточная политика русского царизма и подлинная классовая сущность его южнославянских выступлений, с одной стороны, и антипольской, агрессивной политики — с другой (русский абсолютизм и южное славянство; история классовой борьбы в Польше в XIX—XX вв. и т. п.).

Наша советская славяноведческая наука в первую очередь изучает историю классовой борьбы интересующих нас народов в ближайшие к нам эпохи капитализма, империализма и пролетарских революций. Ее интересует также отражение этой борьбы в художественно-литературном творчестве господствующих классов эпохи капитализма и империализма, в рождающемся литературном творчестве пролетариата и в массовом народном творчестве.

Таким образом не только в методологическом отношении, но и в смысле проблематики наши установки представляют собою, несомненно, новое слово в международной науке, какой по характеру своего содержания является славяноведение.

На вторую пятилетку (1933—1937 гг.) Институтом славяноведения намечены для разработки следующие темы: 1) социальные и национальные противоречия современных славянских и смежных с ними государств, 2) рабочий вопрос, 3) аграрное движение, 4) коммунистическое движение, 5) национально-освободительное движение и буржуазно-демократические революции в славянских и смежных с ними странах, 6) неонацистские и фашистские концепции в современных историко-литературных школах на Западе, 7) развитие пролетарского литературного движения у славян, 8) отражение национально-освободительного движения в славянских художественных литературах, 9) история славянских литератур эпохи капитализма и империализма, 10) славянофильство и панславизм в свете марксистско-ленинской методологии, 11) национальные меньшинства на Балканском полуострове в эпоху империализма, 12) южнославянская «Задруга» в прошлом и настоящем, 13) славянские и смежные с ним национальности на территории СССР (история, хозяйство, быт, культура и пр.) и другие темы.

В истекшем 1933 году во исполнение производственного плана в плenарных собраниях Института были заступаны следующие доклады членов Института: акад. Н. С. Державина (он же директор Института): «Проблема интегральной Югославии», «Процесс вождя хорватской крестьянской партии д-ра Мачека в белградском чрезвычайном суде», «Славяноведение на VII международном конгрессе исторических наук в Варшаве», «Проф. Боян Петров как историк болгарской литературы», «Из очерков по истории болгарской литературы эпохи капиталистического накопления и промышленного капитализма: Алексей Константинов»; проф. К. А. Пушкиревича: «История чешской колонизации в России», «Участие славянских комитетов в босно-герцеговинском восстании 1876 г. и в русско-турецкой

войне 1877—1878 гг.» и др.; проф. В. Н. Краблева: «Из биографии академика В. Яги-ча» (по неизданным материалам), «Акад. А. П. Пыпин и славянский вопрос (по архивным материалам)», «Славяноведение на службе самодержавия: политическая деятельность акад. В. И. Ламанского» (по вновь открытым архивным материалам) и др.; проф. В. Г. Чернобаева: «Неизвестная рукопись Яна-Амоса Коменского в Ленинградской публичной библиотеке», «Два вновь открытые стихотворения XVIII в., посвященные Костюшке» (по рукописным материалам), «Начальный период в развитии чешского натурализма» и др.; проф. И. И. Соколова: «Мариупольские греки; их

эмиграция из Крыма в 1778 г.», «Возникновение греческой колонии в г. Нежине в XVII в.» и «Устав нежинского греческого братства»; научного сотрудника И. А. Шустера: «Роза Люксембург, ее взгляды на национальный вопрос и критика Ленина»; научного сотрудника М. В. Джервис: «Национальное движение в Австрии в период империалистической войны», «Проблемы падения Польши в освещении польского историка Рутковского»; научного сотрудника Е. А. Рыдзевской: «Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси» и др.

В. Ершов

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА И ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Одним из крупнейших музеев Средней Азии является Среднеазиатский музей искусства и истории революции.

САМИР возник в феврале 1930 г. из слияния Главного среднеазиатского музея и музея Истории революции при истпарте СРЕДАЗБЮРО ЦК ВКП(б). Документальным фондом САМИР были материалы и документы истории революционного движения накануне Февральской революции по перерастанию ее в социалистическую революцию и по борьбе пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством за удержание и укрепление советской власти в Средней Азии и незначительное количество по РСФСР и национальным республикам, а также по археологии, этнографии, европейским и незначительной части среднеазиатского искусства (живопись).

Музей имеет пять отделов: 1) первобытной культуры, 2) феодализма в Средней Азии, 3) колониальной политики российского империализма в Туркестане, 4) Февральской и Октябрьской революций и социалистическому строительству и 5) европейской культуры.

Из наиболее крупных работ Музея надо отметить: археологические раскопки скифо-сарматских курганов, давшие чрезвычайно ценную, но еще необработанную коллекцию; исследование древних серебряных и свинцовых рудников, археологические раскопки плавильной печи XII—XIII вв.; сбор материалов в Джизаке, Самарканде, Семиречье и в бывшей Ферганской области о восстании местного населения в 1916 г.; сбор документов, рисующих борьбу с басмачеством, а также по Февральской и Октябрьской революциям.

Уже разработаны и сформированы временные выставочные экспозиции на темы:

1) революция 1905 г. в Средней Азии; 2) история гражданской войны 1917—1924 гг.; 3) восстание местного населения в 1916 г.;

4) жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина; 5) январское (1919 г.) белогвардейское восстание в Ташкенте, возглавленное бывшим военным комиссаром Туркестанской Осиповым; 6) раскрепощение женщин и участие их в соцстроительстве; 7) нацразмежевание народов в Средней Азии; 8) земельно-водная реформа 1925—1926 гг. УЗССР и Туркменской ССР.

Сейчас САМИР проводит огромную работу: разрабатывается тематика постоянных выставок, планы научно-исследовательской работы во второй пятилетке и планы работ по сбору документов историко-революционных событий.

Во второй пятилетке намечается разработка основных тем по всем разделам музея; причем главное внимание должно быть сосредоточено на проблемах Февральской и Октябрьской революций и особенностях соцстроительства в Средней Азии и СССР. Дело в том, что Музей до сего времени вплотную не занимался разработкой проблем соцстроительства. Те колоссальные успехи, которые мы имеем в деле создания социалистической экономики как базы для окончательного построения бесклассового, социалистического общества в условиях бывшей царской колонии, где этот процесс совершается значительно труднее чем в центральных районах и в более передовых национальных республиках Союза, не были разработаны на экспозиционных материалах Музея. Вопросы борьбы с классовым врагом на всех фронтах нашего строительства, в том числе и на фронте идеологическом, борьба за генеральную линию партии с уклонами от нее, главным образом по вопросу окончательного построения социализма в СССР и национальной политике партии — не были в достаточной степени заострены в повседневной научной исследовательской работе Музея.

Во второй пятилетке намечается разработка следующих тем: 1) нарастание революционного кризиса в Средней Азии накануне Февральской революции; 2) Февральская буржуазно-демократическая революция; 3) борьба классов в период от Февраля до Октября; 4) Октябрьская революция и первые мероприятия советской власти; 5) пролетариат и беднейшее крестьянство в борьбе за удержание и укрепление советской власти (гражданская война); 6) национальная и земельная политика в Средней Азии; 7) переход от разрухи к первой пятилетке и борьба классов на этом этапе; 8) проблематика и итоги первой пятилетки;

войне 1877—1878 гг.» и др.; проф. В. Н. Краблева: «Из биографии академика В. Яги-ча» (по неизданным материалам), «Акад. А. П. Пыпин и славянский вопрос (по архивным материалам)», «Славяноведение на службе самодержавия: политическая деятельность акад. В. И. Ламанского» (по вновь открытым архивным материалам) и др.; проф. В. Г. Чернобаева: «Неизвестная рукопись Яна-Амоса Коменского в Ленинградской публичной библиотеке», «Два вновь открытые стихотворения XVIII в., посвященные Костюшке» (по рукописным материалам), «Начальный период в развитии чешского натурализма» и др.; проф. И. И. Соколова: «Мариупольские греки; их

эмиграция из Крыма в 1778 г.», «Возникновение греческой колонии в г. Нежине в XVII в.» и «Устав нежинского греческого братства»; научного сотрудника И. А. Шустера: «Роза Люксембург, ее взгляды на национальный вопрос и критика Ленина»; научного сотрудника М. В. Джервис: «Национальное движение в Австрии в период империалистической войны», «Проблемы падения Польши в освещении польского историка Рутковского»; научного сотрудника Е. А. Рыдзевской: «Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси» и др.

В. Ершов

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА И ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Одним из крупнейших музеев Средней Азии является Среднеазиатский музей искусства и истории революции.

САМИР возник в феврале 1930 г. из слияния Главного среднеазиатского музея и музея Истории революции при истпарте СРЕДАЗБЮРО ЦК ВКП(б). Документальным фондом САМИР были материалы и документы истории революционного движения накануне Февральской революции по перерастанию ее в социалистическую революцию и по борьбе пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством за удержание и укрепление советской власти в Средней Азии и незначительное количество по РСФСР и национальным республикам, а также по археологии, этнографии, европейским и незначительной части среднеазиатского искусства (живопись).

Музей имеет пять отделов: 1) первобытной культуры, 2) феодализма в Средней Азии, 3) колониальной политики российского империализма в Туркестане, 4) Февральской и Октябрьской революций и социалистическому строительству и 5) европейской культуры.

Из наиболее крупных работ Музея надо отметить: археологические раскопки скифо-сарматских курганов, давшие чрезвычайно ценную, но еще необработанную коллекцию; исследование древних серебряных и свинцовых рудников, археологические раскопки плавильной печи XII—XIII вв.; сбор материалов в Джизаке, Самарканде, Семиречье и в бывшей Ферганской области о восстании местного населения в 1916 г.; сбор документов, рисующих борьбу с басмачеством, а также по Февральской и Октябрьской революциям.

Уже разработаны и сформированы временные выставочные экспозиции на темы:

1) революция 1905 г. в Средней Азии; 2) история гражданской войны 1917—1924 гг.; 3) восстание местного населения в 1916 г.;

4) жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина; 5) январское (1919 г.) белогвардейское восстание в Ташкенте, возглавленное бывшим военным комиссаром Туркестанской Осиповым; 6) раскрепощение женщин и участие их в соцстроительстве; 7) нацразмежевание народов в Средней Азии; 8) земельно-водная реформа 1925—1926 гг. УЗССР и Туркменской ССР.

Сейчас САМИР проводит огромную работу: разрабатывается тематика постоянных выставок, планы научно-исследовательской работы во второй пятилетке и планы работ по сбору документов историко-революционных событий.

Во второй пятилетке намечается разработка основных тем по всем разделам музея; причем главное внимание должно быть сосредоточено на проблемах Февральской и Октябрьской революций и особенностях соцстроительства в Средней Азии и СССР. Дело в том, что Музей до сего времени вплотную не занимался разработкой проблем соцстроительства. Те колоссальные успехи, которые мы имеем в деле создания социалистической экономики как базы для окончательного построения бесклассового, социалистического общества в условиях бывшей царской колонии, где этот процесс совершается значительно труднее чем в центральных районах и в более передовых национальных республиках Союза, не были разработаны на экспозиционных материалах Музея. Вопросы борьбы с классовым врагом на всех фронтах нашего строительства, в том числе и на фронте идеологическом, борьба за генеральную линию партии с уклонами от нее, главным образом по вопросу окончательного построения социализма в СССР и национальной политике партии — не были в достаточной степени заострены в повседневной научной исследовательской работе Музея.

Во второй пятилетке намечается разработка следующих тем: 1) нарастание революционного кризиса в Средней Азии накануне Февральской революции; 2) Февральская буржуазно-демократическая революция; 3) борьба классов в период от Февраля до Октября; 4) Октябрьская революция и первые мероприятия советской власти; 5) пролетариат и беднейшее крестьянство в борьбе за удержание и укрепление советской власти (гражданская война); 6) национальная и земельная политика в Средней Азии; 7) переход от разрухи к первой пятилетке и борьба классов на этом этапе; 8) проблематика и итоги первой пятилетки;

9) перспектива второй пятилетки; борьба за хлопковую независимость; 10) история Коминтерна и ВКП(б); история среднеазиатских республиканских компартий. Жизнь компартий главнейших империалистических стран. Мировой экономический кризис. Усиление опасности интервенции. Нарастание революционного взрыва.

Разработка намеченной проблематики пойдет по трем основным линиям: 1) экспедиционная работа по сбору материалов на местах, 2) привлечение и разработка печатных материалов и фондов Ташкентского и Московского архивохранилищ, 3) систематизация материалов и строительство постоянных экспозиций.

Наряду с научной работой ставится в качестве основной задачи подготовка кадров. Имеющийся состав научных работников по партийной принадлежности и нацсоставу нельзя считать удовлетворительным. Из общего числа 8 человек — членов партии 2 (1 из них директор музея, без научной квалификации), по образовательному цензу имеют высшее образование 5, незаконченное высшее — 2, среднее — 1 и ниже среднего — 1.

Среди научных работников нет ни одного с высшим специальным образованием по истории или по музееоведению.

Понятно, что подготовка кадров является очередным вопросом дня Музея. В данное время намечено расширение состава научных работников в связи с расширением объема работы, а также предусмотрено привлечение высококвалифицированных сил из представителей коренных местных национальностей.

Нельзя не отметить, что современное состояние Музея с его организационной структурой и составом научных фондов не отвечает задачам социалистического строительства.

САМИИР должен быть реорганизован в историко-революционный музей. В этом случае вместе с неудачной структурой и весьма отдаленной от современности проблематикой Музея по первобытной культуре, феодализму и так называемой европейской культуре значительная часть научного фонда отойдет в состав материалов по искусству. Структура историко-революционного музея должна быть примерно следующая:

1) Туркестан накануне прихода русских (формируется экспозиционный материал по вопросам общественно-производственных отношений непосредственно перед приходом русских);

2) этапы развития завоевательной политики русского царизма в Средней Азии;

3) колониальное господство российского империализма в Средней Азии (включая Бухарское и Хивинское ханства);

4) Февральская и Октябрьская революции и борьба за удержание и укрепление советов;

5) строительство социализма;

6) история освободительного движения пролетариата и крестьянства на Западе и Востоке.

Задача создания именно такого историко-революционного музея стоит перед историками Средней Азии.

В Средне-азиатском музее Красной армии

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ

КРАСНОЙ АРМИИ

Музей организован в начале (март—апрель) 1931 г. по инициативе Центрального музея Красной армии в Москве. Задачи музея: показ истории гражданской войны и организационного строительства РККА на основе материалов главным образом по Средней Азии. Сейчас музей имеет следующие отделы: империалистическая война, 1916 год в Средней Азии, Февральская и Октябрьская революции в Средней Азии, гражданская война в центре (три похода Антанты, гражданская война в Закавказье и на Дальнем Востоке), гражданская война в Средней Азии — все фронты: Семиреченский, Оренбургский, Актюбинский, Закаспийский, Ферганский (басмачество), революция в Бухарском и Хивинском ханствах, рецидивы басмачества в 1931 г. в Средней Азии и укрепление обороноспособности Союза.

Музей имеет примерно до 1000 экспонатов, среди них макеты, знамена, бюсты, различное вооружение (до 40 объектов); живопись — 3 картины: «Налет басмачей», «Красные палочники», «Красная армия в Кара-Кумах» — и 18 эскизов на разные темы гражданской войны в Средней Азии.

Музей имеет все возможности для дальнейшего роста. Основной задачей Музея является не тематическое расширение его, а углубление построения экспозиций (более четкая проработка темы, улучшение качества экспонатуры, усиление вещественных элементов экспонатуры, художественных ценностей и, наконец, внешнее выявление экспонатуры).

БИБЛИОГРАФИЯ

И. Бах

«Письма деятелей I интернационала в дни Коммуны 1871 г.». М. 1933. Изд. ИМЭЛ, 63 стр.

«Письма рабкоров Парижской коммуны». М. 1933. Изд. ИМЭЛ, 59 стр.

Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) приступил к изданию на русском языке фундаментальной документации по I интернационалу на основе хранящихся в архиве и библиотеке ИМЭЛ материалов. Наряду с такими капитальными изданиями, как протоколы Генерального совета или Лондонской конференции 1871 г., ИМЭЛ подготовляет и рассчитанную на более широкий круг читателей научно-популярную серию «I интернационал в документах». Первый выпуск этой серии «Письма деятелей I интернационала во время Парижской коммуны 1871 г.», подготовленный к печати С. Бантке, недавно вышел.

О роли I интернационала в Парижской коммуне, по существу, известно очень мало. Маркс как руководитель Генерального совета развернул колоссальную деятельность для того, чтобы при помощи организаций I интернационала в разных странах мобилизовать общественное мнение в пользу Коммуны: «Я написал по вашему (Парижской Коммуны.—И. Б.) делу несколько сот писем, во все концы света, где существуют наши организации»,—писал он 13 мая 1871 г. участникам коммуны Франкелью и Варлену.

Но не только по этой линии боролся Маркс за дело Парижской коммуны. Мы знаем, что отсутствие программы революционных действий, отсутствие сильной пролетарской партии, способной возглавить стихийное революционное движение, является одной из важнейших причин поражения Коммуны. Этот пробел Маркс, гениальный теоретик и практик пролетарского революционного движения, всеми силами старался восполнить. «Многие из наших друзей принимают участие в Коммуне»,—писала Женни Маркс 18 апреля 1871 г. (письмо к Кугельману). Именно через этих «друзей»,—а это были друзья по партии: Франкель, Лафарг, Шили, Серайе и др.,—и осуществлял Маркс свое руководство Парижской коммуной. «Моя связь с Коммуной поддерживалась через посредство одного немецкого коммерсанта, который весь год разъезжал по делам между Лондоном и Парижем»,—писал он 12 июня 1871 г. (письмо к проф. Бизли). Для связи также использовались случайные поездки членов Интернационала и других лиц; член Генерального совета О. Серайе был специально послан в Париж с поручением от Совета.

Помимо этой персональной связи между Марксом и членами Интернационала, участниками Коммуны, шла постоянная и обширная переписка. «Письма деятелей I интернационала во время Парижской коммуны» проливают новый свет на эту сторону деятельности Маркса и Генерального совета. Из 28 писем, собранных

в этой брошюре, 10 написаны из Парижа непосредственными участниками движения. Наиболее яркие письма принадлежат перу Поля Лафарга и Лео Франкеля. Лафарг к тому времени уже прошел под руководством Маркса, с которым был близок с 1866 г., серьезную школу марксистской теории и практики; в Париже он был недолго и в середине апреля 1871 г. уехал обратно в Бордо, откуда, по поручению Коммуны, должен был организовать восстание на юго-западе Франции. Франкель, венгерский революционер, подлинный интернационалист, вместе с Парижской коммуной сражался за дело мирового пролетариата.

И Лафарг и Франкель отдали себе отчет в том, что главным несчастьем Коммуны было отсутствие крепкого руководства, и оба искали этого руководства у Маркса и Энгельса: «... в людях нет недостатка,— пишет Марксу Лафарг (8 апреля 1871 г.),— но не хватает руководителей». «Я был бы очень рад, если бы вы согласились как-нибудь помочь мне советом,— пишет Марксу Франкель (30 марта 1871 г.),— так как теперь я, так сказать, один, и один несу ответственность за все реформы, которые я хочу провести в департаменте общественных работ». Та же мысль о недостатке руководства и партийной организации сквозит в письме русской революционерки, коммунарки Елизаветы Тумановской-Дмитриевой. «Как можете вы оставаться там, — пишет она члену Генерального совета Г. Юнгу в Лондон (24 апреля 1871 г.),— и ничего не делать, когда из-за этого Париж на краю гибели? Необходимо во что бы то ни стало агитировать в провинции. Парижское население (известная часть) героически сражается, но никогда нельзя было думать, что мы будем так одиноки».

На менее высоком уровне политического понимания задач и трудностей Коммуны находился член Генерального совета, бывший эмигрант в Лондоне, француз Огюст Серайе. Его четыре письма к жене полны обывательского оптимизма и примиренчества по отношению к буржуазии. «Никогда Париж не был так спокоен... самой прочной опорой Коммуны является буржуазия»,— пишет он 12 апреля 1871 г. «Что дает мне уверенность и заставляет говорить о нашей победе,— пишет он в том же письме,— это то, что Париж ведет борьбу, не рассчитывая на помощь провинции... он сражается в уверенности, что если борьба Парижа не закончится разгромом Версалья, то последует вмешательство иностранцев».

Не менее интересны те письма, которыми обменивались члены I интернационала, не находившиеся в Париже (письма Дюпона, Юнга, Утина, Зорге, Эккарнуса и др.). В них отражена организационная сторона борьбы I интернационала за Парижскую коммуну. Очень ярки также письма Дюпона. Французский рабочий, эмигрант в Англии, постоянно бедствовавший, Дюпон, всегда оставался глубоко партийным человеком, преданным делу международной пролетарской партии. С самого начала Коммуны он негодует по поводу бездейственности ее членов и настаивает на энергичном вмешательстве I интернационала. Уже 21 марта 1871 г. он пишет (письмо Энгельсу): «Что

вы скажете о парижских делах? Мне кажется, там занимаются сущими пустяками... Мне кажется, наступил момент, когда (Генеральный) Совет должен вмешаться». «Я с радостью могу отметить, что Интернационал заиневелился», — пишет он в следующем письме (письмо к Марксу № 8). «Совершенно недопустимо, чтобы Генеральный совет оставался бездейственным перед лицом такого кровавого избиения рабочего населения в Париже», — опять пишет он уже после поражения Коммуны, 29 мая 1871 г. Письмо Зорге из САСШ и ряд других так же ярко иллюстрируют чувство международной пролетарской солидарности, вызванное Коммуной.

Все письма, кроме двух, публикуются впервые. Они снабжены примечаниями, которые в достаточной мере облегчают восприятие текста; указатель, в котором даны биографические сведения об авторах писем и упоминаемых лицах, составлен удачно; непонятно только, почему в биографии Тумановской не названа также фамилия Дмитриева, под которой Тумановская была известна во время Коммуны. Краткое предисловие, написанное С. Бантке, правильно вскрывает содержание сборника и дает те принципиальные установки, без которых читателю трудно было бы разобраться в отрывочном и разрозненном материале. В предисловии подчеркивается тот факт, что в своей борьбе за осуществление руководства Коммуной никто из членов I интернационала, кроме Маркса, не понимал истинного значения Коммуны. «Коммуны не понимали те, кто ее творил, ибо они творили при помощи чутья гениально проснувшихся масс, и ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает» (Ленин).

Именно эта стихийная революционность проснувшихся масс очень ярко отразилась в документах, опубликованных во второй брошюре «Письма рабкоров Коммуны» (составитель С. Захаров), которой открывается серия «Парижская коммуна в документах». В этой брошюре собраны 13 писем, адресованных в редакцию газеты «Père Duchêne» между 9 апреля и 14 мая 1871 г. Что такое «Père Duchêne»? Это ежедневный листок, основанный тремя близкими к бланкизму журналистами во главе с Вермершем. Когда Вермерш после падения Коммуны эмигрировал в Лондон, он немедленно вступил во враждебную Генеральному совету и Марксу группировку и в издаваемой им газете «Qui vive» предпринял против них клеветническую кампанию. Энгельс тогда же атtestовал его (в письме к Либкнехту 5 ноября 1871 г.) как «архимонцептика». Но независимо от политического лица редактора и именно благодаря его склонности к демагогии «Père Duchêne» пользовался большой популярностью среди парижского простонародья; об этом свидетельствуют письма, собранные в рецензируемой брошюре. Можно ли действительно назвать авторов этих писем рабкорами? Это, может быть, несколько преувеличено. К сожалению, немногие из них указали свое социальное происхождение: рабочий с бумажного производства, носильщик, жена солдата, попавшего в плен к пруссакам, бывший преподаватель ис-

панского языка с 45-летним стажем. Остальные имена совершенно неизвестны, некоторые письма вовсе не подписаны. Не все авторы писем являются подлинными «рабочими», но совершенно бесспорно одно: чувства и стремления, выраженные в этих письмах, были чувствами и стремлениями парижского пролетариата, тех самых «проснувшихся масс», о которых говорил Ленин. Это были чувства глубокой преданности Коммуне как «своему» правительству, чувство обиды за то, что Коммуна «не умеет ставить себя уважать», что она «не энергична», чувство острой ненависти к буржуазии, к церкви, к чиновничеству и полиции как представителям старого строя, жажды новой, свободной трудовой жизни.

Характерна конкретность требований, предъявляемых в этих письмах: каждый, исходя из своих частных нужд, требует проведения общего мероприятия. В письме № 2 солдатка Роз-Прене подробно рассказывает о своем бедственном положении и требует, чтобы все вещи, заложенные в ломбард под мелкие ссуды, были возвращены владельцам безвозмездно.

В том же письме № 1 и в письме № 11 поставлены вопросы об отмене квартирной платы; вопрос о радикальной борьбе с поповщиной ставится в письмах №№ 3 и 9; автор письма № 5 предлагает лишить политических прав всех лиц, состоявших на государственной службе во время империи, и конфисковать их имущество; в письме № 10 предлагается использовать для чеканки монет золотой престол французских королей, хранившийся в музее Клюни. Но корреспонденты «Père Duchêne» ставят и более общие задачи: необходимо добиться от Коммуны более энергичной борьбы против буржуазии, более энергичного проведения нужных мероприятий (письма №№ 1, 5, 6, 7). «...Мы считываем на вас, чтобы поддать ей (Коммуне.— И. Б.) жару, как говорится, и подтянуть ее. Пусть она действует без всяких обиняков, но честно, чорт возьми, так, чтобы и те, кто не верил в нее, признали бы ее энергию, а коли нет, так долой ее!» — пишет автор письма № 6. «Декреты издаются, но не приводятся в исполнение, пусть обратят на это внимание!» (письмо № 3). «Надо обратиться с призывом к провинции», — предлагает автор письма № 5; то же предлагает и автор письма № 11.

Как известно, Коммуной был принят ряд мероприятий именно в этом направлении (возврат заложенных вещей, квартирная плата и т. п.), и такое совпадение наглядно показывает, что они были приняты под давлением революционной стихии масс.

Письма снабжены примечаниями, вполне разъясняющими текст, и рядом удачно подобранных иллюстраций, взятых из печати эпохи Коммуны. В предисловии т. С. Захаров подробно обрисовал конкретную историческую обстановку и указал основные проблемы, возникающие в связи с данным материалом.

Обе брошюры удачно иллюстрируют историю Парижской коммуны и I интернационала и будут полезны не только массовому читателю, на которого они рассчитаны, но и исследователю Парижской коммуны, которому они принесут ряд новых данных.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН „БОРЬБЫ КЛАССОВ“ НА 1934 ГОД

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала «Борьба классов» публикует в настоящем номере проект годового плана и тематику статей, предполагаемых к опубликованию в течение года. Этот план, разумеется, не является окончательным и исчерпывающим, поскольку журнал ставит своей задачей освещать на историческом материале также и текущие политические события.

Исходя из задач, поставленных партией, и указаний т. Сталина о необходимости ликвидировать отставание теоретического фронта, в том числе и его исторического участка, от задач социалистического строительства и борьбы международного пролетариата за пролетарскую революцию, редакция в центре своей тематики ставит проблемы борьбы за победу социализма у нас и во всем мире. Во всех темах особое внимание уделяется выявлению руководящей роли партии и вождей международного пролетариата тт. Ленина и Сталина. Посвятив первые номера 1934 года 10-летию годовщины смерти Ленина и XVII съезду партии, редакция дальше намечает осветить историческое значение таких событий мирового масштаба, как 15-летие Коминтерна, 20-летие мировой империалистической войны и др. Кроме того редакция наметила ряд конкретных тем, связанных с докладами на XVII съезде партии и служащих к ним историческим комментарием.

Продолжая свою прежнюю линию — давать в каждом номере определенный тематический стержень, редакция разработала основное содержание всех 12 номеров. Это, конечно, нисколько не исключает помещения в этих номерах и других тем, не относящихся к основной стержневой теме.

Реализовать предложенный проект возможно только при активной и массовой поддержке со стороны всего коллектива читателей и авторов журнала. Поэтому редакция просит обсудить предложенный проект и прислать свои замечания, предложения и дополнения.

Одновременно редакция просит тт. читателей и авторов сообщить на какие темы они могли и хотели бы написать статьи для «Борьбы классов», прислать свои заявки и указать адреса, чтобы редакция могла войти с авторами в непосредственный контакт.

РЕДАКЦИЯ.

ПРОЕКТ ГОДОВОГО ПЛАНА

„БОРЬБЫ И КЛАССОВ“

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СТЕРЖНЕВЫЕ ТЕМЫ ОТДЕЛЬНЫХ НОМЕРОВ.

№ 1 (январь) 10 лет без Ленина. Историческое значение XVII съезда партии. Ленин—организатор пролетарской диктатуры.

№ 2 (февраль) XVII съезд партии и историческая наука. Ленин—вождь международного движения. Ленин—организатор побед на фронтах гражданской войны. Из истории борьбы с японскими интервентами.

№ 3 (март) 15 лет Коминтерна. История возникновения Коминтерна и отдельных компартий.

№ 4 (апрель) История СССР. Национально-освободительная борьба народов царской России. Гражданская война.

№ 5 (май) Международная борьба пролетариата. В связи с 70-летием I интернационала (1864 г.) и 45-летием празднования 1 Мая. Номер преимущественно посвящен истории I и II интернационалов, их эволюции и исторической роли.

№ 6 (июнь) Великий путь к социализму на примере истории Москвы (от Москвы феодальной и капиталистической к Москве социалистической).

№ 7 (июль) 20 лет мировой империалистической войны. История других войн в эпоху империализма. История борьбы с интервенцией в Советской России.

№ 8 (август) Вопросы преподавания истории в школе и вузах. Критические статьи о программах, учебниках и т. п. пособий по истории различных эпох.

№ 9 (сентябрь) История Дальнего Востока, Сибири, Кузбасса.

№ 10 (октябрь) История Ленинграда.

№ 11 (ноябрь) История Октябрьской революции и строительства социализма в СССР. История индустриализации СССР. История первой пятилетки. История Донбасса. История борьбы за колхозификацию.

№ 12 (декабрь) Национально-освободительные движения на Востоке: Турция, Персия, Монголия и др. Борьба с империализмом в Китае, Индии, Марокко, Египте, Чили, Ирландии, Мексике и др.

Во всех номерах будут помещены также статьи и на другие темы, выдвигаемые развитием классовой борьбы и актуальные для данного периода. Кроме того каждый номер журнала будет систематически помещать статьи в следующих, устанавливаемых в 1934 г. отделах:

- 1) История фабрик и заводов.
- 2) История гражданской войны.
- 3) По историческим организациям и учреждениям.
- 4) Библиография. По историческим журналам (аннотация).
- 5) Консультация молодому историку.
- 6) Работа с рабочим автором.
- 7) Трибуна читателя.
- 8) Хроника.

ПРОЕКТ ТЕМАТИКИ, НАМЕЧЕННОЙ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ И ОСВЕЩЕНИЯ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ В 1934 ГОДУ

1. О Ленине

1. Под знаменем Ленина—Сталина к победе мирового Октября.
2. От XI съезда к XVII.
3. За ленинское единство партии.
4. Крепить союз рабочего класса с крестьянством.
5. Борьба Ленина с олигополией во II интернационале.
6. Ленин и подготовка Пражской конференции 1912 г.
7. Ленин на краковском совещании 1913 г.
8. Ленин и советы в первый период диктатуры пролетариата.
9. Ленин в Совнаркоме (от II до III съезда).
10. Ленин—образец конкретного руководства.
11. Ленин в период 1917—1920 гг.
12. Ленин и германская революция 1918 г.
13. Ленин и сунятсенизм.
14. Ленин об Америке и американском рабочем движении.
15. Ленинское оперативное руководство в гражданской войне.
16. Московские рабочие о Ленине.
17. Тульские рабочие о Ленине.
18. Ленин и «Циммервальдская левая».
19. Ленин о 1 Мая.

2. По истории партии

A. ПАРТИЯ ДО ВОЙНЫ

1. 40-летие работы Ленина: «Что такое друзья народа».
2. Партия в период спада революционной волны (после разгрома декабрьского восстания до 3-июньского переворота).
3. Борьба большевиков против ликвидаторов в годы реакции.
4. Борьба большевиков против «ликвидаторов слева».
5. Борьба Ленина против большевиков-примиренцев в годы реакции.
6. Пражская конференция.

B. ПАРТИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ (20-ЛЕТИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ)

1. Тактика и лозунги большевиков в годы войны.
2. Борьба большевиков за III интернационал.
3. Партия в 1917 году.

В. ПАРТИЯ В ПЕРИОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

1. Борьба партии за генеральную линию в национальном вопросе.
2. Вопросы партийного строительства в период военного коммунизма.
3. Борьба за переход к новой экономической политике. X съезд ВКП(б).
4. Значение XIV конференции в истории партии.
5. XIV съезд—съезд индустриализации.
6. Из истории московской парторганизации.
7. Из истории ленинградской парторганизации.
8. Из истории парторганизации Сибири, Дальнего Востока и ряда других городов.

3. По истории Коминтерна и революционных движений после войны

1. Ленинизм—знамя Коминтерна.
2. XV лет 1 конгресса КИ.
3. Основные этапы в развитии КИМ.
4. Из истории КП Германии.
5. Из истории КП Болгарии.

6. XV лет Венгерской советской республики.
7. Опыт антивоенной работы КП Франции и КП Японии.
8. Стачечные бои французского пролетариата 1919—1920 г.
9. Два восстания в Австро-Венгрии (1927—1934 гг.).
10. Китайская коммунистическая партия на боевом посту (советы в Китае).
11. «Спартак» в ноябрьской революции.
12. Советы в Польше в 1919—1920 г.
13. Захват фабрик и заводов в Италии.
14. Попытка установления советов в Индо-Китае.
15. Революция в Испании.
16. Национально-революционное движение в Европе (Западная Украина, Западная Белоруссия и т. д.).
17. Национально-освободительные движения на Востоке (Турция, Персия и др.).
18. Национально-революционное движение в Индии, Китае, Марокко, Египте, Чили, Мексике и др.
19. Лозунг превращения империалистической войны в гражданскую и его осуществление в разных странах (восстания в армии и флоте во Франции, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии).
20. Международный пролетариат на защите СССР (из опыта периода интервенции и блокады Советской России 1918—1921 гг.).
21. Что рабочие и трудящиеся Запада и Востока говорят о первой и второй мировой войне.
22. История оккупации Манчжурии.
23. Корейские трудящиеся массы в борьбе с японским империализмом.
24. Корейская красная армия.
25. История фашизма (в отдельных странах).

4. По истории классовой борьбы в Европе и Америке до войны

1. История падения Рима.
2. Восстание Уота Тайлера.
3. Крестьянская война в Германии.
4. Крестьянские восстания (Жакерии).
5. Борьба за независимость Италии.
6. История об'единения Германии XIX ст.
7. Чикагская трагедия (45-летие празднования 1 Мая).
8. Маркс и I интернационал.
9. Русская секция I интернационала.
10. Стачка докеров в Лондоне и начало широкого рабочего движения в Англии.
11. Первые международные атаки оппортунизма.
12. Гедизм как центризм на французской почве.
13. «Американский» и «прусский» пути развития (на конкретно-исторической основе).
14. Революционный переворот младотурок в Турции.
15. Стачки XX в. (Рур, Бельгия, Англия).
16. ГСД накануне войны.
17. Французский анархо-синдикализм во время войны.
18. История коммунистической партии в Америке.
19. Центризм в итальянской социалистической партии.
20. Китайская республика 1911 г.

5. По истории классовой борьбы в России и в СССР

A. ИСТОРИЯ РОССИИ

1. Колониальная политика царизма русской буржуазии в Польше.
2. К истории колониального грабежа русским военно-феодальным империализмом прибалтийских стран.

3. Крестьянские движения в царской России.
4. Из истории русско-японской войны.
5. Как началась мировая война (роль России).
6. Солдатские письма 1914—1918 гг.
7. Опубликование тайных договоров.

Б. ИСТОРИЯ СССР

1. Декреты о социализации (1918 г.), о социалистическом землеустройстве.
2. Комбэды.
3. Кронштадт (1921 г.).
4. Декрет о замене продразверстки налогом.
5. К вопросу об истории СССР и союзных республиках (методологические статьи).
6. Об истории промышленности и пролетариата СССР.
7. Крестьянские восстания на Украине накануне Октября.
8. Из истории советской власти в Белоруссии.
9. Северный Кавказ в борьбе за Октябрь.
10. Национально-освободительная борьба южной Осетии.
11. История Татарской АССР.
12. Из истории Карелии.
13. Капиталистический и социалистический Донбасс.
14. История Москвы.
15. История Ленинграда.
16. История Дальнего Востока.
17. История Сибири.
18. Из истории коллективизации.
19. Памяти героев пролетарской революции (ряд биографий).

6. По истории гражданской войны

1. Восстание николаевских рабочих против немецких интервентов (1918 г.).
2. Крестьянские восстания на Украине против немецкой оккупации.
3. Украинские националисты на службе немецкого империализма.
4. Разгром деникинщины.
5. Разгром Колчака.
6. Разгром калединщины.
7. Дутовщина.
8. Казачья Вандея.
9. Гражданская война в Карелии.
10. Гражданская война в Таджикистане.
11. Бело-польская авантюра.
12. Из истории японской интервенции.
13. Роль Сталина в организации побед в гражданской войне.

7. Библиография

1. Статьи о ленинских сборниках, вышедших к 10-летию смерти Владимира Ильича и в течение года.
2. Рецензии на вышедшие книги по истории заводов.
3. Рецензии на серию «Жизнь замечательных людей».
4. Рецензии на книги по истории гражданской войны.
5. Что читать по истории Коминтерна (вкл. «Коминтерн в документах», протоколы I конгресса).
6. Обзор книг и журнальных статей по истории Коминтерна.
7. Эпоха промышленного капитализма в документах. Под редакцией Н. М. Лукина.
8. Обзор литературы по истории комсомола (книжки Афонина, Рывкина, Жива).

9. Международные отношения в эпоху империализма. Серия III, т. II (1914 г.).
10. Книги и статьи по истории империалистической войны.
11. Рецензии на исторические учебники и хрестоматии по истории партий.
12. «Колокол» Герцена (переиздан Соцэкизом).
13. История Украины, Белоруссии и Татарстана.
14. Советы в германской революции.
15. Советы в Китае.
16. Рецензии на исторические мемуары.
17. Обзоры исторической литературы по союзовым республикам.
18. Рецензии на исторические журналы.
19. Исторические романы Виноградова, Артема Веселого, Аросева, Толстого и др.
20. Рецензии на протоколы партсъездов и конференций (VIII съезда, X съезда, X партконференции и др.).
21. Революционное движение в капиталистических странах во время и после мировой войны. Под ред. тт. Зайделя, Райского и Фенделя. Т. I. 1914—1918.
22. Рецензия на книгу: «Царская Россия и дело Бейлиса».

Кроме того будет дан ряд статей по разделу истории фабрик и заводов, воспоминания и автобиографии рабочих и ряд документов, характеризующих историю революционной классовой борьбы пролетариата.

Письмо в редакцию

Тов. Волину, Б.

Дорогие товарищи!

С 1934 г. начинает выходить научно-исследовательский журнал «Историк-большевик» — орган Института истории ВУАМЛИН (Всеукраинская ассоциация марксо-ленинских научно-исследовательских институтов).

Журнал будет выходить под редакцией Кильчегога (ответственный редактор), Гребенкина К. и Абраменко К. (ответственный секретарь редакции) 4 раза в год, тиражом 10 000 экз. Первый номер журнала выйдет в апреле 1934 г.

1. Журнал ставит своей задачей разработку конкретных вопросов не только истории Украины и истории Октябрьской революции и гражданской войны на Украине, но и конкретную разработку вопросов истории вообще, в частности вопросов истории России, истории фабрик и заводов, истории гражданской войны, истории Запада, истории национально-колониально-освободительного движения и революционной борьбы в странах Востока и нацреспублик, бывших колониях царской России, истории колхозного движения, а также разработку вопросов методологии истории и методики преподавания исторических дисциплин.

2. Журнал отводит свои страницы разработке и изучению вопросов истории ВКП(б), КП(б)У и Коминтерна; вопросов мировой борьбы пролетариата за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата, за социализм.

3. На страницах журнала будут освещаться вопросы советского национально-культурного строительства, вопросы ленинской национальной политики в СССР.

4. Журнал будет освещать вопросы о положении исторической науки за пределами СССР, давая обстоятельную хронику о достижениях исторической науки в СССР, хронику научной продукции институтов, а также развернутую критику и библиографию.

5. Всю свою работу журнал строит под углом непримиримой борьбы на два фронта, против всяких уклонов и извращений марксизма-ленинизма в исторической науке.

6. Редакция просит вас принять участие в работе журнала, а также сообщить, над какими проблемами вы работаете, что вы можете дать для нашего журнала в ближайшие номера.

С комприветом
ответственный секретарь редакции **Абраменко**,

Адрес:

Харьков, ул. Либкнехта, 33.

Редакция журнала «Историк-большевик».

ПОПРАВКИ:

На стр. 36 правая колонка, второй абзац сверху следует читать: Борьба за партию, за сплоченность ее рядов, за железную дисциплину и единство приобретала поэтому решающее значение в эпоху диктатуры пролетариата.

На стр. 72 левая колонка, третий абзац, 6 строка следует читать: — ...что вместе с разделистами он неставил задачу...

На стр. 116 правая колонка, первый абзац снизу 10 строки напечатано: журнал «Вопросы страхования» также был у них...

Следует читать: журнал по вопросам страхования был у них...

Письмо в редакцию

Тов. Волину, Б.

Дорогие товарищи!

С 1934 г. начинает выходить научно-исследовательский журнал «Историк-большевик» — орган Института истории ВУАМЛИН (Всеукраинская ассоциация марксо-ленинских научно-исследовательских институтов).

Журнал будет выходить под редакцией Кильчегога (ответственный редактор), Гребенкина К. и Абраменко К. (ответственный секретарь редакции) 4 раза в год, тиражом 10 000 экз. Первый номер журнала выйдет в апреле 1934 г.

1. Журнал ставит своей задачей разработку конкретных вопросов не только истории Украины и истории Октябрьской революции и гражданской войны на Украине, но и конкретную разработку вопросов истории вообще, в частности вопросов истории России, истории фабрик и заводов, истории гражданской войны, истории Запада, истории национально-колониально-освободительного движения и революционной борьбы в странах Востока и нацреспублик, бывших колониях царской России, истории колхозного движения, а также разработку вопросов методологии истории и методики преподавания исторических дисциплин.

2. Журнал отводит свои страницы разработке и изучению вопросов истории ВКП(б), КП(б)У и Коминтерна; вопросов мировой борьбы пролетариата за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата, за социализм.

3. На страницах журнала будут освещаться вопросы советского национально-культурного строительства, вопросы ленинской национальной политики в СССР.

4. Журнал будет освещать вопросы о положении исторической науки за пределами СССР, давая обстоятельную хронику о достижениях исторической науки в СССР, хронику научной продукции институтов, а также развернутую критику и библиографию.

5. Всю свою работу журнал строит под углом непримиримой борьбы на два фронта, против всяких уклонов и извращений марксизма-ленинизма в исторической науке.

6. Редакция просит вас принять участие в работе журнала, а также сообщить, над какими проблемами вы работаете, что вы можете дать для нашего журнала в ближайшие номера.

С комприветом
ответственный секретарь редакции **Абраменко**,

Адрес:

Харьков, ул. Либкнехта, 33.

Редакция журнала «Историк-большевик».

ПОПРАВКИ:

На стр. 36 правая колонка, второй абзац сверху следует читать: Борьба за партию, за сплоченность ее рядов, за железную дисциплину и единство приобретала поэтому решающее значение в эпоху диктатуры пролетариата.

На стр. 72 левая колонка, третий абзац, 6 строка следует читать: — ...что вместе с разделистами он неставил задачу...

На стр. 116 правая колонка, первый абзац снизу 10 строки напечатано: журнал «Вопросы страхования» также был у них...

Следует читать: журнал по вопросам страхования был у них...

К читателям журнала „Борьба классов“

Дорогие товарищи!

Популярно-исторический, иллюстрированный журнал «Борьба классов» вступает в четвертый год своего существования.

Выполняя директивы партии, данные в письме т. Сталина в «Пролетарскую революцию» в 1931 г., наш журнал стремится стать подлинно боевым органом пропаганды марксизма-ленинизма на историческом материале и раз'яснить массам актуальные, современные проблемы в свете исторического опыта классовой борьбы международного пролетариата и всемирно-исторического опыта пролетарской диктатуры и строительства социализма в СССР.

Выполнение этой задачи, однако, невозможно без тесной связи с читателями журнала, без учета их потребностей и запросов. Наш журнал стремится быть подлинно массовым журналом и по содержанию и по оформлению. Он может стать таким только при вашей помощи, товарищи-читатели.

Редакция просит вас:

1. Прочитать план содержания наших будущих номеров текущего года, помещенный в настоящем номере «Борьбы классов», и написать ваши соображения, замечания и пожелания. Мы должны твердо знать, что интересует и что хочет читать в «Борьбе классов» его читатель.

.....

2. Сообщить редакции ваши предложения по части подачи материала (какого размера и как писать будущие статьи, более или менее популярно, чем до сих пор и т. п.).

.....

3. Высказать ваши пожелания по части оформления (иллюстрации и т. п.) и ваши замечания и предложения по части распространения и популяризации нашего журнала в широких массах.

.....

4. Стремясь к наибольшей связи и к выяснению состава наших читателей, редакция просит сообщить о себе следующие сведения: возраст, образование (общее и политическое), профессия и место работы, партийная принадлежность, адрес.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «БОРЬБА КЛАССОВ»

ПРИМЕЧАНИЕ: по заполнении ответов просьба сложить эту анкету в 2 сгиба и опустить без марки в ближайший почтовый ящик.

ОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
А. ПАНКРАТОВА. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР	1 — 27
Б. НОДЕЛЬМАН. Ленин и германская революция 1918 г.	28 — 42
С. СИЛЕСТО. Ленин и сунятснизм	43 — 56
Л. ЗУБОК. Ленин об американском рабочем движении	57 — 66
Б. ПОЛЯКОВ. Ленинское оперативное руководство в гражданской войне	67 — 74
ЧОСЕЛИАНИ. Московские рабочие о Ленине	75 — 79
И ИСТОРИИ ЯПОНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ	
Г. РЕЙХБЕРГ. Как начиналась японская интервенция	80 — 92
ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА	
А. ЕМЕЛЬЯНОВ. Вооруженное восстание в Ростове на Дону в 1905 г.	93 — 104
И. РАТЬКОВ. В борьбе за большевистские лозунги (1905—1914 гг. Воспоминания подпольщика)	105 — 110
ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ	
З. ШИРИНСКИЙ. Центральный архив Красной армии	111 — 114
Н. ДЕРЖАВИН. Институт славяноведения Академии наук СССР (итоги научно-исследовательской работы)	115 — 116
В. ЕРШОВ. Среднеазиатский музей искусства и истории революции	116 — 117
БИБЛИОГРАФИЯ	
И. БАХ. „Письма деятелей I интернационала в дни Коммуны 1871 г.“. М. 1933. Изд. ИМЭЛ. 63 стр. „Письма рабкоров Парижской Коммуны“. М. 1933. Изд. ИМЭЛ. 69 стр.	118 — 119
Тематический план „Борьбы классов“ на 1934 г.	120 — 125
Письмо в редакцию	126
Письмо к читателям	127 — 128

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. М. ВОЛНЯН** (отв. редактор), **А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **О. С. ВЕЙЛАНД** (отв. секретарь), **С. С. БАНТИКЕ**, **Т. М. ДУБЫНА**, **Л. Е. ФРУГ**, **Ф. Б. ФРУМНИНА**.

ЗАВ РЕДАКЦИЕЙ Н. М. ОДИНДОВА

ХУДОЖНИК ЖУРНАЛА Я. ЯНОШ

Адрес редакции: Москва, ул. им. Горького, 8. Тел. 4-85-62. Прием в редакции от 12 до 3 ч. дня